

святитель Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский

Церковь – Тело Христово

«Той (Христос) есть глава тела Церкви» (Кол. 1:13)

«Яже есть тело Его, исполнение Исполняющего всяческая во всех» (Еф. 1:22)

Неоднократно в Священном Писании Церковь называется Телом Христовым. «Радуюсь в страданиях моих о вас... за Тело Его, еже есть Церковь» (Кол. 1:24), пишет о себе апостол Павел.

Апостолы, пророки, благовестники, пастыри и учителя, говорит он же, «даны Христом на дело служения, в созидание Тела Его» (Ефес. 4, 11–12).

В то же время в Тело и Кровь Христовы прелагаются хлеб и вино за Божественной литургией, и верные причащаются их. Так установил Сам Христос, причастивший Своих апостолов за Тайной вечерей со словами: «Приимите. ядите: сие есть тело Мое; пейте от нея вси, сия бо есть кровь Моя нового завета» (Матф. 26, 26–28).

Как же одновременно Телом Христовым является и Церковь, и Святыя Тайны?

Верные и сами являются членами Тела Христова – Церкви, и причащаются Тела Христова в Святыя Тайнах?

И в одном и в другом обстоятельстве наименование «Тело Христово» употребляется не в переносном, а в самом действительном значении сего слова. Мы веруем, что святыя Тайны, сохраняя вид хлеба и вина, суть истинное Тело и истинная Кровь Христовы. Также веруем и исповедуем, что Христос, Сын Бога Живаго, придя в мир грешные спасти, стал истинным человеком, и плоть Его, восприятая от Девы Марии, была настоящей человеческой плотью; что телом и душой Христос был истинным человеком, во всем подобным остальным, кроме греха, оставаясь в то же время истинным Богом. Божеское естество не умалилось и не изменилось у Сына Божия при Его воплощении, как и у человека природа не изменилась при том, а полностью сохранила все свои человеческие свойства.

Неизменно и неслиянно, навеки, «нераздельно и неразлучно» соединились в Едином Лице Господа Иисуса Христа Божество и человечество.

Вочеловечился Сын Божий, чтобы людей сделать участниками Божественного естества (*2Петр. 1, 4*), чтобы падшего в грех и смерть человека освободить от них и сделать бессмертным.

Соединяясь со Христом, мы восприемлем Божественную благодать, дающую человеческой природе силу для победы над грехом и смертью. Господь Иисус Христос указал людям путь победы над грехом своим учением и дарует вечную жизнь, делая их участниками вечного Его Царства Своим Воскресением. Чтобы восприять от Него ту Божественную благодать, необходимо теснейшее с Ним общение. Привлекая к Себе Божественной любовью и соединяя их с Собой, Господь соединил друг с другом возлюбивших Его и пришедших к Нему, объединив в Единую Церковь.

Церковь есть единство во Христе, теснейшее единение со Христом всех право верующих в Него и любящих Его и единение их всех через Христа.

Состоит Церковь из земной ее части и небесной.

Сын Божий пришел на землю и вочеловечился, чтобы возвести человека на небо, сделать его снова жителем рая, вернув ему первоначальное состояние безгрешности и целостности, и соединить с Собой.

То совершается действием благодати Божией, подаваемой чрез Церковь, но нуждается и в усилении самого человека. Бог спасает падшее Свое творение Своей к нему любовью, но необходима и любовь человека к своему Творцу, без которой невозможно ему спастись.

Устремляясь к Богу и прилепляясь к Господу своей смиренной любовью, душа человека получает силу, очищающую ее от грехов и укрепляющую на борьбу с грехом до полной победы.

В той борьбе участвует и тело, ныне являющееся вместилищем и орудием греха, но предназначенное быть орудием правды и сосудом святости.

Бог сотворил человека, вдохнув богоподобный дух в созданное Им сперва из земли одушевленное тело. Тело должно было быть орудием покорного Богу духа. Через него дух человеческий проявляет себя в вещественном мире. Дух через тело и его отдельные члены открывает свои свойства и качества, которые Бог дал ему, как своему образу, почему и тело, как проявление образа Божия, является и именуется «по образу Божию созданною нашею красотой» (*стихира на погребении*).

Когда первозданные люди духом отпали от Своего Творца, тело, до сих пор покорное духу, через душу воспринимая веления его, перестало подчиняться ему и стало стремиться господствовать над ним. Вместо Закона Божиего в человеке стал господствовать закон плоти.

Грех, отсекая человека от источника жизни – Бога, рассек также и самого человека. Нарушилось единение его духа, души и тела, смерть вошла в него. Душа, не напоаясь струями жизни, не могла передавать их телу. Тленным стало тело, томление стало уделом духа.

Христос пришел на землю вновь падший восстановить образ и вернуть ему единение с Тем, Чей он образ. Соединя с Собой, Бог восстанавливает человека в первоначальной доброте во всей ее полноте.

Подавая благодать и освящение духу, Христос также очищает, укрепляет, исцеляет и освящает душу и тело.

«Прилепляясь Господеви един дух есть с Господом» (*Жор. 6, 17*).

Тело же соединившегося с Господом человека должно быть орудием Господним, служить для исполнения Его воли и стать частью великого Тела Христова.

Конечно, для единения со Христом недостаточно только соединение нашего тела с телом Христовым. Вкушение Тела Христова бывает благодетельно, когда духом устремляемся к Нему и соединяемся с Ним. Принятие Тела Христова при отвращении от Него духом подобно прикосновению ко Христу тех, кто Его били, и заушали, и распинали Его. Прикосновение их к Нему послужило им не во спасение и исцеление, а в осуждение.

Причащающиеся же с благоговением, любовью и готовностью принести себя на служение Ему тесно соединяются с Ним и становятся орудием Его Божественной воли.

«Ядый Мое тело и пияй Мою Кровь во Мне пребывает, и Я в нем», изрек Господь *(Иоан. 6. 56)*.

Соединяясь с Воскресшим Господом и через Него со всей Присносущей Троицей, человек почерпает от Нее силу для вечной жизни и сам становится бессмертным.

«Якоже Мя посла живой Отец и Аз живу Отца ради, и ядый Мя и той жив будет Мене ради» *(Иоан. 6. 57)*.

Все верующие во Христа и соединившиеся с Ним преданием себя Ему и принятием благодати Божией совокупно составляют Церковь Христову, Глава Коей есть Сам Христос, а входящие в Нее – Ее члены.

Невидимый телесным оком Христос проявляет Себя на земле явственно через Свою Церковь, как невидимый дух человеческий проявляет себя через свое тело. Церковь есть Тело Христово как потому, что части Ее соединены со Христом через Его Божественные Тайны, так и потому, что через Нее действует Христос в мире.

Мы причащаемся Тела и Крови Христовых (в святых Тайнах), чтобы самим быть членами Тела Христова (Церкви).

Не совершается то сразу. Полное пребывание в Церкви есть уже состояние победы над грехом и совершенного очищения от него. Все греховное до некоторой степени удаляет нас из Церкви и от Церкви; вот почему над каждым кающимся читается в молитве при исповеди: «примири, соедини святей Твоей Церкви». Христианин через покаяние очищается, соединяется теснейше со Христом в причащении Святых Таин, но потом опять оседает на него пыль греха и отдаляет от Христа и Церкви, почему снова нужны покаяние и причащение.

Пока не окончится земная жизнь человека, до самого исхода души из тела, продолжается в нем борьба между грехом и правдой. Какого бы высокого, духовного и нравственного состояния кто ни достиг, возможно для него постепенное или стремительное глубокое падение в бездну греха. Посему необходимо для каждого причащение святых Тела и Крови Христовых, укрепляющее наше общение с Ним и орошающее живительными струями Благодати Святого Духа, текущими по телу Церкви. Насколько важно причащение Святых Таин, показывает житие преподобного Онуфрия Великого, которому, как и другим пребывавшим в той пустыни отшельникам, ангелы принесли святое Причастие; преподобной Марии Египетской, конечным желанием которой, после многих лет пустынной жизни, было принятие Святых Таин; преподобного Савватия Соловецкого и множества других. Не напрасно ведь изрек Господь: «Аминь, аминь глаголю вам, аще не снете плоти Сына Человеческого, ни пиете Крови Его, живота не имате в себе» *(Иоан. 6. 53)*.

Причащение Тела и Крови Христовых есть принятие в себя Воскресшего Христа, победителя смерти, дарующего всем, кто с Ним, победу над грехом и смертью.

Сохраняя в себе благодатный дар Причастия, мы имеем залог и предначатие вечной блаженной жизни души и тела.

До самого «Дня Христова», Его Второго пришествия и Суда над всем миром, продолжаться будет борьба греха с правдой, как в отдельном каждом человеке, так и во всем человечестве.

Церковь земная объединяет всех возрожденных путем крещения, взявших крест борьбы со грехом и последовавших за подвигоположником борьбы той – Христом. Божественная Евхаристия, приношение бескровной жертвы и причащение ее, освящает и укрепляет ее участников, делает вкушающих Тело и Кровь Христовы истинными членами Тела Его – Церкви. Но лишь со смертью человек определяется, остался ли он действительным членом Тела Христова до своего последнего издыхания, или же грех восторжествовал в нем и изгнал благодать, получавшуюся им в святых Тайнах и связующую его со Христом.

Почивший в благодати, как член Церкви земной, из земной Церкви переходит в небесную, отпавший же от земной не войдет в небесную, ибо земная часть Церкви есть путь в небесную.

Чем больше человек находится под действием благодати причащения и чем теснее соединился со Христом, тем больше он будет наслаждаться общением со Христом и в грядущем Его Царствии.

Поскольку же грех в душе человека продолжает действовать до смерти, и тело его подвержено его последствиям, нося в себе семена болезни и смерти, от которых освободится лишь когда распадется по кончине человека и восстанет уже свободным от них в Общем воскресении. Соединившийся духом и телом со Христом в сей жизни духом и телом будет с Ним и в грядущей жизни. Благодатные струи Животворящих Таин Тела и Крови Христовых являются источником нашей вечной радости в общении с Воскресшим Христом и лицезрении Его Славы.

Те же последствия греха, еще не изгнанного окончательно из рода человеческого, действуют не только в отдельных людях, но через них проявляются и в земной деятельности целых частей Церкви. Постоянно появляются ереси, расколы, нестроения, отторгающие часть верных. Непонимания между поместными церквами или частями их издревле волновали Церковь, и постоянно в богослужении слышатся моления о прекращении их.

«Просим Церквам единомыслия», «Церквам соединению» (*воскр. канон Троиц. гл. 8*), «Церкве раздоры устави», «Устави раздоры Церкви» (*служба Архангел. 8 ноября, 26 марта, 13 июля*) и подобные молитвы в течение веков возносятся Православной Церковью. Даже в Великую Субботу, перед

плащаницей, Церковь взывает: «Жизнь Рождшая, Пренепорочная Чистая Дево, утоли церковныя соблазны, и подаждь мир яко благая» (*конец 2-й стати*).

Только когда появится Христос на облаках, поправ будет искушитель и исчезнут все соблазны и искушения.

Тогда закончится борьба между добром и злом, между жизнью и смертью, и Церковь земная вольется в Церковь торжествующую, в которой «будет Бог всяческая во всех» (*Жор. 15, 28*).

В грядущем Царстве Христовом не будет уже нужды в приобщении Тела и Крови Христовых, ибо все удостоившиеся будут в теснейшем общении с Ним и наслаждаться превечным светом Живоначальной Троицы, испытывая блаженство невыразимое языком и непостижимое нашим слабым умом. Посему после причащения святых Христовых Таин за литургией, в алтаре возносится всегда молитва, поемая в пасхальные дни: «О, Пасха велия и священнейшая Христе! О Мудросте и Слове Божий и Сило! Подавай нам истее Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего!»

Источник. Иоанн (Максимович), архиепископ Шанхайский и Сан-Францисский. Церковь – Тело Христово // Православный Путь (Приложение к журналу Православная Русь). 1957. С. 96–101.

Бог есть огонь

«Бог есть огонь поядая» (Евр. 12:29). Когда предмет прикасается к огню, то меняется: или сгорает, или закаляется.

Так человек, прикасаясь к Богу или гибнет, или спасается.

Огонь – всегда огонь! Но вот от прикосновения к нему получается и пепел, и сталь, в зависимости от того, что прикасается.

Так происходит и с человеком, и все зависит от того, что принесет он к огню Божественному – в каком состоянии он прикоснется к Богу. Если держит себя как железо, то железная сила станет стальной. Если распускается до слабости соломы – сгорит.

Каждый человек, рано или поздно, неизбежно прикоснется к Богу, и горе ему, если не приготовится к той встрече.

Толстой небрежно, самоуверенно, а не в страхе Божиим, приблизился к Богу, недостойно причастился и сделался богоотступником.

Настанет час, когда будет прикосновение с Божией силой, хотим мы того или нет.

Лопата в руке Господней. Лопатой подбрасывается зерно и солома, и последнюю относит ветер, а зерно падает у ног Хозяина и его собирают в житницы, солома оставляется или сжигается.

Неминуема встреча с Господом и надо к ней готовиться.

Наши грехи – это солома, сгорающая при этой встрече. Надо самому заранее произнести суд над собой и самому, готовясь к той встрече, отделиться от соломы, сжечь солому грехов покаянием.

Или сжигаются они одни, или сгорает вместе с ними и сам человек, отдавшийся греху.

Надо знать о Страшном суде и отнестись к тому дню и событию как должно. Надо очистить свою душу, надо молиться.

К тому событию надо отнестись ясно и сознательно, а не как животное, которое прячет голову, чтобы не видеть опасности.

Преподобный Серафим Саровский

Во имя Отца и Сына и Святаго Духа.

«Среди лета запоют Пасху» – сказано было некогда в Сарове. Прошло 70 лет после смерти того, кем эти слова были произнесены, и 19 июля 1903 года вся Русь огласилась хвалебными песнями, прославляющими Бога и Его угодника. Действительно, вся Русь ликовала тогда, как в день Святой Пасхи, даже больше.

Наступили потом страшные дни для России, но не умерла и не ослабла память о преподобном Серафиме. Также притекают к нему русские люди, прославляют его и на терзаемой Родине, и во всех концах мира, где они рассеяны. С жизнью преподобного Серафима начинают знакомиться и другие народы; его жизнеописание переводится на разные языки, вызывая не только восхищение, но и стремление многих применить в своей жизни уроки, даваемые нам жизнью преподобного Серафима. Так, несмотря на все перемены, происходящие в мире, память преподобного Серафима не только не меркнет, но остается светильником, все ярче светящим человечеству.

Подобное было и в дни его земной жизни. Рушились города, восстанавливались царства, с 12 народами шел в Россию, а потом с позором покинул ее Наполеон, горела и опять восстала из пепла Москва, устраивали восстание и были судимы декабристы, а преподобного Серафима как бы и не касались эти события. Он весь был занят достижением «единого на потребу», работал над «своим духовным возрастанием». «Эгоист, замкнутый в себе», «невежда, не интересующийся ничем, кроме того, что лично его касается» – так сказали бы про него многие мыслители, не желающие видеть и малейшей пользы в подвигах самоусовершенствования. Но вот умирает инок Серафим. Казалось бы совсем теперь должен изгладиться из людской памяти облик этого старца, так упорно убегавшего от мира. Но начинается целое паломничество к его гробу, во всех концах России прибегающие к нему получают помощь, утешение и назидание, а почитание его начинает распространяться и среди других народов.

В чем же сила преподобного Серафима? В чем его подвиг? Он стремился к осуществлению заповеди Христовой: «Будьте совершенны, якоже Отец ваш небесный совершен есть»; он трудился над тем, чтобы восстановить в себе первоначальный образ человека, испорченный впоследствии грехом. Преподобный Серафим достиг своей цели: он победил грех и стал преподобным, сделался воистину подобием Божиим. Мы не можем видеть невидимого Бога. Но Господь нам дает видеть Себя в Своих подобиях, в Своих угодниках. И вот одним из таких подобий стал преподобный Серафим. В нем мы видим восстановленную человеческую природу, освобожденную от рабства греху. Он есть воплощенное олицетворение победы вечного над преходящим, святости над грехом, добра над злом. Преподобный Серафим всех призывает своим примером следовать по пути, указанному Христом. Он зовет бороться с грехом и своими недостатками, являясь маяком и светильником для всех, ищущих спасения. Преподобный Серафим призывает искать высшего блага, плода духовного, о котором апостол Павел сказал: «плод же духовный есть любы,

радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание». Но для сего нужно «плоть распяти со страстями и похотьми». Тяжел путь к небесному царству, ибо грех овладел человеческой природой и испортил ее. Имеет каждый из нас грехи личные. Есть и грехи общественные, в которых грешен весь народ. Так весь русский народ грешен в том, что оставил благочестивую жизнь и обычаи своих предков, начал принимать и искать чуждое ему, неправославное, что верил клеветам, распространяемым про Помазанника Божия, и позволил сперва сорвать венец, а потом погубить со всей семьей, его благочестивого Царя, первого припавшего к прославленным мощам преподобного Серафима. Преподобный Серафим зовет всех к покаянию и к исправлению жизни, и личной, и общественной. Хоть и тяжел этот путь, но угодник Божий поможет идти им. Преподобный Серафим – маяк и светильник на этом пути; он же и помощник.

Молитвами преподобного Твоего, отца нашего Серафима, Господи, даруй покаяние и победу над грехом нам, грешным, и введи нас в Твое небесное царство. Аминь.

Сербия 1928 г.

Грех цареубийства

После смерти Саула, павшего на свой меч во время битвы с Филистимлянами, один Амаликитянин побежал известить о том Давида, гонимого в то время Саулом.

Предполагая, что Давид будет весьма рад принесенной вести, он решил выдать себя за убийцу Саула, чтобы тем еще больше увеличить ожидаемую награду.

Однако, выслушав придуманный Амаликитянином рассказ о том, как он, по просьбе раненого Саула, умертвил его, Давид схватил одежды свои и разодрал их, также сделали и все люди, бывшие с ним. Они рыдали и плакали и постились до вечера. «И сказал Давид отроку, рассказавшему ему: откуда ты? И ответил он: я сын пришельца-Амаликитянина.» Тогда Давид сказал ему: как не побоялся ты поднять руку, чтобы убить помазанника Господня?» и приказал одному из слуг убить его. При том Давид сказал: «кровь твоя на голове твоей; ибо твои уста свидетельствовали на тебя, когда ты говорил: «я убил помазанника Господня.» (2Цар. 1, 13–16).

Так был казнен иноплеменник, выдавший себя за убийцу Саула. Он подвергся жестокой казни, хотя Саул сделал много зла, за которое отступился от него Господь, и он являлся гонителем невинного Давида.

Из слов Давида видно, что он сомневался в правдивости рассказа Амаликитянина и не был уверен, что тот именно является убийцей Саула,

однако, он предал его смерти, считая достойным смерти даже одно название себя цареубийцей и похвальбу сим поступком.

В сколько же раз тяжелее и греховнее убийство православного Помазанника Божия, во сколько раз большая кара должна лежать на убийцах Царя Николая II и его семьи?!

В противоположность Саулу, отступившему от Бога и за то оставленному Им, Царь Николай II является образцом благочестия и полной преданности воле Божией.

Восприяв не ветхозаветное возлияние елея на главу, а благодатную «Печать дара Духа Святаго» в Таинстве Миропомазания, Император Николай II был до конца жизни верен своему высокому званию и сознавал свою ответственность перед Богом.

Император Николай II в каждом поступке отдавал отчет перед своей совестью, вечно «ходил пред Господом Богом». «Благочестивейший» во дни своего земного благополучия не по имени только, а и самым делом, Он во дни своих испытаний проявил терпение, подобное терпению праведного Иова.

На такого-то Царя поднялись руки преступников, и притом уже тогда, когда он от перенесенных им испытаний очистился, как золото в горниле, и был невинным страдальцем в полном смысле того слова.

Преступление против Царя Николая II еще тем страшнее и греховнее, что вместе с ним убита вся его семья, ни в чем не повинные дети!

Такие преступления не остаются безнаказанными. Они вопиют к Небу и низводят Божий гнев на землю.

Если подвергся смерти иноплеменник – мнимый убийца Саула, – за убийство беззащитного Царя-Страдальца и его семьи страдает ныне весь русский народ, допустивший страшное злодеяние и безмолвствовавший, когда Царя подвергли унижению и лишению свободы.

Глубокое осознание греховности содеянного и покаяние перед памятью Царя-Мученика требуется от нас Божией правдой.

Память невинных князей свв. Бориса и Глеба пробуждала совесть русских людей во время удельных смут и устыждала князей, начинавших раздоры. Кровь св. Великого князя Игоря произвела душевный переворот в душах киевлян и объединила Киев и Чернигов почитанием убиенного святого князя.

Св. Андрей Боголюбский своей кровью освятил единоедержавие Руси, утвердившееся уже значительно позже его мученической кончины.

Всероссийское почитание св. Михаила Тверского исцелило раны на теле России, причиненные борьбой Москвы и Твери.

Прославление св. Царевича Димитрия прояснило сознание русских людей, вдохнуло в них нравственные силы и, после тяжких потрясений, привело к возрождению России.

Царь-Мученик Николай II со своим многострадальным семейством входит ныне в лик тех страстотерпцев.

Величайшее преступление, совершенное в отношении его, должно быть заглажено горячим почитанием его и прославлением его подвига.

Пред униженным, оклеветанным и умученным должна склониться Русь, как некогда склонились киевляне перед умученным ими преподобным князем Игорем, как Владимирцы и Суздальцы – перед убитым Великим князем Андреем Боголюбским!

Тогда Царь-Страстотерпец возымеет дерзновение к Богу, и молитва его спасет Русскую землю от переносимых ей бедствий.

Тогда Царь-Мученик и его сострадальцы станут новыми небесными защитниками Святой Руси.

Невинно пролитая кровь возродит Россию и осенит ее новой славой!

Слово перед панихидой по Царю-Мученику

Сорок лет тому назад в один день рухнули величие и слава Державы Российской, оплота мира во всем мире. Подпись Государя Императора Николая Александровича на акте отречения от Престола – есть историческая граница, отделяющая великое и славное прошлое России от темного и мучительного положения ее теперь.

Вся тяжесть зла теперешней власти и устройства жизни направлена на честных, благонамеренных и благочестивых людей, и весь народ находится в угнетении и постоянном страхе. Люди боятся даже своей собственной и никому невысказанной мысли, боятся, чтобы она не отразилась на выражении лица.

Что произошло в тот день 40 лет назад?

Отступление народа от Помазанника Божия, отступление от власти покорной Богу, отступление от данной перед Богом присяги на верность Государю Помазаннику Божию и предание его на смерть.

Лишен власти, а потом и свободы, тот, кто все свои силы отдавал во имя Божие на служение России.

Десятки лет темные силы зла вели борьбу против Помазанника Божия, против государственной власти верной Богу. Те же силы убили и Государя Императора Александра Николаевича, Царя – Освободителя.

То преступление отрезвило народ, всколыхнуло всю страну и тот нравственный подъем дал возможность Государю Императору Александру III Миротворцу крепкой рукой править Россией.

Прошло два десятка лет мирной жизни и развития России, и создан новый заговор ниспровержения Царского Престола.

То был заговор врагов России.

В самой России шла борьба против самой ее сущности и, разрушив Престол, враги России уничтожили даже имя ее.

Теперь весь мир может видеть, как связаны между собой Царская власть, верная Богу, и Россия. Не стало Царя – не стало России.

Борьбу против Царя и России вело скрытое безбожие, пробившее себя затем открыто.

Такова сущность борьбы против Царя и России, против основы ее жизни и исторического развития.

Таковы смысл и цель той борьбы, которых может не все сознавали – те, которые были ее пособниками.

Против Царя и России было призвано все грязное и ничтожное и грешное, что может быть в душе человека.

Все это, всеми силами, поднималось на борьбу против Царской Короны, увенчанной крестом, ибо Царское служение есть крестоношение.

Против креста людей всегда поднимают клеветой и ложью, творя дьявольское дело, ибо, по слову Господа Иисуса Христа: «он есть ложь и отец лжи и когда говорит ложь – говорит свое» (Ин. 8:44).

Все было поднято против самого кроткого, чистого и любвеобильного Царя, чтобы в страшный час борьбы против него – он остался один. Предварительно распространялись грязные клеветы на Царя и его семью, чтобы народ охладел к нему.

Неверные союзники приняли участие в заговоре. Ближайшие сотрудники, когда Государю нужна была нравственная поддержка, не дали ее и нарушили присягу. Одни – приняв участие в заговоре, другие – по слабости советуя отречение. Государь остался совсем один, а кругом «измена, подлость и трусость».

Со дня отречения все пошло последовательно рушиться. Иначе и не могло быть. Был свергнут тот, кто объединял все, стоя на страже Правды. Был совершен грех и открыт свободный путь греху. Напрасно хотят отделить февраль от октября: одно было прямым следствием другого.

В нынешние дни марта Псков был Гефсиманией для Государя, Екатеринбург стал для него Голгофой.

Государь Николай Александрович скончался как мученик, с непоколебимой верой и терпением, выпив чашу страданий до дна.

Грех против него и России совершили все, кто так или иначе действовал против него, не противодействовал тому или хоть сочувствием принял участие в совершившемся 40 лет назад событии. Грех тот лежит на всех, пока не будет смыт искренним покаянием. Вознося молитвы о упокоении его души, мы молим и о убиенных также в мартовские дни Царях Павле Петровиче и Александре Николаевиче.

И молимся о прощении Русскому народу тяжкого греха измены и цареубийства. Горе тем, кто добрым называет зло, а добро – злом. Перед

нами, пред Русским народом, путь восстания – есть путь сознания греха и покаяние.

Для возрождения России напрасны все политические и программные объединения. России нужно нравственное обновление Русского народа.

Мы должны молиться о прощении грехов наших и о милости нашему Отечеству, подобно тому, как Господь Бог освободил Израиль от плена Вавилонского, восстановил и разрушенный град Иерусалим.

Страстотерпец Николай II

«Голос крови брата твоего вопиет ко Мне от земли; и ныне проклят ты от земли, которая отверзла уста свои принять кровь брата твоего от руки твоей» (Быт. 4:10–11).

Так изрек Бог Каину после убийства им Авеля. Незлобивый, кроткий Абель бездыханный и безгласный лежал на земле. Но кровь его вопияла к небу. О чем вопияла она? Вопила земля, вопила природа, взывая к Богу о правосудии. Вопила, ибо не могла молчать, потрясенная совершившимся преступлением. Есть события, которые потрясают даже бездушные стихии. Сам Господь творит тогда суд над ними. Таково было первое убийство, убийство Каиново. Таковы многие другие тягчайшие преступления. К ним относится страшное цареубийство в Екатеринбурге. За что был преследуем, оклеветан и убит Царь Николай II? За то, что Он был Царь, Царь Милостью Божией. Он был носителем и воплощением православного мировоззрения, что Царь есть слуга Божий, Помазанник Божий, Ему должный дать отчет за судьбы вверенного ему народа, за все свои деяния и поступки, не только личные, но и как Правителя.

Так верил православный русский народ, так учила Православная Церковь, так сознавал и ощущал Царь Николай. Он весь проникнут был этим сознанием. Он смотрел на свое несение Царского венца, как на служение Богу. Он помнил то при всех своих важных решениях, при всех возникавших ответственных вопросах. Вот почему он так тверд и непоколебим был в тех вопросах, в которых он был убежден, что такова воля Божия, твердо стоял за то, что представлялось ему нужным для блага возглавляемого им Царства.

А когда он увидел, что поставлен в невозможность совершать по совести свое царское служение, то сложил с себя царский венец, подобно св. князю Борису, не желая стать причиной раздоров и кровопролития на Руси. Самопожертвование Царя, не принесшее России пользы, а наоборот, давшее еще большую возможность безнаказанно совершать преступление, принесло невообразимую скорбь и страдания. Но в них он проявил величие духа, уподобившее его праведному Иову. Злоба врагов не унималась. Он был для них и тогда опасен, ибо он был носитель сознания, что Верховная власть должна быть Богу покорна, от Него получать освящение и укрепление, Божиим заповедям следовать, Он был живым воплощением веры в Промысел Божий, действующий в судьбах царств и народов и направляющий верных Богу правителей на благие и полезные деяния. Посему он нетерпим был для врагов веры и для тех, кто стремится разум человеческий и силы человеческие поставить выше всего... Царь Николай II был слуга Божий по внутреннему своему мирозерцанию, по убеждениям, по своим действиям, и таким он был в глазах всего православного Русского народа. Борьба против него тесно была соединена с борьбой против Бога и веры. По существу он сделался мучеником, оставшись верным Царю царствующих, и приняв смерть так, как принимали ее мученики.

Царь Николай Многострадальный

Прообразом страдавшего и воскресшего Христа был праведный Иов Многострадальный, память которого совершается ныне и книга о котором читается на Страстной седмице, потому что праведный Иов был первым прообразом великого страдальца за наши грехи, Спасителя мира. Подобно Иову, из обладавшего большим богатством сделавшемуся нищим, Сын Божий, оставив небесный Престол Свой, «обнищал», сделавшись подобным нам Человеком, терпевшим все нужды человеческие и не имевшим где главу преклонить. Как праведный Иов терпел укоризны от своих ближайших друзей, так и Христос претерпел поношения и клеветы от Своих соплеменников и предательство Иуды. Но как после страданий св. Иов вновь увенчался славой и богатством, так и Сын Божий воскрес из мертвых, возшел на Свой небесный Престол, воспеваемый ангелами и приемлющий поклонение от всего мира. Как были прообразы Христовы до Его пришествия на землю, так после пришествия Его, образами Его должны быть верующие в Него. Сам Христос сказал на Тайной вечери «образ (пример) вам дал, да якоже Аз сотворих... и вы сотворите» (Иоан 13, 15). А святой апостол Павел говорит: «подобны мне бывайте якоже аз Христу» (1Кор. 4, 16). Человек создан по образу и подобию Божию, и всякий человек должен в себе являть то подобие своими добрыми качествами, отражающими в нас подобие Божие. Грех осквернил природу и человек стал неспособен к истинному добру, потеряв живое общение с Богом.

Христос Сын Божий, воплотившись, показал нам опять Первообраз, которому мы должны уподобляться. «В вас должны быть те же чувствования, какие и во Христе», пишет св. апостол Павел верующим (Фил. 2, 5). Таким живым напоминанием о страданиях Христовых явился в дни своих испытаний Царь Николай II. Предан он был теми, кому доверял. Оставлен был почти всеми приближенными, лишь немногие пошли с ним на его Голгофу. Толпы, еще недавно с восторгом встречавшие и приветствовавшие его, теперь поносили его, приветствуя тех, кто желал его казни. Как друзья Иова, недавно казавшиеся преданными ему, обвиняли его в несовершенных им преступлениях. «Распни, распни его» слышалось всюду и те, кто оставался верен ему, не смели возвысить голоса, скрываясь «страха ради иудейска». С беззлобием и всепрощением переносил то Царь-Мученик. «Я родился в день Иова Многострадального и мне предназначено страдать», говорил он еще задолго до скорбных дней. С терпением и кротостью переносил он все выпавшее на его долю и до дна испил чашу своих страданий. Как Иов, много делавший добра и прежде, еще больше, чем добрыми делами, прославился своими страданиями, так и Царь Николай II еще больше чем многими славными деяниями своего

царствования прославился на весь мир страданиями и великодушным перенесением их. Через много тысяч лет он в себе явил древнего прообраза Христова Иова, сам уподобившись ему, и с Павлом может сказать: «Я язвы Господа Иисуса ношу на теле моем» (Гал. 6,17). Он явил всем пример исполнения заповеди Христовой и примет от Него вместо венца Царского венец правды. Безгрешен был невинный страдалец Христос, но не безгрешны ни праведный Иов, ни Царь-Мученик. Но, кто с Христом страдает, с ним и прославится. За согрешивших друзей Иова мог умолить Бога только сам праведный Иов, и за согрешившую страждущую ныне Русь нужна и сильна ныне молитва Царя-Мученика.

95-летие рождения Царя-Мученика

6 (191) мая Православная Церковь отмечает память св. праведного Иова Многострадального.

Праведный Иов был «непорочен, справедлив и богобоязнен и удалялся от зла» (Иов. 1:1) в дни своего благополучия. Он был «оком слепому, ногами хромому, отцом для нищих» (Иов. 29:15–16), стараясь помочь каждому находящемуся в нужде и беде. Но как ни велики его добродетели, не столько ими, сколько страданиями своими и безропотным перенесением их прославился он пред всем миром и заслужил похвалу и вечную славу от Бога. Он сделался примером для всего человеческого рода, как переносить страдания и покоряться Промыслу Божию. Он был прообразом Великого Невинного Страдальца, пострадавшего за весь мир.

В день памяти его 95 лет назад родился Царь Николай II. Отличаясь с детства благочестием, он старался в добродетелях подражать святым, в день которого родился и того, имя которого носил. Государственная его деятельность была направлена на поднятие народного благосостояния, а сам лично он не упускал случая оказать помощь нуждавшемуся в ней. Глубокая вера в Промысел Божий укрепляла его. Особенно проявилась она в скорбные дни, наставшие после отречения. Издевательства, оскорбления, лишение свободы и прочие злоключения переносились им с таким терпением, что он явился новым Иовом наших дней. Потерпевши всевозможные издевательства, он сохранил крепость духа и полное незлобие со всепрощением к врагам своим. Страданиями своими он духовно возвысился больше, чем славными событиями своего царствования. Он не увидел здесь, в земной жизни, после страданий снова благополучия, как праведный Иов, но тем более награда его на небесах, где вместо Царского венца, на нем сияет венец Страстотерпца, последовавшего с крестом своим за Сыном Божиим. Да радуется он ныне со святыми в Царствии Христовом и да сияет память его на земле!

Новые Стратотерпцы

Первыми святыми, прославленными на Руси, были святые стратотерпцы Борис и Глеб. Преданность воле Божией, беззлобие в отношении их убийц, как и предыдущая их жизнь, привлекли к ним сердца всех, а знамения и чудеса, которыми Бог прославил их, открыли их мощь и небесную славу.

К ним прибегали в нуждах, их славили, совершая их память несколько раз в году по всей Руси. Их явление на Неве ночью в канун дня представления их отца Великого князя Владимира вдохнуло силы в Благоверного князя Александра одержать в тот день над шведами знаменитую победу и послужило началом прославления самого Равноапостольного Великого князя Владимира. К тем двум первым стратотерпцам присоединился через полтора века Великий князь Игорь, принявший монашество с именем Гавриила и убитый киевлянами, хотевшими другого князя.

Всей Русью глубоко почитается благоверный Великий князь Михаил Тверской, после многих терзаний убитый в Орде по проискам князя Московского Юрия; от того времени и до наших дней низко склонялись у мощей святого и Тверь и Москва, к нему прибегали в скорбях и нуждах жители окрестных областей, черпали силы для строительства Царства Русского Государи Российские.

Источником не только исцелений от телесных болезней, но и духовных сил явился в Смутное время убитый в Угличе Благоверный царевич Димитрий. Ярко сияют из глубины веков те имена, изливается благодатная помощь всем призывающим их. Они и другие стратотерпцы Земли Русской предстательствуют пред Богом за нее.

Ныне к сонму их присоединился Царь-Мученик со своей Семьей. Нет еще явных знамений, свидетельствующих о святости их, но качества, проявленные ими в дни испытаний, тесно соединили их с прославленными стратотерпцами. Несомненно, простив им грехи вольные и невольные, Господь вселил их в Свои Обители. Но Он дает силу молитвам Своих угодников и прославляет их на земле, когда то бывает нужным и полезным для земной Церкви. Чем сильнее будут наши молитвы о Царственных Мучениках, чем больше будем их чтить, тем скорее сделает Господь ходатаями за Землю Русскую тех, кого уже удостоил Небесной Славы.

Уже доходят вести из Гефсимании об исцелениях, происходящих у гроба Великой княгини Елизаветы Феодоровны. И если крепки будут вера и молитва наши, быть может даст силу Господь молитве Царя-Мученика, Царевича Алексея и Царственных Мучениц, и воссияют они светлой зарей над омытым слезами покаяния и мученической кровью Отечеством.

Возможное участие духовенства в общественной жизни

Имея главной целью своего служения возрождение душ человеческих и ведение их к вечному Царствию Божию, приявшие дар священства не должны отвлекаться от делания апостольского и тратить время на дела мирские. То, что дает людям священник, не может дать никто иной, и ничто не может сравниться с тем вечным благом, к которому он ведет людей. Посему священнослужитель не смеет отвлекаться от своих прямых обязанностей, заниматься даже полезными мирскими делами, помня, что он страж душ человеческих и даст ответ на Страшном Суде Божиим за каждую овцу, погибшую по его нерадению. Пример показали апостолы, при возникших в среде учеников их спорах о раздаянии пособий, сказавшие: «не угодно есть нам оставльшим слово Божие, служити трапезам». Церковные каноны строго воспрещают клирикам заниматься мирскими попечениями и брать на себя общественные должности. Однако то не значит, что священнослужители совершенно могут устраниваться от всех мирских дел. Люди состоят из души и тела, и невозможно, заботясь о душе, совершенно забыть о потребностях тела. Господь заповедал проявлять любовь к ближним в делах милосердия, о которых спросит на Страшном Суде. Многие святители и преподобные являлись деятельными участниками событий, происходивших в их времена, иногда даже возглавляли государства. Но то бывало тогда, когда оно вызывалось настойчивой необходимостью. Когда нужно спасать людей в бедствиях, когда необходимо участие пастыря, чтобы наставить их на правый путь, пастырь не смеет оставаться безучастным. Он не только может, но и должен прийти им на помощь. То относится как к делам частным, так и общим. Побуждать людей к благотворительности и, если нужно, стать во главе благотворительных учреждений, дать согласное духу Христова учения направление общественным делам долг пастыря. Но при том он должен оставаться всегда священнослужителем и пастырем. Недопустимо вступление в какую-либо партию с подчинением ее дисциплине. Неподходяще для пастыря также погружаться в чисто житейскую сторону дел общественных. Все то, что могут делать миряне, нужно оставлять им, стараясь сосредоточиться на делах духовных, являющихся делом пастырей. Священство есть свет мира, и участие его в общественной жизни должно заключаться в том, чтоб освящать путь личной, общественной и государственной жизни. Долг священнослужителя указывать нравственные основы, на которых жизнь общества должна устроиться и вдохновлять его деятельность, напоая ее духом Христова учения. Не

опускаясь сам в гущу житейской суеты, пастырь должен парить над паствой и, зорко наблюдая над ней, спускаться, когда нужно поддержать слабых духом или телом, пресечь и обличить зло, побудить на добрые дела и подвиги, укрепить в делании добра. Наивысший же и важнейший дар священнослужителя обществу есть призвание на него и низведение благословения и благодати Божиих, для чего пастырь должен быть особенно усердным в молитве и, памятуя, что прежде всего он является служителем Божиим, быть «образ верным словом, житием, любовью, духом, верою, чистотою», молитвою, примером и наставлением ведя их к Царствию Божию.

Чаю воскресения мертвых и жизни будущего века

Неутешна и безгранична должна бы была быть наша скорбь об умирающих наших близких, если бы не даровал нам Господь жизнь вечную. Бесмысленна была бы наша жизнь, если бы кончалась со смертью. Какая польза тогда от добродетели, от добрых дел? Правы тогда говорящие «станем есть и пить, ибо завтра умрем!» Но создан человек для бессмертия, а Своим Воскресением Христос разверз врата Небесного Царства, вечного блаженства, в Него веровавшим и праведно жившим. Земная наша жизнь – подготовка к будущей, и смертью нашей заканчивается та подготовка. «Человеку надлежит однажды умереть, потом же суд». Оставляет тогда человек все свои земные попечения, распадается тело, чтобы вновь восстать в общее воскресение. Но душа его продолжает жить и ни на миг не прекращает своего существования. Многими явлениями умерших дано нам отчасти знать, что происходит с душой, когда она выходит из тела. Когда прекращается ее зрение телесными очами, тогда открывается ее духовное зрение. Часто оно начинается у умирающих еще до кончины и они, еще видя окружающих и даже разговаривая с ними, видят то, что другие не видят. Выйдя же из тела, душа оказывается среди других духов, добрых и злых. Обычно она стремится к тем, которые более сродны по духу, а если, находясь в теле, она была под влиянием некоторых, то остается в зависимости от них выйдя из тела, как бы неприятны они ни оказались при встрече.

В течение двух дней душа пользуется относительной свободой, может посещать места на земле ею любимые, а на третий день направляется в иные пространства. При том она проходит через полчища злых духов, преграждающих ей путь и обвиняющих ее в различных грехах, на которые они сами ее соблазнили. Согласно откровениям, имеется двадцать таких преград, т.н. мытарств, на каждом из них испытывается тот или иной вид греха; пройдя через одно, душа попадает на следующее, и

лишь благополучно пройдя через все, душа может продолжать свой путь, а не быть сразу ввержена в геену. Насколько ужасны те бесы и их мытарства показывает то, что Сама Богородица, извещенная архангелом Гавриилом о предстоящей кончине, молила Сына Своего Избавить Ее от тех бесов и, исполняя Ее молитву Сам Господь Иисус Христос явился с Неба принять душу Своей Пречистой Матери и вознести на небо. Страшен бывает третий день для души усопшего и посему особенно нуждается она тогда в молитве о ней. Благополучно пройдя мытарства и поклонившись Богу душа в течение еще тридцати семи дней посещает селения небесные и пропасти адские, не зная еще где она окажется, и лишь на сороковой день определяется ее место до Воскресения мертвых. Одни души находятся в состоянии предвкушения вечной радости и блаженства, а другие – в страхе вечных мучений, которые полностью наступят после Страшного Суда. До тех пор возможны еще перемены в состоянии душ, особенно через приношение за них Бескровной Жертвы (поминовение на литургии), а также и по другим молитвам. Насколько важно при том поминовение за литургией, показывает следующее событие. Перед открытием мощей св. Феодосия Черниговского (1896 г.), совершавший переоблачение мощей священник, уморившись, сидя возле мощей, задремал и увидел перед собой святителя, сказавшего ему: «Благодарю тебя, что для меня потрудился. Еще прошу тебя, когда будешь совершать литургию, помяни моих родителей» – и назвал их имена (иерея Никиту и Марии). «Как ты, святитель, просишь у меня молитв, когда сам стоишь у престола небесного и подаешь людям милости Божии» – спросил священник. «Да, это верно, – ответил св. Феодосий, – но приношение за литургией сильнее моей молитвы».

Посему полезны усопшим и панихиды и домашние молитвы о усопших, и добрые дела, творимые в их память, как например, милостыня, жертвы на церковь, но особенно полезно для них поминовение за Божественной литургией. Много было явлений усопших и других событий, подтверждающих, насколько благодетельно поминовение усопших. Многие умершие с покаянием, но не успевшие то проявить при жизни, освобождались от мук и получали упокоение. В церкви всегда возносятся молитвы о упокоении усопших и даже в день сошествия Святого Духа в колена преклоненных молитвах, на вечерне есть особое моление «о еже в аде держимых». Каждый же из нас, желая проявить свою любовь к усопшим и оказать им действительную помощь, лучше всего это может сделать через молитву о них, в особенности поминовением их на литургии, когда вынимаемые за живых и усопших частицы опускаются в кровь Господню со словами «Отмый Господи грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами святых Твоих». Ничего лучшего и большего не можем мы сделать для усопших, как молиться о них, подавая

за них поминовение на литургии. В том они нуждаются всегда, а особенно в те сорок дней, в которые душа усопшего проходит свой путь до вечных обителей. Не чувствует ничего тогда тело, не видит собравшихся близких, не обоняет благоухания цветов, не слышит надгробных речей. Но ощущает душа возносимые о ней молитвы, благодарна бывает тем, кто их творит и духовно бывает близка им.

Родные и близкие усопших! Делайте для них то, что им нужно и что в ваших силах. Тратьте средства не на внешние украшения гроба и могилы, а на помощь нуждающимся, в память усопших близких, на церкви, где возносятся о них молитвы. Окажите милость усопшему, позаботьтесь о душе его. Всем нам предстоит тот путь; как будем тогда желать, чтобы молитвенно помянули нас! Будем же и сами милостивы к усопшим. Как только кто преставится, немедленно зовите или извещайте священника прочитать «последование по исходе души», которое положено читать над всеми православными сразу по их кончине. Постарайтесь, чтобы, если есть возможность, отпевание происходило в церкви и до отпевания над покойником читалась Псалтирь. Отпевание может совершаться и не пышно, но обязательно полностью, без сокращения; думайте тогда не о себе и своих удобствах, а об усопшем, с которым прощаетесь навеки. Если одновременно в церкви несколько покойников, не отказывайтесь от того, чтобы их отпевали совместно. Лучше пусть отпевают сразу двух или больше покойников и еще горячее будет молитва собравшихся всех их близких, чем будут отпевать их по очереди и, не имея сил и времени, будут сокращать службу, когда каждое слово молитвы для усопшего есть как капля воды жаждущему. Обязательно позаботьтесь сразу о совершении сорокоуста, т.е. ежедневном поминовении в течение 40 дней на литургии. Обычно в церквях, где происходит ежедневное священнослужение, отпетые там усопшие поминаются в течение сорока дней и больше. Если же отпевают церкви, где нет ежедневной службы, близкие должны сами позаботиться и заказать сорокоуст там, где ежедневная служба. Хорошо посылать также на поминовение в монастыри и в Иерусалим, где постоянная молитва у святых мест. Но нужно сорокоуст начинать сразу после кончины, когда душа особенно нуждается в молитвенной помощи и посему начать поминовение в ближайшем месте, где ежедневная служба. Будем заботиться о уходящих в иной мир прежде нас, дабы для них сделать все, что можем, помня, что «Блажени милостивии, яко тии помиловани будут» (Мф. 5:7).

Щит Руси на реке Неве

1240-й год.. Разрушен стольный град, мать градов Русских – Киев. Несметные полчища татар заливают Русскую землю, разрушая ее города, сжигая селения. Гибнут одно за другим воинства отдельных русских княжеств, осмелившихся вступить в борьбу с ними.

Но вот новая беда, – и с запада двинулись враги на Русь Православную. Шлют на нее рать шведы, а за ними оттачивают свои мечи тевтонские и ливонские рыцари. У них общая цель – завладеть не только землей, но и душой Русского народа, поработить тело русского человека иноземной власти, а душу – Римскому престолу.

Вот приблизился решительный час.

Шведские войска уже высаживаются в новгородских пределах.

Что делать? – покориться им или вступить в бой, рискуя погубить все немногочисленное новгородское войско?

Правит Новгородом тогда благочестивый князь Александр Ярославович. Понимает он, что покорностью спасет жизнь новгородцев и их имущество, но потеряна будет не только государственная, но и духовная свобода, что – где насилием, а где хитростью уловят пришельцы в сети римские русскую душу и что потеряет Русь Православную Веру! Знает князь Александр, что Православие есть истина и является безценным бисером, ради которого нужно всем жертвовать. Верит он, что

Бог не оставит тех, кто подвизается за истину и правду и решается вступить в битву.

15 июля 1240 года, в день кончины крестителя Руси Великого князя Владимира, нападает он на только что высадившееся шведское войско и с помощью Божией разбивает его наголову. С поспешностью покидают остатки иноземных войск Русскую землю, а князь Александр вскоре затем отражает и иных неприятелей с запада.

С востока тем временем движутся на Русь все новые татарские полчища. Но не страшится их Александр: татары, облагая русское население данью, не вмешиваются во внутренний уклад его жизни. Видит князь Александр, что бороться с ними силой сейчас невозможно, но знает, что если сохранится православная душа русского человека, настанет время, когда он сбросит с себя иго татарское.

Зрит он в татарах бич Божий, ниспосланный на Русь за грехи ее, и решается смиренно переносить Божие испытание. Покорно едет он в Орду, исполняет все веления хана, уговаривает русских людей не противиться татарской власти, а копить в себе силы духовные и возлагать упование на Бога.

Не легко было унижаться перед ханом славному Невскому победителю, не легко было убедить и русских людей следовать его примеру. Но подвиги святого Великого князя Александра, мужественное стояние его за Православную Веру и смирение при Божиим испытании дали плоды свои, хотя и не вскоре. Сохранивший Православие русский народ окреп, находясь под татарской властью, которая постепенно слабела.

Настал день – выпрямилась Русь Православная и сбросила с себя татарское иго. И, неся свет Православия, двинулись сами русские люди в места населенные татарами.

Вот пал и сильнейший оплот бывшего татарского царства – Казань в день Покрова Пресвятой Богородицы. Немедленно вслед за присоединением Казани к России прибыли туда православные проповедники и много татар приняло святое крещение.

Прошло почти 27 лет после покорения Казани, и благочестивая девушка Матрона как-то увидела во сне Пречистую Божию Матерь, повелевшую ей возвестить церковным и гражданским властям, чтобы откопали Ее икону в указанном Ею месте. Явление то повторилось трижды, и девушка исполнила Ее приказание. Когда 8 июля 1579 года стали копать в указанном Богородицей месте, нашли зарытую там икону. Священник храма св. Николая, по имени Ермолай, вынул из земли икону и перенес ее в свой храм.

Вскоре икона та прославилась многими чудесами и стала по всей Руси известна, как чудотворная икона Казанская.

вященник Ермолай, овдовев, вскоре затем принял монашество с именем Ермогена, впоследствии был митрополитом Казанским, а в Смутное время стал Патриархом Всероссийским и столпом Земли Русской. Уже после кончины св. Ермогена, умученного голодом врагами России за его стойкость, его грамоты, разосланные по Руси вместе с письмами архимандрита Троице-Сергиевой Лавры преподобного Дионисия, сделали свое дело. Они всколыхнули Русь, и из Нижнего Новгорода двинулась рать на освобождение Руси от захвативших ее поляков. С собой она несла принесенную из Казани икону Божией Матери, обретенную некогда святителем Ермогеном. С ней она освободила Москву и торжественным крестным ходом русская рать вошла в Москву, неся впереди чудотворную Казанскую икону в 1612 году 22 октября, каковой день стал праздноваться с тех пор и празднуется ныне всей Россией.

В память того в Москве была построена церковь, в которую поставлен точный список иконы. А когда Царь Петр вернул России берега Невы, утерянные ею в лихолетье, и построил там новую столицу, в ней была устроена и обитель имени св. Александра Невского. Туда, на берега, прославленные мужеством святого князя Александра, были перенесены из Владимира его святые мощи, а в построенный величественный собор во имя Казанской Божией Матери была поставлена чудотворная Ея икона, обретенная в бывшей столице царства татарского, пред которым некогда смирился Великий князь Александр, подготовивший своим смирением победу над ним, объединение и величие Земли Русской.

В чем нравственная сила св. Великого князя Владимира?

«Иже сотворит и научит, сей велий наречется в Царствии небеснем»(Матф. 5,19)

Почему свят и равноапостолен Великий князь Владимир?

Он обратился от языческой тьмы к свету Христову, крестился сам, крестил киевлян и послал крестить в другие города и области своего княжества.

Он первый из всероссийских правителей стал христианином и положил начало христианскому устройению Русского государства. С него Русская Держава начинает быть православной, и христианство проникает во все области народной и государственной жизни.

Действовал ли он при том только, как правитель, являлись ли его действия, направленные к тому, только государственными деяниями?

Нет, он сам в себе самом проявил истинного христианина и проповедал Христа не столько словом, сколько личным своим примером.

Воспитанный в язычестве, князь Владимир, хотя и слышал в самом раннем детстве о Христе от своей бабушки, блаженной княгини Ольги, был сначала ревностным язычником. Он усердно исполнял языческие обряды, старался угодить языческим богам, приносил им благодарения за успехи, потому что был убежден, что служит истине.

Когда же произошло убийство толпой киевлян св. варяга Феодора и сына его Иоанна, на которого пал жребий быть принесенным в жертву Перуну в благодарность за одержанную победу, Владимир понял, что он ошибался. Он почувствовал разлад между законом нравственным и требованиями язычества и чуткой душой ощутил его неправоту. Искание истины и правды привело его к Православию, и преодолев все внутренние и внешние препятствия, стоявшие на пути к нему, он принял святое крещение.

Теперь, ставши христианином, он стал служить Христу еще ревностнее, чем раньше служил богам языческим.

Ныне он уже всем существом приносил себя самого и все, чем обладал, в жертву Истине, ибо учение христианское открывает божественные истины и выражает высочайший нравственный внутренний закон.

Владимир стал иным после крещения. Он сохранил в себе все лучшие качества, которые имел прежде, отвергнув от себя все свои порочные

наклонности и привычки. Из жестокого, не пожалевшего даже родного брата, убитого во время междоусобной войны с ним, он сделался настолько мягкосердечным, что не хотел казнить и преступников, делая то в исключительных случаях, чтобы пресечь злодеяния.

Из распутного он стал целомудренным, оставил многочисленных своих прежних жен и жил в честном супружестве с сочетавшейся ему христианским браком царевной Анной.

Из хищного завоевателя он становится миролюбивым правителем. Из корыстолюбивого собирателя дани, он стал равнодушным к земным сокровищам, будучи всегда готов жертвовать ими для приобретения невещественных ценностей.

Для дружины он был теперь не столько грозным предводителем, карающим малейшее ослушание, сколько мудрым начальником, понимающим душу своих подчиненных и ценящим своих сподвижников.

Для всего народа, ему подвластного, он стал любящим отцом, заботящимся о всех своих многочисленных чадах, каковыми являлись для него теперь его подданные, пекущимся об удовлетворении всех их нужд и потребностей.

Особое внимание его привлекали теперь те, кто был беспомощен – сироты, вдовы, калеки. О них особенно вспоминал князь Владимир во время празднеств и рассылал им возы с пищей и другими необходимыми вещами.

Самые празднества были теперь не разгулом, а взаимным радостным братским общением.

Во всех областях жизни проявлял себя христианином Великий князь Владимир Красное Солнышко – и в жизни своей личной, и в семейной, и в общественной, и в государственной. Познав истину, он служил ей от всего сердца, распространяя свет всюду, где мог. Он в себе самом являл олицетворение учения Христова, был во всем примером для подражания.

Посему так быстро и глубоко православие проникло во все стороны русской жизни. Князь увлекал всех своим личным подвигом. Он был победителем себя самого, через то властвовал над другими, проповедывал Христа своими деяниями, к какой бы области они ни относились. Он служил Истинному Богу, как отдельная личность, как глава семейства, как вождь, как судья, как правитель, как Государь. Он был всегда тем же служителем Истине и Правде, стремясь, чтобы они царствовали всюду.

Он глубоко осознал, что лишь елика «суть истинна, елика честна, елика праведна, елика пречиста, елика прелюбезна, елика достохвальна, аще кая добродетель и аще кая похвала» должно быть основой жизни как отдельного человека, так и всего народа. Посему он не отделял одно от другого, и то, что проявлял в личной жизни, осуществлял в государственных делах.

Тот новый дух цельности, единства во всех областях жизни и осуществлении правды во всем показал в себе самом и передал Русскому народу святой Владимир. Он его Просветитель и Креститель, Государь и Апостол, воевода и учитель, объединитель и хранитель.

Ему следовали его лучшие преемники, и не случайно именно в день его памяти была одержана Невская победа благоверным Великим князем Александром, в котором ярко отпечатлелся духовный облик его равноапостольного предка.

Служение Богу, начатое св. Владимиром на земле, продолжается ныне у Престола Всевышнего, предстоя Которому он молится за Русскую землю им просвещенную и освященную, и сияет с высот небесным светом, озаряя русским людям путь к Истине, Правде.

Общественное служение христиан

«Имуще дарования по благодати, данной нам, различна, – говорит св. апостол Павел, – если имеешь дар пророчества, пророчествуй по мере веры; если имеешь служение – пребывай в служении, если имеешь дар учительства, преподавай учение; если можешь утешать, занимайся утешением, подавай с простотою; начальствуй с усердием; оказывай милосердие с добрым изволением» (Рим. 12, 6–9)

Указывая здесь, как христиане должны относиться к имеющимся у них дарованиям, апостол Павел в других местах своих посланий наставляет, как вести себя, занимая то или иное положение, будь то в Церкви или в гражданском обществе.

В Церкви имеются пастыри и пасомые: одним вверена проповедь, другим учительство (Еф. 4, 7–12; 1Кор. 12 и др.) или иное дело. Все они, исполняя каждый ему положенное, творят единое великое дело, созидают Тело Христово, Церковь. Они должны работать в единении духа, не превозносясь и не унижая других, так как каждый является тем или иным членом единого тела (Еф. 4, 1–4; 1Кор. 12, 12–27), в котором каждый член имеет свое назначение.

Церковь ведет чад своих к вечной жизни и заботится о главнейшем и нужнейшем, почему особенно важны обязанности церковные. Однако, устремляя взоры чад своих к небу, она заповедует им не пренебрегать и обязанностями своими, относящимися к нынешней жизни. Досягая до небес, Церковь стоит однако на земле, и приуготовляются люди к Небесному Царствию также на земле. Посему Священное Писание указывает также христианам, как относиться им к своим обязанностям в общественной и государственной жизни. Здесь также не все занимают

одинаковое положение, однако каждый должен с усердием исполнять лежащие на нем обязанности, воздавая должную честь другим.

В основе всех заповедей лежит заповедь о любви. Исполняя свои гражданские обязанности, христиане должны помнить, что тем приносят пользу другим, способствуя общему благосостоянию, и должны трудиться не только для личного, но и для общего блага. Внешне то самое делается и в нехристианском обществе. Но Церковь, Христово учение одухотворяет всю жизнь. Еще Иоанн Креститель, стоявший на пороге Ветхого и Нового Завета, учил вопрошавших его, как нужно вести себя занимавшим общественные должности. Воины, могущие быть бичем и притеснителем малых, должны руководствоваться учением Христовым во всех областях и проявлениях жизни и личной, и общественной, и государственной. Они остаются христианами всегда и всюду. Во всех делах и поступках нужно проявлять дух веры и связанной с нею христианской любви.

Христианам, живущим среди иноверных, особенно в среде безбожной, часто приходится встречаться с понятиями общественными и требованиями государства, противными Христову Учению. Как быть тогда? Многие из них были военачальниками (Георгий, Евстафий, Плакида и др.), воинами, правителями областей (Димитрий, Феодор Стратилат и др.), придворными. Они усердно исполняли свои должности, отличались на службе, увенчивались наградами. Но когда им предъявлялись требования, противные Христовой вере, они отказывались их выполнять, шли на мучения, памятуя, что «Богу подобает повиноваться больше, чем людям». Они оставили пример, которому подобает следовать во все века, будучи увенчаны Христом, Который «вчера и днесь Той же во веки».

Другое бывает, когда все общество в главном исповедует православную Христову веру и старается законы и деяния государственные, как и общественные обычаи, согласовать с нею. И тогда, в отдельных случаях бывают отступления от Божией правды, и непоколебимым борцам за нее приходится терпеть гонения, иногда даже до смерти.

Но то происходит от несовершенства в вере и добродетелях отдельных людей или общества, как случаются греховные падения и с праведниками; в главном же жизнь течет в духе Христова учения и согласуется с уставами Церкви, насколько то возможно в нынешнем мире. Тогда на всех лежит долг с особым усердием заботиться о благе такого общества или государства. Жить и спасаться можно во всяких условиях. Но слабые духом нуждаются во внешней поддержке, а в условиях неблагоприятных могут легко поколебаться и пасть. Вот почему Церковь молилась во времена гонений о их прекращении и молится о благополучии и крепости государств, в коих Христово учение является основой общественной жизни и государственной деятельности.

Служение государству до некоторой степени там становится и служением Церкви.

Они не должны сливаться и отождествляться. Церковь и государство различны по существу и своим заданиям. Последние лишь в известной степени могут совпадать, и исполнители их руководствуются тогда и нравственными и гражданскими законами одновременно. Все служение такому государству приобретает характер служения Высшей Правде, одухотворяется. Все чины государства тогда должны особенно блюсти его целостность, каждый не за страх, а за совесть исполняя свое дело.

Главная же ответственность лежит на его возглавителе. Его долг защищать угнетенных, заботиться о благосостоянии населения, ограждать страну от врагов внешних и внутренних. В то время, как в нехристианских странах глава государства часто безграничный повелитель, иногда чтимый как божество, – православный царь есть, как и прочие начальствующие, слуга Божий, имеющий власть для блага народа. Его ответственность тем больше, чем выше его положение. Прочие начальствующие имеют над собой других начальников, носитель же верховной власти отвечает непосредственно пред Богом. Сознание такой ответственности побуждает благочестивого носителя власти особенно внимательно и тщательно относиться к своим решениям и поступкам, постоянно сверяясь со своей совестью.

Церковь молится о стоящих у власти и в особенности за ее главу, дабы каждый из них с успехом совершал свое дело на общее благо. Власти установлены для пресечения зла и для порядка, обеспечивающего мирное и благополучное жительство остального населения, при котором оно могло бы не только благоденствовать, но жить благочестиво.

Посему христиане, стоящие у власти, должны исполнять свое служение «со тщанием» (усердием), как осуществление заповеди о любви к ближним и служение через то Самому Господу Богу.

Церковь за богослужением молит Вседержителя, дабы Он помог в том, оградил через них от зла внешнего тех, кто Ему верны, и тем дал бы Церкви Своей возможность беспрепятственно звать и вести людей к вечному Царствию. Его удостоятся те, кто в сей жизни служил Ему, принося Ему в дар свой разум, сердце и волю и проявляя то в своих делах, в каком бы звании и обстоятельствах ни находился.

Указ о поминовении неправославных

Напоминается священнослужителям, что за Божественной литургией совершается поминовение только лиц, принадлежащих к Православной Церкви, т.к. такое поминовение делает поминаемое лицо участником богослужения, в коем могут участвовать только

православные христиане. Также не могут быть поминаемы сознательные самоубийцы, как своевольно оставившие Церковь.

Тоже должно сказать об отпеваниях, панихидах и прочих богослужениях, предназначенных для совершения о православно верующих, что явствует из самих выражений, употребляемых в них. Как исключение в отношении лиц, при жизни показывавших свое расположение к Православной вере и Церкви и принимавших посильное участие в ее жизни, может быть совершаемо заупокойное моление, состоящее из пения или чтения 17 кафизмы (118 псалом) с добавлением краткой ектении о упокоении усопшего и вечная память.

В частных же своих молитвах православные христиане могут молиться Богу о всех, уповая на милосердие Божие.

Указ № 39, 23 сентября 1951г.

Указ о развлечениях в канун праздничных дней

Во исполнение Указа Архиерейского Синода от 4.XI.51 за № 878 о необходимости бороться с назначением увеселительных собраний и танцев в кануны воскресных и праздничных дней, поручается о.о. настоятелям приходов и всем священнослужителям убеждать верующих избегать таких несвоевременных развлечений, разъяснять им пагубное значение таковых и следить за тем, чтобы во всяком случае их не устраивали в такие дни сами приходы и церковные учреждения, за которые пастыри несут особую ответственность, указывать, что употребление сборов с таких развлечений на благотворительные цели не может оправдывать ни устройство их, ни организаторов и участников, потому что для истинного христианина неприемлемо правило: «цель оправдывает средство». Должно сознавать, что церковные праздники начинаются с их кануна, что вечерня и утренья приготавливают христиан к молитвенному участию в Божественной литургии, являющейся как бы продолжением и завершением их. Присутствие в храме при совершении Безкровной Жертвы требует такой подготовки от всех христиан, развлечения же и танцы в предшествующую ночь препятствуют созданию того благоговейного настроения, которое образуется при вводе в сознание и чувство содержания поучительных песнопений и чтений вечерни и утрени, разъясняющих смысл и значение празднуемого события. Развлечения в кануны воскресных и праздничных дней глубоко противоречат всему церковному богослужебному строю, весьма вредны таким образом для душ их участников, из которых часть даже обычно запаздывает, ввиду утомления, на литургии или пропускают ее, пришедшие же находятся под впечатлением прошлой ночи.

Указ № 69, 8 ноября 1951г.

Указ о веществах для Божественной литургии

Ввиду обнаружившихся в некоторых местах нарушений церковных правил наминается, что при принесении безкровной жертвы для проскомидии нужны просфоры из чистой пшеничной муки и **вино из виноградного сока без всяких примесей**. При изготовлении просфор, кроме муки, воды и дрожжей, допускается прибавить лишь самое малое количество соли, но отнюдь не отражающееся на их вкусе. Прибавление же сахара или каких других примесей совершенно исключается. При обнаруживании таковых, иерей обязан поступать по правилам, в извещении учительном указанным, и не употреблять негодного для литургии вещества, дабы не впасть в тяжкий грех. Приготавливающих просфоры предупредить.

Указ № 504, 17 декабря 1955г.

Блаженный Святитель Иоанн Чудотворец

Часть I

Глава I. I. Епископ Савва – первый летописец жизни и чудес блаженного Иоанна

Православная жизнь – будь то в приходах, монастырях или пустынях – в своем обычном течении проходит по большей части незаметно, совершаясь в повседневной духовной брани обыкновенных грешников, которые, однако, уповают на спасение. Но по Божьей милости часть этой сокрытой жизни во Христе все же обнаруживается в сверхобычных проявлениях действия Божия среди людей и в святых подвигах, во Имя Его творимых. И цель летописаний – об отдельных святых или целом народе – наставить и вдохновить новые поколения воинов Христовых, часто робеющих и ослабляемых искушениями в битве за Небесное Отечество.

В наши дни, когда вера все слабее, искушение уменьшить или даже совсем прекратить борьбу за спасение особенно сильно. И текущее столетие порой воспринимается православными христианами лишь как череда неудач – материал, пригодный скорее для досужих обсуждений, чем для увековечения. Где в наше время события, достойные такого летописца, как, скажем, преподобный Нестор Киево-Печерский?

Но все же и наш бесславный век являет среди нас граждан Града Небесного и даже героев веры. Правда, они не приходят во внешней славе и великолепии, и чтобы их обнаружить, надо смотреть пристальнее, чем в прежние времена; но они есть и также ожидают своего летописца.

Одним из таких летописцев в наше время и был покойный епископ Савва Эдмонтонский († 1973), который был настолько поражен жизнью архиепископа Иоанна, что посвятил последние свои годы собиранию материалов для книги о нем. Многие из этих материалов были опубликованы в церковном периодическом издании «Православная Русь», но много материалов осталось, приведению в должный порядок и публикации которых помешала смерть Иерарха. Свою незаконченную книгу епископ Савва оставил Братству преподобного Германа Аляскинского, которое сочло святым долгом продолжить и закончить его работу. Получившаяся книга является не житием архиепископа Иоанна, но скорее *Летописью*, повествующей православным христианам последних времен о почитании Владыки, чудесах и событиях его святой жизни. Первый том этого труда был издан (на русском языке) к десятилетию упокоения архиепископа Иоанна под названием «Летопись почитания архиепископа Иоанна (Максимовича)».

Основная ценность «Летописи» – в той оценке, которая дается в ней архиепископу Иоанну. Слишком часто в наше время истинные праведники, завершив свой путь в смирении и внешнем бесславии, оказываются в полном забвении, и опыт их святой жизни теряется для тех, кто следует за ними.

Поэтому истинный летописец, каким был епископ Савва, может оказать великую услугу Церкви именно своей справедливой оценкой избранного им святого. Но епископ Савва, давая свою оценку, доверяет не только собственным мнению и чувствам, а и обращается ко многим почтенным свидетелям. Целые главы или части глав его книги о святой жизни владыки Иоанна отданы свидетельствам митрополита Филарета (гл. 20), митрополита Антония (Храповицкого) (гл. 20–21), архиепископа Аверкия (гл. 1), архиепископа Никона (гл. 29), архимандрита Константина (гл. 7), епископа Николая (Велимировича) (гл. 13), протоиерея Валерия Лукьянова (гл. 22), церковного историка Николая Тальберга (гл. 23) и – что составляет большую часть книги – простых церковных людей, испытавших его любовь и познавших чудесную силу его молитвы. Другая, и весьма ценная, часть книги содержит отрывки из сочинений святых Отцов и фрагменты из житий святых, проливающие свет на святость владыки Иоанна.

И все же самое драгоценное в «Летописи» – это свидетельства самого епископа Саввы. В каждом его слове и особенно в проповедях о владыке Иоанне (гл. 2, 3, 11) ощущается безграничная любовь и благоговение младшего иерарха перед старшим, его жажда поделиться с церковным народом сокровищами своих воспоминаний и одновременно печаль о том, что в наше время охлаждения веры и любви не многие поймут его или хотя бы отнесутся с пониманием к его чувствам, и в усердном почитании памяти человека, ставшего подлинным юродивым ради Христа в наше расчетливое и рационалистическое столетие епископ Савва и сам уподобился ему, вменяя в ничто мнение мира сего, пока мог говорить истину о том, кто жил по совершенно иным нормам – христианской духовной жизни.

I. Епископ Савва (некролог)¹

Мы получили прискорбное известие о том, что 30 января 1973 года в городе Эдмонтоне (Канада) скончался епископ Савва (Сарашевич), Епископское служение в Эдмонтоне он исполнял с 1958 года по сентябрь 1971 года, когда ушел на покой. Епископ Савва родился 22 февраля 1902 года в городе Лютавич в Югославии (в районе Белграда). В 1923 году он закончил высшую школу в городе Шашак-Крагуйевау, а затем поступил на факультет права Белградского университета. По окончании его стал адвокатом, а затем и судьей в Трелоне, Шашаке, Гниласе и Белграде. В свободное от судебных обязанностей время он начал заниматься на факультете богословия Белградского университета и окончил его в 1943 году.

Епископ Савва был человеком высокообразованным и справедливым. Он без страха и колебаний обличал несправедливость и ложь.

Оказавшись после второй мировой войны в эмиграции, он в начале 1948 года приехал в Буэнос-Айрес и вскоре явился к епископу Леонтию в монастырь, недавно основанный в Парагвае.

Там Савва был пострижен епископом Леонтием в монахи и в том же году, в день Благовещения, рукоположен в диаконы. Из Парагвая он вернулся в Буэнос-Айрес, где архиепископ Пантелеймон Аргентинский и Буэнос-Айресский 15 августа 1949 года (по старому стилю) в день Успения Пресвятой Богородицы рукоположил его во иеромонаха. Отец Савва был назначен в Воскресенский собор Буэнос-Айреса.

В декабре 1956 года епископ Афанасий Аргентинский назначил его священником в Покровский храм в Темперли, где он служил до отъезда в Нью-Йорк в августе 1958 года.

Решением Синода епископов Русской Зарубежной Церкви он был посвящен в епископа Эдмонтонского, викария Канадской епархии. Это

посвящение состоялось в Синодальном храме Нью-Йорк Сити 15/28 сентября 1958 года.

Покойный епископ Савва был великим почитателем архиепископа Иоанна (Максимовича) Сан-Францисского и написал ряд статей о нем для «Православной Руси». Среди иерархов Зарубежной Церкви он был архипастырем, выдающимся по своей образованности, красноречию и ревности в служении Церкви.

За две недели до кончины епископ Савва отправил письмо другу в Буэнос-Айрес, где наряду с прочим писал: «Что до меня, то, слава Богу, я живу спокойно и не хотел бы изменений. Святой Григорий Богослов писал: «Ибо те, кто оставляют кафедры, не теряют Бога, но будут иметь епископство горнее, что много выше и безопаснее, чем эти дольные епископства». Вечная память усопшему Владыке.

Архиепископ Афанасий Аргентинский

II. Епископ Савва – ревнитель духовного возрождения

Вот уже около тридцати лет прошло с того момента, когда епископ Савва, будучи судьей в Югославии, оставил мирскую карьеру и стал на стезю служения Христовой Церкви. Оказавшись после второй мировой войны за границей, он вступил в Русскую Православную Зарубежную Церковь и до самой кончины служил ей с редкой преданностью и усердием, став не только любящим и любимым пастырем, но и поборником пробуждения православного сознания.

С принятием епископства, он взял на свое попечение всю зарубежную Россию. Епископ Савва обратился к ней со страниц «Православной Руси», дабы раскрыть апокалиптический характер нашего времени и пробудить в православных русских ответственность и осознание необходимости следовать путем истинного Православия. В первые годы своего епископства Он призвал к созданию Братства духовного возрождения, а позднее подчеркивал необходимость усиленной молитвы за страждущую Россию. Его пламенные призывы находили определенный отклик, но конечный результат не был особенно значителен, прежде всего по причине исключительно неблагоприятного состояния русской эмиграции, подавленной мирскими тяготами и искушениями. Забота епископа Саввы простиралась и на новообращенных в США и Канаде: он опекал и вдохновлял их.

В последние годы жизни епископ Савва предпринял новый труд любви и усердия, и очень возможно, что именно он окажется наиболее памятным. Рано распознав духовное величие архиепископа Иоанна (Максимовича), он стал одним из тех иерархов, которые сплотились вокруг него и признали его своим духовным вождем. Когда же пришла

нужда, он встал на защиту архиепископа Иоанна, сочтя промыслительной возможностью помочь ему своими юридическими познаниями, в то время как тот незаконно был привлечен к суду в Сан-Франциско. В первые же месяцы после кончины архиепископа Иоанна, в 1966 году, в русской прессе появилось большое количество материалов, свидетельствующих о его святости, аскетической жизни. В них подчеркивалось, сколь много значил он для своей паствы. Вскоре, однако, количество публикаций уменьшилось, и стало очевидным, что они представляли интерес в основном для тех, кто лично знал Владыку и не были достаточны для увековечения памяти о святом Иерархе. Тогда-то епископ Савва и предпринял публикацию своего собственного материала об архиепископе Иоанне. В 1967–1968 годах в «Православной Руси» появилось 15 его статей, и скоро стало ясно, что эти публикации имеют иные масштабы и цели. Вместо случайных разрозненных воспоминаний епископ Савва представил собрание личных свидетельств, тщательно отобранных, выверенных и систематизированных, с целью выделить разносторонние черты и характерные аспекты жизни и святости владыки Иоанна. Мало того, прекрасно зная и любя творения святых Отцов (после себя он оставил собрание собственноручно переписанных святоотеческих текстов), епископ Савва сопровождал эти свидетельства цитатами из их житий и писаний – с тем, чтобы выявить ту традицию православной святости, к которой принадлежал и владыка Иоанн.

В этих статьях епископ Савва рассматривает и трактует в контексте святоотеческой традиции ряд моментов, свидетельствующих о святости владыки Иоанна: произведенные им чудесные исцеления и изгнания бесов; строгий аскетизм его жизни и лишение себя сна; его явления верным уже после кончины; его прозорливость; происходившие с ним поразительные случаи, такие как сошествие видимого огня во время служения им Божественной литургии; жестокое преследование, которому он подвергался и, наконец, то, что очень немногие пока еще смогли в нем оценить (возможно, потому что этот вид святости практически не сочетался с архиепископским саном) – его юродство во Христе. Иными словами, епископ Савва представил православному народу своего рода краткий курс патристики, посеяв семена, которые принесут, возможно, больше плодов, чем все его другие достохвальные труды, совершенные ради духовного возрождения.

Интересны и значительны оценки владыки Иоанна, высказанные самим епископом Саввой в этих статьях. В одной из них он заметил: «Пищу о владыке Иоанне, и все как-то становится радостным в моей душе. Не хотел бы, чтобы хоть одно важное свидетельство о нем было

утрачено»². Он постоянно изумлялся чуду такой святости в сегодняшнем мире: «Какая великая сила открылась в этом маленьком, хрупком теле! Какая апостольская ревность и какое горение духа! И вообще, каким чудом современного мира он был!»³ Временами он порицает бесчувственность и равнодушие православного общества: «О, какого великого праведника и молитвенника мы имели и не сумели оценить его!»⁴ Для него же самого владыка Иоанн стал после смерти еще ближе: «Чудное чудо: Владыка даже после смерти утешает свою паству – тех, кто почитает его и приходит к нему»⁵. Епископ Савва без обиняков сравнивает владыку Иоанна с великими святыми прошлого и помещает его среди них: «Итак, там был преподобный Симеон Столпник, а здесь владыка Иоанн. Там это было старое время, а здесь современное нам. Сила Божия как через святого Столпника, так и через владыку Иоанна действовала и изгоняла злого духа-мучителя». *«Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев»*⁶.

Возможно, епископ Савва видел во владыке Иоанне как бы знамение того духовного возрождения, ради которого он трудился, а в будущем прославлении Владыки, несомненно, – источник великой духовной силы для верных. В одной из статей для «Православной Руси»⁷ епископ Савва указал на тот малоизвестный факт, что именно сербский иерарх, епископ Николай (Велимирович), в значительной мере ускорил канонизацию святого Иоанна Кронштадтского Русской Зарубежной Церковью. По мнению епископа Саввы, уже после Второй мировой войны все было подготовлено к канонизации: ведь к 1930-м годам были написаны и изданы для употребления верующими служба и акафист святому Иоанну. Но именно письмо епископа Николая к митрополиту Анастасию в 1952 году привело к созданию Комитета по канонизации (под председательством архиепископа Иоанна) и в конечном итоге – к самой канонизации в 1964 году. И вот теперь снова сербский иерарх, епископ Савва, чья преданность Русской Церкви и русскому народу не была превзойдена даже русскими иерархами, выступает с первой серьезной инициативой по канонизации архиепископа Иоанна, ради которой он трудился и к которой готовил православный народ. Так он сам становится частью жития и прославления блаженного архиепископа Иоанна.

По своей кончине, которая случилась в день памяти одного из любимых его святых Отцов, коего он всегда цитировал, преподобного Антония Великого, епископ Савва оставил и неизданные материалы об архиепископе Иоанне, предназначенные для книги о нем, которую епископ Савва надеялся со временем выпустить. Он оставил их Братству преп. Германа Аляскинского, дав нам таким образом благословение на продолжение своего труда.

Приводимая ниже проповедь епископа Саввы является образцом его красноречия и в полной мере отражает его великую любовь и усердие к делу святого иерарха.

III. Проповедь епископа Саввы, произнесенная на сороковой день после упокоения архиепископа Иоанна⁸

Отцы, друзья, братие и сестры, послушайте меня. Приехал я почтить память новопреставленного раба Божия владыки архиепископа Иоанна. Приехал я помолиться вместе с вами об упокоении души его в этот замечательный и решающий сороковой день – день, когда определяется место, куда душа его поместится до общего и Страшного Суда Божия, на котором окончательно решена будет участь каждого из нас на всю вечность. Приехал я еще раз посмотреть на паству его, которую он так любил, на молодежь, которую он так чудесно привлекал к Церкви Божией. Приехал я, не без горести скажу, к этому месту его душевных страданий, месту, где он нес свой терновый венец, тяжелый крест свой.

Я был с ним с начала его страдания здесь и помогал ему как мог и умел при жизни, и разве честно было бы оставить его без почета, без совместной с вами молитвы за его исстрадавшуюся душу в этот величайший для него день?! Он был моим другом и отцом, и, простите меня, сердце мое там, в этом тесном гробе, в могиле с Владыкой. Плачет сердце мое об отце моем!.. Однако слезы эти – только дань естеству нашему. Не следует предаваться чрезмерной скорби о почившем, ибо *память праведного с похвалами*(Притч. 10, 7). Подивимся величию Божию: сколь дивен Бог во святых Своих!

Да, смерть праведных – это конец борьбы со страстями плоти; по смерти ратоборцы прославляются и приемлют победные венцы.

Кто, если не владыка Иоанн, поборол тело свое? Он, как вы знаете, не давал ему покоя ни днем, ни ночью. Одна тень осталась от него. Телесные члены его изнемогли от поста и труда бденного.

Даруй ему, Господи, вечную крепость и введи его в вечный свет Твой!

С упованием древних святых усердно трудился он для успокоения скорбящих и нуждающихся. Да упокоится он в пристани Твоей, Господи!

Нас посетила скорбь: мы лишились того, кто заботился о нас. Я получил от него письмо, в котором проявилась его забота обо мне. Может быть, это было последнее письмо, написанное им в жизни, – он писал его 1 июля, а в печати Сиэтлийского почтового отделения на конверте указано 2 июля после обеда, то есть день его кончины. Но нам

надо знать, что час отшествия его был определен Господом, поэтому удержите слезы свои и возвысьте глас в похвалу ратоборцу сему!

Владыко наш возлюбленный! О ревности твоей вспоминает Церковь, ибо ты истинный был архипастырь ее и молитвой своей спасал паству свою!

Ты был иерей, подобный Аарону, ты был первосвященник, подобный Моисею, Иосифу уподоблялся ты целомудрием и ревностью – Илие.

Всегда пред очами твоими был образ Господа твоего, с неутомимой ревностью стремился ты к цели, какую указал тебе Господь, поэтому как верного раба Своего Господь призвал тебя к Себе и разлучил с нами.

Рабочий день твой не оканчивался ночью, ночь являлась поприщем твоих молитвенных подвигов, поэтому, может быть, не без промысла Божия случилось, что мы отпевали и погребали тебя ночью. Не носишь ты уже более бремени тела своего, отныне жребий твой в раю.

Кто не восплачет об отшествии твоём? Кто не возрадуется о полученном тобою венце? Хвала Тому, Кто избрал тебя!

Умолк для нас глас твой, но да изливаются на нас обильно благословения твои! Лишены мы лицезрения твоего, но да сияет у нас имя твое!

Сирыми оставил ты нас, Отец наш, но да будет нам матерью молитватвоя, и ее ради да оградит души наши Всехвальная Троица! На тот святой жертвенник, которому свято и благоговейно служил ты, да восходит и от века и до века прославляется на нем память твоя! Молитва твоя да осеняет паству твою! Молись о спасении ее. Все, кто собрались ныне почтить память твою, да примут благословение молитв твоих, да возвеселятся некогда с тобою в Небесном Чертоге и да возвеличат и прославят Того, Кто избрал тебя!

Боже Праведный! Со святыми упокой многострадальную душу раба Твоего, возлюбленного отца нашего архиепископа Иоанна! Аминь.

IV. Из «Летописи» епископа Саввы.

Муж молитвы

Когда владыка Иоанн был еще жив, одна женщина в Сан-Франциско рассказывала мне много интересного о нем. Я попросил ее записать некоторые рассказы. И вот кое-что из того, что она прислала.

«Моего мужа, Григория Попова, красные китайцы не выпустили из Китая, когда он ехал ко мне три года тому назад (сейчас от этого времени прошло 5–6 лет – еп. С.). Они сделали ему прививку столбняка

вместо оспы, и он скончался от заражения крови в Тяньцзине. Я горько плакала... В это время владыка Иоанн был в Сан-Франциско. Перед Всенощной (я регентовала в церкви) он подошел ко мне и сказал: «Я слышал о Вашем горе». Я горько заплакала. Владыка пошел, взял свечку, помолился и поставил ее на поминальный столик. Затем подошел ко мне и крепко перекрестил меня. В этот момент я почувствовала, как будто с головы и со всего тела упала с меня громадная тяжесть, и мне стало так легко, и я совершенно перестала плакать и даже забыла свое горе...

Другой случай, в Сан-Франциско. Г-жа Прибыловская очень убивалась и плакала о своем муже, которому была назначена операция. Она накануне операции пошла к Владыке. Он тотчас поехал с ней в госпиталь и долго молился над ее мужем. Наутро доктор приказал везти больного в операционную. Здесь хирург осмотрел больного и сказал, что Прибыловский здоров, опухоль у него исчезла и операцию делать не нужно... Доктора сказали, что это исцелил Бог... Г-жа Прибыловская и ее муж оба здоровы и работают.

Доктор Бил рассказывала мне следующее. В Русской больнице в Шанхае лежала тяжело больная женщина. Она просила всех, чтобы вызвали владыку Иоанна, чтобы он причастил ее и помолился о ней. Доктор же сказал сиделкам, чтобы они не беспокоили Владыку, так как больная умирает. На другой день, к удивлению всех, приехал Владыка в госпиталь и прямо пошел в палату, где лежала больная женщина. «Что ты мне мешаешь молиться? – Сказал он больной. – Ведь сейчас я должен совершать Литургию». Приобщил Святых Таин умирающую, благословил ее и уехал. Больная уснула и стала после этого быстро поправляться...»

Что сказать обо всем этом? Впечатление поразительное, и потому с глубокой печалью я говорю: «Какого праведника и молитвенника мы имели и не научились ценить его!»

Случай изгнания бесов в наши времена

Здесь мы печатаем свидетельство об исцелении одержимого демоном в Шанхае нашим молитвенником владыкой Иоанном в годы его епископства там (1934–1949).

«Пришла я однажды на кладбище, на могилку моей мамы помолиться. Стою в раздумье: что лучше – жить или умереть? Вдруг слышу мужской голос: «Доброе утро!» Я вздрогнула от неожиданности. Человек этот спросил меня, кто похоронен здесь. Я отвечаю, что моя мать. Он продолжил разговор. «Это нормально, что Ваша мать лежит здесь, а вот у меня здесь лежит сын, молодой, ему было под тридцать лет, и я рад, что он уже умер».

Я была поражена, услышав его высказывания, и, конечно, спросила: «Чему же Вы радуетесь?» Он ответил, что радуется тому, что сын его перед смертью вылечился от одержимости и, благодаря владыке Иоанну, умер настоящим христианином.

Я спросила его: «Вы хотите сказать, что Ваш сын был нервнобольной?»

«Нет, мой сын был одержимый, он ненавидел все святое, все святые иконы и кресты, расщеплял их на тончайшие палочки и очень радовался этому. Я возил его к владыке Иоанну, и он его ставил на колени, клал ему на голову то крест, то Евангелие. Мой сын был очень печальный после этого, а иногда и убегал из собора. Но Владыка сказал мне не отчаиваться. Он будет продолжать за него молиться, и со временем он поправится, а пока что пусть продолжает лечиться у докторов: «А Вы не переживайте, Господь не без милости».

Так тянулось несколько лет, рассказывал он. Его то брали в Минхон (дом для душевнобольных), а иногда выпускали домой, и отец опять водил его в собор. Иногда его причащали, когда отец видел, что он в таком состоянии, что не убежит из храма сразу же после причастия, чтобы его выплюнуть. Он все по-прежнему расщеплял крестики и иконки, но как-то стал тише, стал читать Евангелие. Отец понял, что молитвы владыки Иоанна дошли до Бога.

Был он однажды дома, лежал в постели и читал Евангелие. Лицо его было такое светлое и радостное. И говорит: «Ты знаешь, папа, надо нам быть в Минхоне, мне надо туда ехать, там Дух Божий очистит меня от духа зла и тьмы, и я тогда отойду ко Господу. Идем скорее хлопотать».

Отец немедленно пошел во все учреждения и настаивал о принятии сына, так как раньше ему сказали, что сын его не опасен для окружающих и его можно держать дома. Помог ему во всем эмигрантский комитет и один китайский доктор, жена которого много помогала русским и даже усыновила русского ребенка.

Привезли его в Минхон (это верст 25–30 от Шанхая). Через два дня отец приехал его навестить и видит, что сын его совсем невозможный: беспокойный, беспрерывно двигается на кровати и вдруг начал кричать: «Не надо, не подходи ко мне, я тебя не хочу!»

Отец посмотрел-посмотрел и вышел в коридор, чтобы узнать, кто идет, кто встревожил духа зла, что находится в сыне. Коридор был длинный и выходил в аллею. Там он увидел автомобиль, и из него вышел владыка Иоанн и направился к госпиталю. Отец вошел в палату снова и видит, что его сын мечется на кровати и кричит: «Не подходи, я тебя не хочу, уйди, уйди!». Потом успокоился и стал тихо молиться,

шепча молитвы. Отец тоже стал молиться. В это время они слышат, что дверь где-то открылась и закрылась, и слышат шаги по коридору.

Больной соскакивает с постели и бежит по коридору в одной пижаме. Встретив Владыку, падает перед ним на колени и плачет, просит отогнать от него духа зла. Владыка кладет свои руки на его голову и читает молитвы, потом берет его за плечи и ведет его в палату, где и кладет его на кровать и молится над ним. Потом его причащает.

Когда Владыка уехал, больной говорит: «Ну вот, наконец совершилось исцеление, и теперь Господь примет меня к Себе. Папа, вези меня скорее, я должен умереть дома». Когда отец привез его домой, то он был счастлив видеть все в своей комнате, а особенно иконы; начал молиться и взял Евангелие.

На следующий день стал торопить отца, чтобы скорее звал священника, чтобы еще раз причаститься. Отец говорит, что он только вчера причащался, а сын возражает и говорит: «Папа, скорее, скорее, а то не успеешь». Отец позвонил. Приехал батюшка и сына еще раз причастили. Когда же отец проводил священника Сергия Бородина до лестницы и вернулся, сын его уже изменился в лице, стал как бы старый. Еще раз ему улыбнулся, но уже без движения, и только глаза как бы говорили: «Папа, прощай, как хорошо!».

Я спросила, кто поставил его сыну такой прекрасный памятник. Он ответил мне: «Семья Чан, китайцы, они наши большие друзья и очень добрые люди».

После этого я познакомилась с этими китайцами, и они мне все это подтвердили.

Мария Я.

Этот случай очень интересен. Иногда бывает, что злые духи становятся орудиями гнева Божия, и Бог попускает им доставлять страдания людям за грехи их, чтобы те хотя бы через страдание пришли к самоосознанию, раскаялись в грехах своих и исправились.

В «Прологе» 1-го сентября читаем следующую историю.

Однажды некий священник сидел в церковном притворе и читал святое Евангелие. Во время чтения вдруг он почувствовал, что как будто бы какое-то темное и мрачное облако окружило его, и с этим вместе свет померк в очах его, и разум его помрачился, и во всех членах он почувствовал расслабление и стал нем.

И пробыл он в такой ужасной болезни девять лет и страдал так, что, лежа на одре, не мог обратиться со стороны на сторону без посторонней помощи. Между тем случилось, наконец, так, что родные его, услышав о чудесах, которые творил преподобный Симеон Столпник, взяли священника и понесли его к преподобному. Когда же

они, не дошедши несколько до монастыря, в котором жил Симеон, легли отдохнуть, в это время последнему, стоявшему на молитве, было открыто свыше о болезни священника и о приближении его. Тогда Преподобный позвал одного из своих учеников, дал ему святой воды и сказал: «Возьми эту воду и спеши скорее из монастыря. Около него ты увидишь несомого на одре больного священника, окропи его святою водою и скажи ему следующее: «Грешный Симеон говорит тебе: «Во Имя Господа нашего Иисуса Христа встань и оставь одр твой и прииди к Симеону сам». Ученик пошел и поступил так, как указал ему Преподобный. Священник тотчас же стал здоровым, пришел к Святому и пал к ногам его. Симеон сказал ему: «Встань и не бойся. Если диавол и нанес тебе девятилетнюю скорбь, но зато человеколюбие Божие не забыло тебя и не дало тебе погибнуть до конца. Знай, и что диаволу попущено озлобить тебя за то, что ты бесстрашно и неблагоговейно стоял в святом алтаре, слушал клеветников и оклеветанных ими, не доискавшись истины, лишал святого причастия. Этим ты печалил Бога и весьма радовал диавола, которому и подпал под темную власть. Но вот теперь, видя, что человеколюбие и щедроты Божии умножились на тебе, тех, которых ты опечалил отлучением, разреши и, как и Господь сотворил милость с тобою, так и ты сотвори с ними». После этих слов священник с великой радостью вышел от Преподобного и исполнил все повеленное ему.

Итак, там был преподобный Симеон Столпник, а здесь владыка Иоанн. Там это было старое время, а здесь современное нам. Сила Божия как через святого Столпника, так и через владыку Иоанна действовала и прогнала злого духа мучителя. *Дивен Бог во святых Своих, Бог Израилев.*

Глава II. Первое жизнеописание блаженного Иоанна (1896–1966)

Едва шесть месяцев прошло с того дня, как почил в Бозе иерарх Церкви Христовой, жизнь коего была осияна христианскими добродетелями и благодатью Святого Духа столь поразительно, что стала высочайшим образцом христианской жизни, а его сделала опорой истинного Православия». Деятельность архиепископа Иоанна предстала в трех высочайших проявлениях, обычно редко сочетаемых: как смелого и признанного иерарха Церкви; как подвижника, продолжающего традицию столпничества, принявшего на себя самую суровую аскезу; наконец, как Христа ради юродивого, наставляющего людей той «простотой», что находится за пределами мудрости мира сего.

Нижеследующее повествование не может считаться полной биографией архиепископа Иоанна: это лишь подборка ранее

собранного материала, оформленного в виде предварительного жизнеописания этого святого человека. Оно было составлено Братством преп. Германа, основанного по благословию архиепископа Иоанна (пожелавшего присутствовать при канонизации отца Германа после канонизации отца Иоанна Кронштадтского) с целью развития миссионерской деятельности через печатное слово. Теперь, во исполнение этого предназначения, наш долг – поведать истину о человеке, ставшем в наши темные времена, когда истинное Христианство почти исчезло, воплощением жизни во Христе. Это повествование основано преимущественно на личных впечатлениях и свидетельствах очевидцев, известных его составителям. Они называют его «Владыка», как принято обращаться к епископам. В английском языке этому слову соответствует Master, но оно не передает присутствующие в русском слове чувства близости и нежности, которые испытывали к архиепископу Иоанну все знавшие его.

I

Архиепископ Иоанн родился 4 июня 1896 года на юге России в селе Адамовка Харьковской губернии. Он вышел из малороссийского дворянского рода Максимовичей, к которому принадлежал и святой Иоанн Тобольский. Его отец, Борис, был предводителем дворянства в одном из уездов Харьковской губернии. При крещении мальчик был назван Михаилом – в честь архангела Михаила. Младенец мало ел и был болезненным.

Среднее образование он получил в Петровском Полтавском кадетском корпусе, где учился с 1907 по 1914 годы. Кадетский корпус он любил и впоследствии вспоминал о нем с нежностью. По окончании кадетского корпуса он поступил на юридический факультет Харьковского Императорского университета, который закончил в 1918 году (до захвата города Советами). Затем был назначен в Харьковский окружной суд, где служил в период правления на Украине гетмана Скоропадского и пока там оставалась Добровольческая армия.

Харьков, пребывание в котором совпало с годами духовного становления Владыки, был подлинным городом Святой Руси, и юный Михаил, чутко воспринимающий проявления святости, нашел здесь то, что стало образцом для его будущей жизни. Дважды в году две чудотворные иконы Божией Матери – Озерянская и Елецкая – в сопровождении торжественных процессий доставлялись в Успенский собор из монастырей, где они пребывали. В Покровском монастыре в украшенной фресками пещере, находящейся под алтарем, покоились мощи святителя Мелетия Леонтовича, который, после преставления в 1841 году, оказывал чудесную помощь тем, кто служил панихиду по

нему у его гроба. Архиепископа Мелетия уже при жизни почитали за строгий аскетизм, особенно за подвиг воздержания от сна. Было известно, что он проводил целые ночи, стоя погруженный в молитву. Он предсказал день и час своей кончины. Юный Максимович относился с благоговением к этому святому иерарху.

Теперь можно отметить, что архиепископ Иоанн по крайней мере в трех моментах уподобляется харьковскому Святителю: как известно, он в течение сорока лет не ложился спать в постель; он заранее знал время своей кончины; он покоится под сенью собора в специальной усыпальнице, где почти ежедневно служатся панихиды и над гробом читается Псалтирь теми, кто испрашивает его помощи. Таким образом, перед нами уникальный случай приношения частицы Святой Руси в современную Америку.

В Харьковском университете будущий Владыка больше уделял времени чтению житий святых, чем посещению лекций, и, однако, был превосходным студентом. Очевидно, его стремление подражать святым проявилось уже в те годы, поскольку архиепископ Антоний Харьковский (позже митрополит и первый кандидат на Патриаршую кафедру в Москве, впоследствии первый Первоиерарх Русской Зарубежной Церкви) предпринял специальные шаги, чтобы познакомиться с ним, а затем приблизил к себе юношу и стал его духовным наставником.

В 1921 году, во время гражданской войны, будущий Владыка с родителями, братьями и сестрой эмигрировал в Белград, где он и его братья поступили в университет. Один из них, окончив технический факультет, стал инженером, другой – после юридического – служил в югославской полиции. Сам же Михаил закончил в 1925 году богословский факультет, зарабатывая на жизнь в период обучения продажей газет.

В 1924 году он был посвящен митрополитом Антонием в чтецы Русской церкви в Белграде. Митрополит Антоний продолжал оказывать на него глубокое влияние, а Михаил отвечал ему почтением и преданностью. В 1926 году митрополит Антоний постриг его в монахи и рукоположил в иеродиакона в Милковском монастыре, дав имя Иоанн в честь дальнего родича его, святого Иоанна (Максимовича) Тобольского. 21 ноября того же года отец Иоанн был рукоположен в иеромонаха епископом Гавриилом Челябинским.

С 1925 по 1927 годы иеромонах Иоанн был вероучителем в Сербской государственной высшей школе, а с 1929 по 1934 годы – учителем и наставником в Сербской семинарии святого Иоанна Богослова, что в Битоле. Там он служил Божественную литургию на

греческом языке для местных греческих и македонских общин, необычайно его чтивших.

Город Битоль относился к Охридской епархии, находившейся в то время под управлением епископа Николая (Велимировича), сербского Златоуста, известного проповедника, поэта, писателя, организатора и вдохновителя народного религиозного движения. Он оказал благотворное влияние на молодого иеромонаха Иоанна и, как и митрополит Антоний, ценил и любил его. Не однажды слышали, как он говорил: «Если хотите видеть живого святого, идите в Битоль к отцу Иоанну».

И действительно, становилось ясным, что человек этот совершенно необыкновенный. Его собственные студенты первыми открыли то, что являлось, возможно, главным аскетическим подвигом будущего Владыки. Вначале они обнаружили, что он бодрствовал еще долго после того, как все уходили спать, и что он имел обыкновение обходить общежитие ночью, поднимая упавшие одеяла, чтобы укрыть ничего не подозревающих учеников, и осеняя их крестным знаменем. А затем было замечено, что он вообще не ложился спать, а позволял себе в течение ночи не более часа-двух забыться в неудобном сидячем положении или на полу, склонившись перед иконами. Годами позже он сам признался, что с тех пор, как принял монашеские обеты, никогда не ложился спать. Такая аскетическая практика очень редка, хотя и известна православной традиции. Основатель общежительного монашества святой IV века Паисий Великий, принимая от ангела устав общинной монастырской жизни, относительно сна услышал следующее: «И они (монахи) не должны спать лежа, но ты должен сделать им такие седалища, чтобы они имели опору для головы» (правило 4).

Архиепископ Аверкий, известный по Джорданвилльскому Свято-Троицкому монастырю, тогда еще молодой иеромонах с Западной Украины, был свидетелем того глубокого впечатления, которое иеромонах Иоанн произвел на студентов семинарии. По возвращении домой на каникулы те имели обыкновение рассказывать о своем необычном наставнике, который постоянно молился, каждый день служил Божественную литургию или по крайней мере причащался, строго постился, никогда не спал лежа и с истинно отеческой любовью вдохновлял их высокими идеалами Христианства и Святой Руси¹⁰.

В 1934 году иеромонаха Иоанна решено было возвести в сан епископа. Что касается самого отца Иоанна, то ничто не могло быть дальше от помыслов его, чем это. Одна дама, знавшая его, рассказывает, как она встретила его в то самое время в белградском трамвае. Он сказал ей, что находится в городе по ошибке – за ним

послали вместо какого-то иеромонаха Иоанна, который должен быть посвящен во епископа. Когда же она увидела его на следующий день, он сообщил, что ситуация сложилась хуже, чем он предполагал, – это именно *его* хотят сделать епископом! А когда он возразил, что это невозможно ввиду его речевого дефекта, из-за которого он не может говорить внятно, будущему архиерею только и ответили, что пророк Моисей имел те же затруднения.

Епископская хиротония состоялась 28 мая 1934 года. Владыка оказался последним из епископов, посвященных митрополитом Антонием. О необычайно высокой оценке нового епископа со стороны почтенного иерарха свидетельствует письмо, посланное им архиепископу Димитрию на Дальний Восток. Отклоняя предложение удалиться в Китай, он писал: «...Но вместо себя, – как мою собственную душу, как мое сердце, – посылаю вам епископа Иоанна. Этот маленький, тщедушный человек, с виду почти ребенок – на деле зеркало аскетической твердости и строгости в наше время всеобщего духовного расслабления»¹¹. Владыка был назначен в Шанхайскую епархию.

II

В Шанхай Владыка прибыл в конце ноября – на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы – и нашел там недостроенный большой собор и разгоревшийся между юрисдикциями конфликт. Прежде всего он восстановил церковное единство. Был установлен контакт с сербами, греками, украинцами. Особое внимание Владыка уделил религиозному образованию и взял себе за правило присутствовать на устных экзаменах в катехизических классах всех православных школ Шанхая. Он стал одновременно попечителем различных благотворительных и филантропических обществ, активно участвуя в их работе, особенно после того, как увидел те бедственные условия, в которых оказалось большинство его паствы – беженцев из Советского Союза. Он никогда не принимал приглашение на чай в богатые дома, но его можно было видеть везде, где была нужда, независимо от времени или погоды. Для сирот и детей нуждающихся родителей он устроил дом, поручая их небесному покровительству очень почитаемого им святителя Тихона Задонского, любившего детей. Владыка сам подбирал больных и голодающих детей на улицах и в темных переулках шанхайских трущоб. Сиротский дом, начавшийся с восьми детей, впоследствии мог приютить одновременно уже сотни, а в общей сложности через него прошло около трех с половиной тысяч детей. С приходом коммунистов Владыка эвакуировал приют полностью – сначала на один из Филиппинских островов, затем в Америку.

Уже скоро для его новой паствы стало очевидным, что Владыка – великий аскет. Основу его подвижничества составляли молитва и пост. Пищу он принимал один раз в день – в одиннадцать вечера. В первую же и последнюю седмицы Великого поста не вкушал и вовсе, а в остальные дни этого поста и Рождественского – только просфоры. Ночи проводил обычно в молитве и, когда, наконец, силы его истощались, клал голову на пол, забываясь на несколько часов перед рассветом. Когда же приходило время служить утреню, и он, бывало, не отвечал стучавшим в дверь, тогда, войдя, они находили его свернувшимся на полу у икон и одоленного сном. От легкого прикосновения к плечу он вскакивал и через несколько минут уже служил в храме – холодная вода стекала с его бороды, но он бывал совершенно бодр.

Владыка служил в соборе каждое утро и вечер, даже когда был болен. Литургию совершал здесь (как и в последующие годы) ежедневно, а если по какой-либо причине и не мог этого делать, то по крайней мере приобщался Святых Таин. Где бы он ни был, он не пропускал богослужения. Однажды, передает свидетель, «у Владыки тяжело распухла нога, и консилиум врачей, опасаясь гангрены, предписал ему немедленную госпитализацию, от которой он категорически отказался. Тогда русские врачи оповестили приходской совет о том, что они освобождают себя от всякой ответственности за его состояние и даже за жизнь. После долгих уговоров членами совета, которые готовы были даже насильно госпитализировать его, Владыка вынужден был согласиться и утром, за день до праздника Воздвижения

Креста Господня, был отправлен в русский госпиталь, однако к 6 часам, прихрамывая, пришел в собор пешком и начал служить. За день опухоль совсем прошла»¹².

Постоянная забота его об умерщвлении плоти имела основой тот страх Божий, который Владыка хранил по Преданию древней Церкви и Святой Руси. Следующий случай, сообщенный о Скопиченко и подтвержденный многими «шанхайцами», хорошо демонстрирует его дерзновенную, непоколебимую веру во Христа. «Госпожу Меньшикову укусила бешеная собака. Предписанный курс уколов она либо отказалась делать, либо сделала небрежно... и заболела страшной болезнью. Узнав про это, владыка Иоанн пришел к умирающей. Когда он ее приобщил, с ней тут же случился припадок ее болезни: она начала испускать слюну и выплюнула только что принятые ею Святые Дары. Но Святые Таины не могут быть выброшены, и Владыка собрал и потребил их, выплюнутые больной женщиной. Бывшие с ним воскликнули: «Владыка! Что Вы творите?! Бешенство страшно заразно!» Но Владыка спокойно ответил: «Ничего не случится – это Святые Дары». И действительно, ничего не случилось».

Носил Владыка одежду из самой дешевой китайской ткани и мягкие туфли или сандалии, всегда без носок – какая бы ни была погода. Часто он ходил босой, отдав свои сандалии какому-нибудь нищему. Он даже служил босым, за что и подвергался суровому порицанию.

Теперь уже известно, что Владыка был не только праведником и подвижником, но и настолько близким Богу, что обладал даром прозорливости, и по его молитвам совершались чудеса.

Вот поразительное сообщение очевидца, Лидии Лью, свидетельствующее о его духовной высоте. «Владыка дважды приезжал в Гонконг. Это кажется странным, но я, не зная Владыку, написала ему письмо с просьбой о помощи одной вдове с детьми, а также спрашивала его о некоторых личных духовных проблемах, но ответа не получила. Прошел год. Владыка приехал в Гонконг, и я была в толпе, которая встречала его в храме. Владыка обернулся ко мне и сказал: «Вы та, кто написал мне письмо!» Я была поражена, так как Владыка никогда меня до этого не видел. Когда пропели молебен, Владыка, стоя у аналоя, стал читать проповедь. Я стояла рядом с матерью, и мы обе видели свет, окружавший Владыку и идущий вниз к аналою – сияние это было толщиной сантиметров в тридцать. Длилось оно достаточно продолжительное время. Когда проповедь закончилась, я, пораженная необычайным явлением, рассказала о виденном Р.В.С., он же ответил нам: «Да, многие верующие видели это». Мой муж, стоявший чуть поодаль, также видел этот свет».

Владыка любил посещать больных и делал это ежедневно, принимая исповедь и приобщая их Святых Таин. Если состояние больного становилось критическим, Владыка приходил к нему в любой час дня или ночи молиться у его постели. Вот одно чудо среди многих, совершенных молитвами Владыки, свидетельство о котором находится в архиве Округного госпиталя в Шанхае (сообщила Н. Маковая).

«Людмила Дмитриевна Садковская увлекалась спортом – скачками на лошадях. Однажды лошадь сбросила ее, и она сильно ударилась головой о камень, потеряв сознание. Ее без сознания привезли в госпиталь. Собрался консилиум из нескольких врачей, признали положение безнадежным – едва ли выживет до утра: почти нет биения пульса, голова разбита, и мелкие кусочки черепа давят на мозг. При таком положении она должна умереть под ножом. Если бы даже ее сердце позволило делать операцию, то при благополучном исходе она должна была остаться глухой, немой и слепой.

Ее родная сестра, выслушав все это, в отчаянии и заливаясь слезами бросилась к архиепископу Иоанну и стала умолять его спасти сестру. Владыка согласился, пришел в госпиталь и попросил всех выйти из палаты и молился около двух часов. Потом он вызвал главного врача и попросил освидетельствовать больную. Каково же было удивление врача, когда он услышал, что ее пульс был как у нормального, здорового человека! Он согласился немедленно сделать операцию, но только в присутствии архиепископа Иоанна. Операция прошла благополучно, и каково же было удивление врачей, когда после операции она пришла в себя и попросила пить! Она все видела и слышала. Живет она и до сих пор; говорит, видит и слышит. Я знаю ее 30 лет».

Владыка посещал и тюрьмы, совершая Божественную литургию для осужденных на обычном маленьком столе. Но самое трудное дело пастыря – навещать душевнобольных и бесноватых (Владыка их точно различал). В пригородах Шанхая была психиатрическая лечебница, и только Владыка обладал духовной силой, чтобы навещать этих тяжело больных людей. Он приобщал их, и они удивительным образом мирно принимали его и слушали, всегда ждали его посещения и встречали с радостью.

Владыка обладал великим мужеством. Во время оккупации японские власти старались любым способом подчинить себе русскую колонию. Давление оказывалось через руководителей Русского эмигрантского комитета. Два президента этого комитета боролись за сохранение независимости, и оба были убиты. Смущение и страх охватил русскую колонию, и в этот момент владыка Иоанн, несмотря

на предупреждения русских, сотрудничавших с японцами, объявил себя временным главой русской колонии.

Ходить ночью по улицам во время японской оккупации было делом исключительно опасным, и большинство старались быть дома, когда наступала темнота. Владыка, однако, не обращая никакого внимания на опасность, продолжал навещать больных и нуждающихся в любой час ночи, и его никогда не трогали.

По мере затухания военных действий стали все настойчивей предприниматься попытки убедить русское духовенство подчиниться новоизбранному Патриарху Русской Церкви. Из шести иерархов Дальнего Востока пять подчинились, и только епископ Иоанн, несмотря на все доводы и угрозы, остался верен Зарубежной Церкви. В 1946 году он был возведен в сан архиепископа; его епархию составляли все русские в Китае.

С приходом коммунистов к власти русские в Китае снова вынуждены были бежать, большинство – через Филиппинские острова. В 1949 году на острове Тубабао в лагере Международной организации беженцев проживало примерно пять тысяч русских из Китая. Остров находился на пути сезонных тайфунов, которые проносятся над этим сектором Тихого океана. И в течение всех двадцати семи месяцев существования лагеря ему только один раз угрожал тайфун, но и тогда он изменил курс и обошел остров стороной. Когда один русский в разговоре с филиппинцами упомянул о своем страхе перед тайфунами, те сказали, что причин для беспокойства нет, поскольку «ваш святой человек благословляет ваш лагерь каждую ночь со всех четырех сторон». Они имели в виду владыку Иоанна, ибо пока он был там, никакой тайфун острова не затрагивал. Когда же лагерь был почти эвакуирован, люди переселены в другие страны (главным образом – в США и Австралию) и на острове оставалось только около двухсот человек, страшный тайфун обрушился на него и полностью уничтожил лагерь.

Владыка сам ездил в Вашингтон, округ Колумбия, чтобы договориться о переселении русских в Америку. Американские законы были изменены, и почти весь лагерь перебрался в Новый Свет – снова благодаря Владыке.

III

По завершении исхода его паствы из Китая архиепископу Иоанну в 1951 году предоставляется новое поле пастырской деятельности: Синод епископов направляет его в Западноевропейскую архиепископскую епархию с кафедрой в Париже, а затем в Брюсселе. Теперь он становится одним из ведущих иерархов Русской Зарубежной

Церкви и его присутствие часто требуется на заседаниях Собора в Нью-Йорке.

В Западной Европе Владыка проявляет глубокий интерес не только к русской диаспоре, для которой он без усталы трудился, как и в Шанхае, но и к местному населению. Он принимает под свою юрисдикцию местную Голландскую и Французскую Православные Церкви, защищая и поддерживая их православное развитие. Теперь он служит Божественную литургию по-голландски и по-французски, как раньше служил по-гречески и по-китайски (и как позже должен будет служить на английском языке).

Владыка всегда интересовался святыми и почитал их, его знания о них казались безграничными. А теперь он обратился к западноевропейским святым, жившим до латинского раскола Церкви, многие из которых, являясь местночтимыми, не были включены ни в один православный календарь. Он собирал их жития и изображения, представив затем подробный перечень в Синод.

Как в Китае, так и в Западной Европе люди уже начали привыкать к тому, что Владыка всегда мог преподнести неожиданность. Это происходило от того, что жизнь свою он строил исходя из закона Божия, не думая, насколько его действия могли показаться непредсказуемыми и даже поразительными тем, кто руководствуется человеческими критериями. Однажды, когда Владыке довелось быть в Марселе, он решил отслужить панихиду на месте жестокого убийства сербского короля Александра. Никто из его клира из ложного стыда не захотел служить с ним. И действительно, виданное ли дело – служить посреди улицы! Владыка пошел один. Жители Марселя были ошарашены появлением священнослужителя в необычных одеждах, с длинными волосами и бородой, расхаживающего с чемоданом и метлой посреди улицы. Он был замечен фоторепортерами, которые сразу его отсняли. Наконец, он остановился, вычистил метлой небольшую часть тротуара, открыл свой чемодан и начал извлекать его содержимое. На выметенном месте положил епископские орлецы, возжег кадило и начал служить панихиду.

Слава Владыки как святого распространялась среди как православного, так и инославного населения. Так, в одной из католических церквей Парижа священник пытался вдохновить молодежь следующими словами: «Вы требуете доказательств, вы говорите, что сейчас нет ни чудес, ни святых. Зачем же мне давать вам теоретические доказательства, когда сегодня по улицам Парижа ходит святой – Saint Jean Pieds-Nus (святой Иоанн Босой)». Многие свидетельствуют о чудесах, совершенных по молитвам архиепископа Иоанна в Западной Европе.

IV

В Сан-Франциско, где кафедральный приход является самым крупным в Русской Зарубежной Церкви, архиепископ Тихон, которого с Владыкой сближала длившаяся всю жизнь дружба, ушел по болезни на покой, и в его отсутствие строительство нового кафедрального собора остановилось, так как резкие разногласия парализовали русскую общину. В ответ на настоятельные просьбы тысяч русских, знавших его по Шанхаю, архиепископ Иоанн был послан сюда Синодом как единственный иерарх, способный восстановить мир в пораженной раздором общине. На свое последнее назначение он, вот уже 28 лет

бывший епископом, прибыл в Сан-Франциско в тот же самый день, что и в Шанхай, – на праздник Введения во храм Пресвятой Богородицы, 21 ноября (4 декабря) в 1962 году.

С появлением Владыки мир в известной мере был восстановлен, состояние паралича было ликвидировано и собор – достроен. Но даже в своей миротворческой миссии Владыка подвергался нападкам, обвинения и порицания обрушились на его голову. Его вынудили даже явиться в общественный суд, что было вопиющим нарушением церковных канонов, требуя ответа на абсурдное обвинение в сокрытии им нечестных финансовых операций приходского совета. Правда, все привлеченные были в конце концов оправданы, но последние годы жизни Владыки были омрачены горечью от поношений и преследований, на которые он отвечал всегда без жалоб и осуждения кого-либо, в безмятежной мирности.

Владыка до конца остался верен избранному им пути преданного служения Церкви. Знавшие его в последние годы могли бы выделить, вероятно, две основные черты его характера. Прежде всего – это строгость во всем, что касается Церкви и канонов. Он настаивал на должном поведении служителей Божиих, не позволяя какой-либо вольности или даже разговоров в алтаре. Будучи знатоком богослужения, он имел обыкновение немедленно исправлять ошибки и упущения в порядке службы. Строг он был и с прихожанами, не

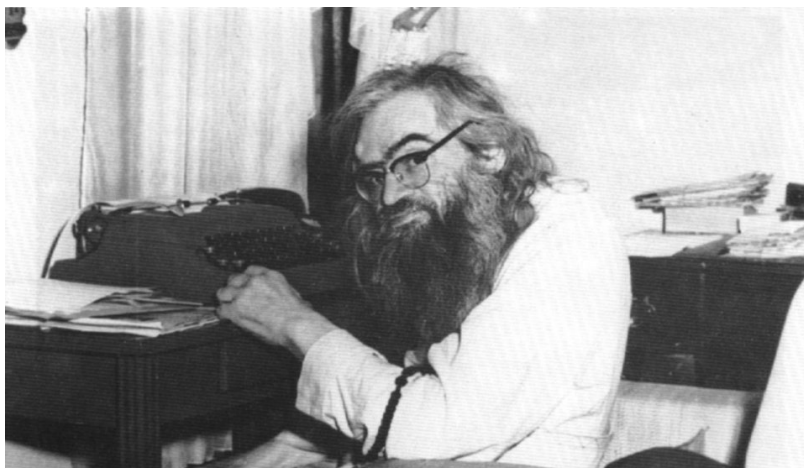
разрешая женщинам целовать крест или иконы с помадой на губах и настаивал на том, чтобы антидор, раздаваемый в конце Литургии, принимался натошак. Он считал недопустимым устройство балов и прочих увеселений в канун воскресных и праздничных дней. Он упорно защищал церковный (юлианский) календарь от сторонников нового календаря. Он запрещал своему клиру участвовать во «всехристианских» богослужениях ввиду сомнительной каноничности некоторых их участников, и деятельность православных экуменистов была для него также сомнительна. Он был строг ко всему, что относилось к Святому Православному учению. Когда он был еще молодым епископом в Шанхае, его критическое эссе по поводу «софиологии» протоиерея Сергия Булгакова сыграло важную роль в принятии Синодом решения об осуждении этой ереси в 1936 году. Свидетели не скоро забудут гневный взор Владыки, когда объявлялась анафема еретикам в Неделю Торжества Православия – он был един со всей Церковью в извержении из ее лона всех отвергающих спасительную Православную веру в ее полноте. И это шло не от ограниченного буквализма или «фанатизма», но все от того же страха Божия, который хранился Владыкой всю его долгую жизнь и который заставляет опасаться нарушать закон Божий из страха лишиться спасения.

Случай, происшедший не так давно и явившийся примером праведной строгости Владыки, напоминает эпизод из жизни любимого Владыкой святителя Тихона Задонского, когда тот явился в самый разгар языческого празднества, устроенного во время Петрова поста, и произнес обличительную проповедь с осуждением его участников.

Это произошло вечером накануне 19 октября (2 ноября) 1964 года, когда Русская Зарубежная Церковь праздновала торжественную канонизацию отца Иоанна Кронштадтского, которого Владыка глубоко почитал (даже принимал активное участие в составлении ему службы и акафиста). Латиняне отмечают в этот день праздник всех святых, а кроме того, у них существует поверие, что в предшествующую ночь темные духи отмечают свой праздник беспорядка, В Америке этот «хеллоуин» дал повод к возникновению обычая рядиться детям в костюмы ведьм, духов, как бы вызывая темные силы (дьявольская насмешка над Христианством).

Группа русских решила организовать в эту ночь (пришедшую к тому же на канун воскресенья) хеллоуинский бал, и в соборе Сан-Франциско во время первого всеобщего бдения, посвященного святому Иоанну Кронштадтскому, весьма многие, к великой печали Владыки, отсутствовали. После службы Владыка пошел туда, где все еще продолжался бал. Он взшел по ступенькам и вошел в зал – к

полному изумлению участников. Музыка прекратилась, и Владыка в полном молчании пристально посмотрел на онемевших людей и стал неспешно обходить зал с посохом в руке. Он не произнес ни слова, да в том и не было нужды: один взгляд Владыки уязвил совесть каждого, вызвав всеобщее оцепенение. Владыка ушел в молчании, а на следующий день он метал громы святого негодования и ревностно призывал всех к благоговейной христианской жизни.

Однако Владыка запомнился всем не своей суровостью, но, напротив, мягкостью, радостностью и даже тем, что известно как юродство во Христе. Самая популярная его фотография передает именно то, что относится к этому аспекту его духовного облика. Особенно заметно это было когда он общался с детьми. У него был обычай после богослужения шутить с прислуживавшими ему мальчиками, слегка постукивая непослушных по головке посохом. Иногда кафедральный клир бывал смущен, видя, как Владыка во время богослужения (но всегда вне алтаря), мог начать играть с маленьким ребенком. А в праздники, когда полагается благословение святой водой, он имел обыкновение кропить верующих не сверху на головы, как принято, но прямо в лицо (на что как-то одна маленькая девочка воскликнула: «Он брызгается на тебя!»), – с явным озорством и полным безразличием к дискомфорту некоторых чопорных персон. Дети, несмотря на обычную строгость Владыки, были ему абсолютно преданы.

Владыку порой критиковали за нарушение принятого порядка вещей. Он часто опаздывал на службы (не по личным мотивам, но задерживаясь у больных или умирающих) и не разрешал начинать без себя, а когда служил – богослужения бывали обычно очень долгими, ибо он признавал лишь весьма немногие из принятых сокращений службы. Он имел обыкновение появляться в различных местах без предупреждения и в неожиданное время; часто он посещал поздно

ночью больницы – и всегда беспрепятственно. Временами его суждения казались противоречащими здравому смыслу, а действия – странными, и часто он не объяснял их.

Нет человека непогрешимого, и Владыка тоже бывал не прав (и без колебаний признавал это, когда обнаруживал).

Но обычно он все же был прав, а кажущаяся странность некоторых поступков и суждений впоследствии обнаруживала глубокий духовный смысл. Жизнь Владыки в основе своей была прежде всего духовной, и если это нарушало заведенный порядок вещей, то лишь для того, чтобы заставить людей очнуться от их духовной инертности и напомнить им, что есть Суд более высокий, чем суд мира сего.

Один замечательный эпизод, происшедший в период пребывания Владыки в Сан-Франциско (1963), отражает сразу несколько аспектов его святости: его духовное дерзновение, основанное на абсолютной вере; его способность видеть будущее и преодолевать своим духовным видением границы пространства; силу его молитвы, которая, вне всяких сомнений, совершала чудеса. Случай этот сообщен госпожой Л. Лью, а точность слов Владыки подтверждается упоминаемым здесь господином Т.

«В Сан-Франциско муж мой, попав в автокатастрофу, очень болел: у него было нарушение вестибулярного аппарата, он страдал ужасно. В это время Владыка имел много неприятностей. Зная силу молитв Владыки, я думала: «Если бы пригласить Владыку к мужу, то мой муж поправился бы», но боялась это сделать в то время из-за занятости Владыки. Проходят два дня, и вдруг входит к нам Владыка в сопровождении господина Б.Т., который его привез. Владыка у нас был минут пять, но я верила, что муж мой поправится. Это был самый тяжелый момент состояния его здоровья, и после посещения Владыки у него настал резкий перелом, а затем он стал поправляться и прожил еще четыре года после этого. Он был в преклонном возрасте. Позже я встретила господина Т. на церковном собрании, и он мне сказал, что он правил машиной, когда вез Владыку в аэропорт. Вдруг Владыка говорит ему: «Едем сейчас к Л.». Тот возразил, что они опоздают на аэроплан и что сию минуту он повернуть не может. Тогда Владыка сказал: «Вы можете взять на себя жизнь человека?» Делать было нечего, он и повез Владыку к нему. На аэроплан, однако, Владыка не опоздал, ибо его задержали ради Владыки».

Когда митрополит Анастасий в 1964 году объявил о своем уходе на покой, архиепископ Иоанн стал основным кандидатом в его преемники на место митрополита и Первоиерарха Русской Зарубежной Церкви. При повторном голосовании он остался одним из двух кандидатов при

разнице между ними в один голос. Чтобы разрешить это равное распределение, Владыка пригласил к себе самого младшего из иерархов, епископа Филарета, и уговорил этого неожиданного кандидата ответственно и благоговейно принять на себя столь высокое служение. На следующий день он снял свою кандидатуру и рекомендовал избрать епископа Филарета, коего епископы и выбрали единогласно, усмотрев в этом внезапном повороте событий действие благодати Святого Духа.

Такого высокого авторитета среди иерархов Русской Зарубежной Церкви Владыка достиг незадолго до конца своей земной жизни. И этот авторитет основывался не на каких-то его внешних достоинствах, ибо Владыка был тщедушен, согбен, не обладал ни честолюбием, ни хитростью, не имел даже ясного выговора. Основывался он исключительно на тех внутренних, духовных достоинствах, благодаря которым он стал одним из великих православных иерархов этого столетия и воистину святым человеком. В нем воссияла праведность.

V

У знавших и любивших Владыку первой реакцией на сообщение о его внезапной смерти было: не может быть! И не внезапность события была причиной такой реакции, а нечто большее: среди тех, кто был близок к Владыке, возникла беспричинная уверенность, что этот столп Церкви, этот святой пастырь, всегда Доступный для своей паствы, никогда не перестанет быть! Никогда не настанет время, когда к нему нельзя будет обратиться за советом и утешением! В определенном, духовном, смысле эта убежденность оправдалась. Но одной из реальностей этого мира является то, что каждый живущий должен умереть.

Владыка к этой реальности был подготовлен. В то время как другие ожидали от него плодотворного и продолжительного служения Церкви Христовой (Владыка не относился к числу самых старых иерархов), сам он уже готовился к кончине, которую предвидел по меньшей мере за несколько месяцев, и сам день ее он, очевидно, также знал заранее.

Управляющий сиротским приютом, где жил Владыка, упомянул в разговоре, что через три года должен состояться епархиальный съезд (это было весной 1966 года), и в ответ услышал от Владыки: «Меня не будет здесь тогда». В мае 1966 года одна женщина, знавшая Владыку двенадцать лет, с изумлением услышала от него: «Скоро, в конце июня, я умру... не в Сан-Франциско, а в Сиэтле...» (ее свидетельство, согласно митрополиту Филарету, «заслуживает полного доверия»). Сам митрополит Филарет рассказал о том, как необычно прощался с ним Владыка, вернувшийся в Сан-Франциско из Нью-Йорка, с последнего

заседания Синода. После того как Митрополит отслужил обычный молебен перед путешествием, Владыка вместо того, чтобы окропить себе голову святой водой, как то всегда делают иерархи, низко поклонился и попросил Митрополита покропить его, а затем вместо обычного взаимного целования рук твердо взял руку Митрополита и поцеловал ее, убрав свою»¹³.

Наконец, вечером накануне своего отъезда в Сиэтл, за четыре дня до смерти, Владыка поразил человека, для которого только что отслужил молебен, словами: «Ты больше не приложишься к моей руке». В самый же день смерти по завершении Божественной литургии он три часа молился в алтаре и вышел оттуда незадолго до смерти, последовавшей в 15 час. 50 мин. 2 июля 1966 года. Скончался он в своей комнате в приходском здании, стоящем рядом с храмом, без предварительных признаков какой-либо болезни или скорби. Слышали, как он упал, и, когда подбежавшие на помощь посадили его

на стул, упокоился мирно и, видимо, безболезненно пред образом чудотворной Курской иконы «Знамение». Таким образом, Владыка оказался достойным своей блаженной кончиной повторить кончину небесного своего покровителя святого Иоанна Тобольского.

Сегодня мощи архиепископа Иоанна покоятся в часовне под Сан-Францисским собором; и это начало новой главы в биографии святого. Как преподобный Серафим Саровский заповедовал своим духовным детям считать его живым и после смерти приходить к нему на могилу и говорить все, что у них на сердце, так и наш Владыка слышит тех, кто почитает его память. Вскоре после его упокоения отец Амвросий П., одно время бывший его учеником, увидел как-то ночью сон (или явление – он не мог определить): Владыка, облаченный в пасхальные ризы, весь светлый и сияющий, кадил в соборе и радостно произносил одно только слово, благословляя его: «Счастливый!»

Позднее, перед завершением сорока дней, отец Константин З., бывший долгое время диаконом Владыки (а ныне ставший священником) и который еще недавно сетовал на Владыку и даже начал сомневаться в его праведности, увидел его в озарении света с таким ярким нимбом, что он ослеплял. Так сомнения отца Константина относительно святости Владыки были рассеяны.

И многие другие видели архиепископа Иоанна в необыкновенных снах, имевших особое значение или содержащих предсказание; некоторые утверждают, что получили при этом сверхъестественную помощь. Скромная усыпальница, которая скоро будет украшена иконами Владыки работы Пимена Софронова, уже теперь стала свидетельницей столь многих слез, признаний, сердечных прошений... Замечательный сон видела управляющая Домом святителя Тихона Задонского, долгое время преданно служившая Владыке, М.А. Шахматова: толпа народа внесла Владыку в гробе в храм святителя Тихона; Владыка вернулся к жизни, встал в Царских вратах и, помазывая подходивших, говорил им: «Передайте людям: хотя я умер, я – жив!»

Пока прошло еще слишком мало времени, чтобы хотя бы умом охватить тот факт, что мы, голодные и грешные, живущие в этот злой век, стали свидетелями такого великолепного явления, как жизнь и смерть святого! Это как если бы на землю вернулись времена Святой Руси, как доказательство того, что *«Иисус Христос вчера и днесь Тойжде, и во веки»* (Евр. 13:8), Аминь.

Евгений Роуз, 1966 г.

Глава III. Житие блаженного Иоанна

I. Детство

Родиной архиепископа Иоанна был теплый, цветущий край Харьковской губернии в Южной России. Здесь в имении Адамовка в блестящей дворянской семье Максимовичей у родителей Бориса и Глафиры 4 июня 1896 года родился сын. Во святом крещении он был назван Михаилом – в честь святого архангела Божия. Род Максимовичей издревле славен был в России своим благочестием, и патриотизмом. Самым блистательным представителем этого рода был прославленный Церковью святой иерарх Иоанн, митрополит Тобольский, хорошо известный духовный писатель и поэт, переводчик «Илиотропиона, или Соображения человеческой воли с волей Божественной», просветитель Сибири, пославший первую православную миссию в Китай и изливший на верных, особенно после упокоения, множество чудес. Он был канонизирован в 1916 году, и его нетленные мощи по сей день хранятся в Тобольске. Хотя святой иерарх Иоанн скончался в начале XVIII века, его дух почил на его дальнем родственнике, которому предстояло в монашестве принять его имя. Юный Михаил был необыкновенным мальчиком уже с раннего детства.

Мишин дед со стороны отца был известным землевладельцем, а дед со стороны матери – врачом в Харькове. Его отец был предводителем местного дворянства, а дядя, издавший «Илиотропион» святого Иоанна Тобольского, – ректором Киевского университета, и подобная светская карьера была, казалось, предуготовлена и Михаилу. Его отношения с родителями были образцовыми, и, пока они были живы, он серьезно считался с их мнением. Умерли они в Венесуэле: мать в 1952 году, отец в 1954 году.

Миша Максимович был болезненным ребенком с плохим аппетитом. Он был очень хил и кроток. Старался иметь хорошие отношения со всеми, но особо близких друзей у него не было. Любил животных, в особенности собак. Шумных детских игр не любил и часто бывал погруженным в свои мысли.

В детстве он отличался глубокой, явно не соответствующей его возрасту, религиозностью. Он сам сказал в проповеди при посвящении в епископы в 1934 году: «С самых первых дней, как я начал осознавать себя, я захотел служить праведности и Истине. Мои родители возжгли во мне усердие неколебимо стоять за правду, и душа моя была пленена примером тех, кто предал за нее жизнь».

Маленький Миша любил «играть в монастырь», наряжая игрушечных солдатиков монахами и делая из игрушечных фортов монастыри. С возрастом его религиозное усердие углублялось. Он

собирал иконы, а также религиозные и исторические книги – так образовалась большая библиотека – и более всего любил читать жития святых. По ночам подолгу стоял на молитве. Будучи старшим ребенком в семье, он оказывал большое влияние на своих четверых братьев и сестру, которые благодаря ему знали жития святых и факты русской истории. Он был очень требователен к себе и к другим в том, что касалось хранения церковных законов и национальных обычаев. С самых ранних лет был горячим русским патриотом, внушая и другим почтение к России и ее истории. Его любовь распространялась и на другие славянские и православные народы, и когда в 1912 году сербы были преданы болгарам, он в праведном негодовании изъясил фотографии Болгарского Царя из альбомов младших братьев и запечатал семейную грампластинку с болгарским гимном, чтобы ее нельзя было проигрывать.

Святая и праведная жизнь ребенка произвела глубокое впечатление на его французскую гувернантку-католичку и в результате она приняла православное крещение (когда Мише было 15 лет). Он же помог ей подготовиться ко крещению и учил ее молитвам. Принимая активное участие в церковной жизни, он ежегодно участвовал в процессии, следовавшей из Харькова в Озерянский монастырь с чудотворной иконой Пресвятой Богородицы.

Загородное имение Максимовичей в Голой Долине было расположено всего в 8 милях от знаменитого Святогорского монастыря. Максимовичи проводили в своем имении каждое лето. Там Миша часто спал во дворе под навесом. Семья очень любила монастырь и подолгу жила там. Можно только представить, какое благоговение и восторг рождались в пылом Мишином сердце, когда он, юный паломник, входил в стены этого замечательного монастыря, расположенного на лесистом берегу Северного Донца. Там был Афонский типикон, величественные храмы, высокая «Гора Фавор», много пещер, схимонахи, скиты и большое братство в шестьсот монахов – в общем, достаточно, чтобы воспламенить ревность любого юного любителя житий святых. На Мишу, «монаха с детства», все это производило чрезвычайное впечатление, и он часто приходил в монастырь один.

Когда Мише исполнилось 11 лет, его послали в Полтавский кадетский корпус, в котором до него учился его отец. Здесь он оставался тихим и религиозным и ни в малейшей степени не походил на солдата. Он успевал по всем предметам, и все они ему нравились, за исключением физической подготовки, от которой он был впоследствии освобожден.

Как раз в эти годы, обычно критические для юных впечатлительных душ, Миша не мог избежать встречи с полтавским

епископом, поразившим весь город своим суровым подвижничеством. Святитель Феофан (Быстров) был невысокого роста, очень худ, «прозрачен» – как обычно о нем говорили. Служил с закрытыми глазами в почти не нарушаемой тишине и пробуждал в предстоящих глубокое религиозное чувство. Казалось, святой сошел с настенной фрески собора и ходит среди верующих. Говорил он очень мягко, всегда пребывая в сосредоточенной молитве, но при этом вполне доступно, особенно с молодыми. Интересно отметить, что много сходных черт с ним можно обнаружить у блаженного Иоанна в последние годы его жизни, как если бы иерарх Феофан был для того образцом аскета, еще в детстве произведшим на него глубокое впечатление⁴.

В 13 лет, когда Миша учился в кадетском корпусе, его обвинили в серьезном «нарушении порядка», и это «нарушение» в высшей степени характерно для него. Кадеты часто проводили церемониальные марши в город Полтаву, а в 1909 году, по случаю двухсотлетнего юбилея русской победы в Полтавской битве, марш был особенно торжественным. И вот, когда они проходили мимо фасада Полтавского собора, кадет Михаил повернулся к нему и – перекрестился! Мальчики и тогда, и позднее посмеивались над ним за это, а начальством он был наказан. Но Великий князь Константин Константинович, попечитель корпуса, чей сын был товарищем Миши, издал приказ об освобождении кадета Михаила Максимовича от наказания за действие, которое не заслуживало порицания и осуждения, но было, напротив, весьма похвальным и выражало здравые религиозные чувства. Так Миша из объекта насмешек превратился в героя.

В 1914 году Михаил закончил кадетский корпус и, следуя глубокому сердечному влечению, решил посещать Киевскую Духовную академию. Родители, однако, настаивали, чтобы он поступал в Харьковскую юридическую школу, и из послушания им он отказался от своего желания, начав готовиться к юридической карьере.

В университетские годы он достиг зрелости в своем мировоззрении, которое начал усваивать с детства. В том возрасте, когда иные мальчики, выросшие лишь внешне православными, «восстают» или даже отбрасывают «бабушкины сказки» религиозного детства, юный Михаил как раз понял смысл своего духовного воспитания. Он увидел, что жития святых содержат особо глубокую мудрость, о которой не подозревают те, кто читает их поверхностно, и истинное познание их важнее любого университетского курса. Как отмечают его однокурсники, Михаил уделял больше времени чтению житий, чем посещению академических лекций, хотя он очень хорошо успевал и в университетских науках. Он изучал православных святых именно «на университетском уровне», усваивая их мировоззрение и их

отношение к жизни, проникая в их психологию и постигая разнообразие их деятельности – аскетические труды и практику молитвы. Он полюбил их всем сердцем, до конца пропитался их духом и начал жить, как они. «Изучая мирские науки, – сказал он в уже упомянутой проповеди, – я все более входил в изучение духовной жизни». Сюда он вложил все свои усилия, его духовные глаза стали широко раскрываться, его душа была уязвлена жаждой постижения истинного пути и значения жизни во Христе.

Мальчик Михаил стал взрослым и закончил университет как раз, когда началась страшная революция, поставившая своей целью привести мир к анти-христианству. Вся семья его была всецело предана Православному Царю, и для нее уже первые дни февральской революции 1917 года были днями траура. Михаил, теперь уже вполне постигший начала православной жизни по образу святых Божиих, был решительно настроен жить по законам православной святости, даже в гуще новых событий. Так, на одном приходском собрании в Харькове шел разговор о том, чтобы снять серебряный колокол с соборной колокольни и переплавить его. Преобладающее большинство, охваченное революционным духом или боявшееся противостоять ему, склонялось в пользу этого святотатства, и только Михаил с немногими другими отважился смело выступить против этого. С распространением революционного духа начались аресты. Смелость Михаила становилась все более опасной, и семья пыталась убедить его покинуть дом и скрыться. На это он отвечал, что от воли Божией не скроешься, а без нее ничто не происходит, и ни один волос не упадет с нашей головы. Его арестовали, а затем через месяц освободили. Вскоре его опять арестовали, но когда стало ясно, что ему совершенно безразлично, находится ли он на свободе или в тюрьме, его снова отпустили. Он уже в буквальном смысле жил в другом мире и просто отказывался приспособляться к той «реальности», которая управляет жизнью большинства людей, – он решил неколебимо следовать путем Божественного Закона.

Так семя истинного Православия, посеянное в детстве, возросло в сердце этого избранника Божия, а знание житий святых явилось почвой, на которой его душа произросла как новое чудесное растение с изумительными и разнообразными плодами, редко приносимыми одним человеком. Как показала его последующая жизнь, он был одновременно суровым аскетом и любящим пастырем; питателем сирот и безмездным целителем; но также и миссионером и апостолом; глубоким богословом и Христа ради юродивым; истинным пастырем оказавшегося в изгнании русского стада и иерархом вселенского значения¹⁵.

II. Учитель Битольской семинарии (воспоминания семинариста)

«Поминайте наставников ваших, которые проповедовали вам слово Божие, и, взирая на кончину их жизни, подражайте вере их» Евр. 13:7.

Вот уже почти пять десятилетий истекли с тех пор, как однажды в Битольской семинарии появился один очень скромный монах¹⁶. Это был иеромонах Иоанн (Максимович), русский по происхождению. Внешность его не производила особого впечатления, но что-то особенное в нем было. Он был среднего роста, с густыми черными волосами до плеч. Лицо без единой морщины, большие глаза, как будто настороженно выглядывающие из-под волос. Большой бороды он тогда не отрастил. Нос прямой, нижняя челюсть не имела должной подвижности и потому была препятствием для речи. Правая нога была короче другой, и он носил ортопедический ботинок, постукивавший во время ходьбы, особенно когда он шел по коридору или по классу. Часто он ходил с тростью. Таким он появился у нас в 1928 учебном году.

Никто не постигал, с какой полнотой Святой Дух почил на нем. Несомненно, по Божию Промыслу он оказался там, где был тогда совершенно необходим, – в Битольской семинарии, имевшей в пансионе от 400 до 500 студентов. Многие студенты, получавшие стипендию, жили в пансионе до четвертого года обучения, когда перед ними вставал выбор: заканчивать семинарию или перейти в другую школу (сохраняя стипендию). Там было много студентов из разных школ, преобладали же семинаристы. Большинство составляли албанцы, а русских и чехов было меньше. Гул, как в улье, стоял там с утра до вечера. И среди этих-то мальчиков и юношей начал работать святой человек, который неустанными трудами, молитвой и теплой христианской любовью творил новых людей.

* * *

С появлением нового учителя у студентов всегда возникают вопросы: «Каким он будет? Строгим или добрым?» и т.д. Возможно, подобные вопросы появились и с приходом отца Иоанна. Он, однако, собственным примером очень скоро на них ответил: самым строгим был по отношению к себе. Как велики были его ежедневные труды в молитве и поклонах, знает один Бог, а мы могли лишь частично видеть и ощущать это. Епископ Охридский Николай (Велимирович) часто посещал семинарию, беседовал с учителями и студентами. Для нас его встреча с отцом Иоанном была более чем впечатляющей. Поклонившись друг другу, они начали необычайно сердечный

разговор. Как-то перед уходом епископ Николай обратился к небольшой группе студентов (я был среди них) со словами: «Дети, внимайте отцу Иоанну, он – ангел Божий в человеческом обличье». Мы и сами убеждались в справедливости этих слов. Его жизнь действительно была ангельской. Справедливо было бы сказать, что он больше принадлежал Небу, нежели земле. Его кротость и смирение напоминают те, что увековечены в житиях величайших аскетов и пустынников. Пищу он принимал в количестве, необходимом для поддержания телесных сил. Одежда его была простой, а в постели он вообще не нуждался. Комната его была в полуподвальном помещении, с одним не занавешенным окном, выходящим на внутренний двор. В комнате стоял простой стол со стулом да кровать, на которую он никогда не ложился. На столе всегда лежало Святое Евангелие, на полке – богослужебные книги. И больше ничего. В любое время ночи его можно было застать читающим Библию, потому что *«в законе Господнем воля его и в законе Его поучится день и ночь»* (Пс. 1, 2). Те переживания, которые он испытывал во время церковных служб или молитвы, не передать словами. Необычайной была и его подготовка к Божественной литургии: уже в четверг он ел меньше, в пятницу и субботу – едва притрагивался к пище, пока в воскресенье не совершит Литургию.

В первую седмицу Великого поста не вкушал ничего, но каждый второй день служил, как и в течение Страстной седмицы. Когда наступала Великая Суббота, его тело было уже совсем истощено. Но в день Воскресения Христова он как бы возрождался. После Божественной литургии силы возвращались к нему и ангельская радость озаряла его лицо. Так перед нашими глазами проходила его подвижническая жизнь.

* * *

Отец Иоанн был редким молитвенником. Он так погружался в тексты молитв, что создавалось впечатление, будто он прямо беседует с Богом, Пресвятой Богородицей, ангелами и святыми, которые предстояли его духовным очам. Возможно, он говорил вслух для нашей пользы, чтобы научить нас молиться. Любая его молитва вызывала отклик; произносил он их по памяти, с исключительной выразительностью. Никому не известно, сколько молитв он знал наизусть. И это не было чем-то неожиданным, ибо он имел великий, от Бога полученный дар необыкновенной памяти. И знали об этом все – и студенты, и преподаватели. Евангельские события были известны ему так, как будто происходили на его глазах, он мог указать главы, где каждое из них описывалось, а при необходимости и процитировать нужные стихи. Он знал индивидуальные возможности и особенности

характера каждого студента так, что мог незамедлительно сказать, что и как каждый из его студентов ответит, что он знает и чего не знает. При этом он обходился без каких-либо записей, и после многократных проверок никто не мог усомниться в исключительности его памяти.

* * *

Отец Иоанн любил нас всех, и мы – его. В наших глазах он был воплощением всех христианских добродетелей: мирный, спокойный, кроткий. Мы не находили в нем недостатков и быстро привыкли даже к его манере говорить. Он стал нам настолько близок, что мы относились к нему, как к старшему брату, любимому и уважаемому. Не было конфликта, личного или общественного, который он не мог бы разрешить. Не было вопроса, на который у него не нашлось бы ответа. Достаточно было кому-нибудь на улице что-то у него спросить, как он немедленно давал ответ. Если вопрос был более важным, он обычно отвечал на него после службы в храме, в классе или в кафетерии. Ответ его всегда был информативно насыщенным, ясным, полным и компетентным, потому что исходил от человека высокообразованного, имеющего два университетских диплома – по богословию и праву. Ежедневно и еженощно он молился за нас. Каждую ночь он, как ангел-хранитель, оберегал нас: одному поправлял подушку, другому одеяло. Всегда, входя в комнату или выходя из нее, он благословлял нас крестным знаменем.

* * *

Теперь посмотрим, наконец, каким он был учителем. Преподавал он по плану, по специальной методике. Он был одновременно и теоретиком, и практиком, искусно сочетавшим то и другое, и потому его предметы удерживались в памяти без дополнительных разъяснений. Взять, к примеру, литургическое служение и церковные правила. Он имел расписание, по которому студенты читали на клиросе. Одна группа из четырех студентов и другая (всего – восемь человек) должны были приходить в назначенное время в комнату отца Иоанна, где можно было найти все богослужебные книги. Первая четверка студентов должна была найти все, что следовало читать или петь в тот день недели или на праздник, а другие четверо слушали. В это время объяснялась теория, символика богослужения и прочее. Так практиковалось весь год. В классе акцент делался на теории. Отец Иоанн требовал постоянного «бодрствования» везде, а главное – во время богослужения. Он хотел научить студентов уделять особое внимание Святому Евангелию как источнику всякого богословского знания. Поэтому в начале урока он спрашивал, что читалось в тот день из Святого Евангелия или Апостола. Каждый должен был это знать –

ведь неизвестно, кого он спросит. Потом он обыкновенно давал краткие толкования. Но какие он давал толкования, когда читал пастырское богословие и историю Церкви! Некоторые свои лекции по пастырскому богословию он записывал для нас в специальные тетрадки. В них он выразил себя в полной мере. По его убеждению, священник, в соответствии со словом апостола Павла, должен быть идеальным пастырем: «*Будь образцом для верных в слове, в житии, в любви, в духе, в вере, в чистоте*» (1Тим. 4, 12). Священник – это духовный отец своего прихода, и в соответствии с этим он и должен действовать, а его приход – большая семья, которая не может существовать без пастырской любви и ежедневной молитвы. Где только возможно, он должен приходить им на помощь, дабы участвовать в их радости и печали. Вот основные мысли отца Иоанна, которые он разъяснял нам на всех своих лекциях.

Уроки по истории Церкви также хорошо усваивались, поскольку отец Иоанн умел выделить наиболее важные моменты и, часто повторяя их, заставлял все запомнить. Когда в 1931 году мы держали экзамены на получение диплома об окончании семинарии, профессор Димитрий Стефанович, представитель министерства, был поражен превосходными ответами студентов. Полагаю, более половины отвечали на отлично, а остальные на хорошо. Плохих оценок не было. Учителя объяснили представителю министерства, что отец Иоанн неразлучен со своими учениками и в течение года дает им детальное знание предмета.

Так, каждый студент, осознавая исключительность личности отца Иоанна, всей душой был предан ему. Он был среди нас как посланник Божий, призванный возделывать Его обширную ниву. И он честно исполнил среди нас предназначенное служение.

Эти воспоминания относятся к периоду 1928–1931 годов, тогда как отец Иоанн оставался в семинарии вплоть до своего назначения епископом Шанхайским. Поэтому свои воспоминания я считаю неполными.

Протоиерей Урош Максимович

III. Шанхайский чудотворец

В 1934 году иеромонах Иоанн из монастыря Милково в Югославии был хиротонисан во епископа и назначен возглавить паству русских беженцев в Шанхае. Уже скоро его узнали как любящего пастыря, всецело преданного своим овцам и не отказывавшего в помощи никому, и как святого, чья молитва свершала чудеса. Позднее, с приходом коммунистов, он непрестанной молитвой и ходатайством перед несколькими

правительствами спас свое стадо, приведя его через Филиппины в Америку – к свободе. И по сей день для большинства знавших его русских он – владыка Иоанн Шанхайский. Вот немногие из многочисленных свидетельств об этом периоде его жизни, раскрывающие силу его молитвы.

1

Однажды в Шанхае владыку Иоанна позвали к постели умирающего ребенка, чье состояние, по определению врачей, было безнадежным. Войдя в дом, владыка Иоанн прямо направился в комнату, где лежал больной мальчик, хотя никто еще не успел ему показать, куда идти. Не став даже осматривать ребенка, Владыка повергся пред иконой в углу комнаты (что было в его духе) и долгое время молился. Затем, заверив родственников, что ребенок поправится, быстро вышел. И действительно, к утру ребенку стало лучше, и вскоре он выздоровел – без врачебной помощи. Свидетель, полковник Н.Н. Николаев, подтверждает это сообщение во всех деталях.

*Доктор А.Ф. Баранов
Эри, Пенсильвания*

2

Архиепископ Иоанн отошел от нас к Церкви Небесной. И сейчас, молясь об упокоении его праведной души, нельзя не вспомнить евангельские слова: *«Добрый человек из доброго сокровища сердца своего выносит доброе»* (Лк. 6:45). Каждый, кому довелось близко общаться с иерархом Иоанном, искренне подтвердит, что он всегда носил в сердце эти слова.

Однажды он сказал мне: *«Молитва – это основа успеха в архипастырской деятельности. В течение суток шесть часов следует отдать богослужению, шесть – богосозерцанию, шесть – добрым делам и шесть – отдыху»*. И он неопустительно соблюдал этот порядок, что и позволило ему обрести такую твердость, смирение и пронизательность. Иерарх основал сиротский приют святителя Тихона Задонского, посещал все русские учебные заведения, все классы религиозного образования и лично принимал экзамены по этому предмету во всех школах. Особенно трудной задачей было воспитание сирот приюта святителя Тихона.

Он постоянно говорил, что самое тяжелое душевное испытание для сирот наступает перед великими праздниками, в Рождественский сочельник или в канун Пасхи. Сироты видят, как христианские семьи готовятся к праздникам, как отцы и матери заботятся о своих детях и осознают, что они всего этого лишены. И Владыка всегда старался заменить им отца и мать.

Воспитывая детей в строгих религиозных правилах, добрый иерарх в то же время любил устраивать им вечера с рождественскими елками, представлениями, доставал им духовые инструменты (у них был неплохой оркестр). Еще большей радостью для него было видеть молодых людей, собиравшихся в Братстве святителя Иоасафа Белгородского, где проводились лекции по религиозным и философским предметам, по изучению Библии¹⁷.

Питомцы сиротского приюта святителя Тихона Задонского так любили архипастыря Иоанна, что забывали с ним о своем сиротстве. Они знали, что имеют сильного защитника, своего духовного отца, который никому не даст их в обиду в этой земной жизни.

Описать в полноте внутреннюю молитвенную жизнь и пастырские труды архиепископа Иоанна – задача, конечно, сложная. Мы можем свидетельствовать только о немногом. Вспоминая, однако, его архипастырские деяния как православного молитвенника и подвижника, мы реально ощущаем силу слов святого апостола Иакова: *«много может усиленная молитва праведного»* (Иак. 5:16).

*Архимандрит Вениамин (Гаршин)
Австралия, 1966*

3

Ваша милость! Мы прочли буклет, вышедший в Калифорнии, посвященный жизни и деятельности приснопамятного архиепископа Иоанна (Максимовича), бывшего Шанхайского¹⁸. Я, Марья Петровна Пригоровская (по мужу Родионова), бывшая учительница Коммерческого колледжа в Шанхае, знаю два случая исцеления тяжелых недугов молитвами владыки Иоанна.

1. К сожалению, я не помню год, месяц и день, когда в сиротском приюте святителя Тихона Задонского, основанном владыкой Иоанном, внезапно заболела одна шести или семилетняя девочка. К ночи у нее очень поднялась температура, и она кричала от боли. Около полуночи ее отправили в больницу Русского православного братства. Врач Д.И. Казаков (ныне покойный) определил у девочки заворот кишок. Были вызваны и другие врачи, а также мать девочки. После осмотра и консилиума врачи объявили матери, что состояние ее дочери безнадежно и она не вынесет операции. Но мать просила их спасти девочку и сделать операцию, а сама (как женщина верующая) немедленно ночью пошла к владыке Иоанну, жившему в доме возле собора, недалеко от больницы.

Владыка Иоанн, не ложившийся ночами в постель, сразу ее принял и выслушал горячую просьбу матери помолиться и спасти ее единственную дочь. Владыка позвал мать в собор, открыл Царские

врата и начал молиться пред Престолом, и мать, стоя на коленях перед иконостасом, тоже горячо молилась о дочери. Это длилось долго, и уже наступило утро, когда владыка Иоанн, завершив молитву, подошел к матери, благословил ее и сказал, что она может идти домой – ее дочь будет жива и здорова.

Ободренная мать поспешила, но не домой, а в больницу. Там она встретила доктора Д.И. Казакова, который сказал ей, что операция прошла успешно и добавил, что никогда еще не наблюдал такого случая в своей практике. Как человек очень верующий, он уточнил, что только Бог мог помочь по ее горячей молитве. Тогда мать сказала, что она только что пришла от владыки Иоанна, молившегося вместе с ней в соборе. Через несколько дней девочку выписали, и весь Шанхай узнал о чуде исцеления.

2. Точной даты снова не помню. Заболел бывший преподаватель нашего коммерческого колледжа. Его забрали в больницу Русского православного братства, где врачи констатировали опасный аппендицит и предупредили его жену, что операция вряд ли поможет и что он может умереть на операционном столе. Жена была в отчаянии. Но она вспомнила о владыке Иоанне, спасшем своими молитвами девочку, и пошла к нему. Владыка знал больного хорошо. Жена рассказала ему о его состоянии и просила помолиться за него. Владыка, выслушав, успокоил ее и сказал, что пойдет в больницу немедленно, добавив, что жизнь человеческая в руках не врачей, но Бога, и послал ее домой (она была учительница высшей женской школы в Шанхае). Владыка Иоанн пошел в больницу. Подойдя к постели больного, он возложил руки на его голову, долго молился, благословил его и ушел. Когда жена пришла навестить больного, медсестра Корнилова, встретив ее, сказала, что случилось необычайное. Утром, обходя палаты, она подошла к ее мужу и увидела его сидящим на кровати. Посмотрев на простыню, на которой он спал, сестра увидела, что та была вся в крови и гное: аппендикс ночью прорвался. Это было делом неслыханным. Врачи утверждали, что такого случая в практике не было. Когда узнали о визите Владыки и его молитве над больным, то поняли, что произошло чудо по молитвам нашего дорогого Владыки.

Больной даже и не помнил, как Владыка приходил навестить его и молился за него. После того как его выписали из больницы, они с женой отслужили молебен, а Владыку благодарили за его молитвы.

*М.П. Родионова,
5 октября 1971 года, Австралия.*

4

В 1968 году в наше Братство в Сан-Франциско пришли женщина, которая сообщила, что ее зовут Анна Петровна Лушникова. Узнав, что

мы собираем сведения о владыке Иоанне, она настояла на том, чтобы мы немедленно записали следующее.

По профессии она учительница пения и однажды серьезно помогла архиепископу Димитрию в Китае, научив его, как надо правильно дышать, произнося слова – врачи не могли ему в этом помочь. Когда владыка Иоанн прибыл на Дальний Восток, его невнятная дикция обратила на себя всеобщее внимание. Говорили, что он заика с рождения, что у него ранение рта и тому подобное. Но учительница сразу поняла, в чем причина затруднений, и пришла к нему, чтобы предложить помощь. По ее мнению, Владыка был слишком истощен и от слабости плохо владел нижней челюстью, что и препятствовало отчетливому произнесению слов. Она показала ему, как надо правильно дышать, артикулировать и прочее. Он начал регулярно ходить к ней на занятия, где со смирением выводил: «ooo», «aaa» и т.д. В благодарность он всегда оставлял ей 20-долларовую банкноту. Речь Владыки улучшилась, но всякий раз, когда наступал пост, дефект снова давал о себе знать, и он снова шел к ней. Она старалась помочь ему как могла и, увидев в нем человека Божия, крепко полюбила и стала его духовной дочерью.

«В Шанхае в 1945 году, во время войны, – рассказала нам Анна Петровна, – я была ранена и умирала во французском госпитале. Знала, что умираю, и просила передать Владыке, чтобы он пришел и исповедал меня. Это было около 10 или 11 вечера. На улице была буря с ветром и ливень. Я испытывала страшные страдания (находясь в агонии). На мои крики о помощи пришли врачи и сестры и сказали, что Владыку вызвать невозможно, так как время военное, госпиталь на ночь закрыт и мне придется подождать до утра. Я же не слушала и продолжала кричать: «Владыко, прииди! Владыко, прииди!» – Но никто не мог связаться с ним. И вдруг в разгар самой бури я вижу через открытую дверь палаты, как появляется Владыка, весь мокрый, и приближается ко мне. Поскольку в его появлении было нечто чудесное, я потрогала его и спросила, реальность ли он или призрак. Он спокойно улыбнулся, заверил, что «реальность», и причастил меня. Тут я заснула и проспала целых восемнадцать часов. В той же палате со мной лежала еще одна больная, которая также видела, как Владыка приобщал меня. Но другие мне не поверили и говорили, что Владыка не мог войти в закрытый госпиталь в ту ночь. Я спросила свою соседку по палате, и она подтвердила, что Владыка там был, но нам все равно не поверили. Факт, однако, налицо: я была жива и чувствовала себя хорошо. В это время сестра, не верившая мне, убирала мою постель и обнаружила – как бы в подтверждение того, что я говорила, – под подушкой 20-долларовую банкноту, оставленную Владыкой. Он знал, что я без средств и много

задолжала больнице, и положил мне эту банкноту. Позже он сам подтвердил, что сделал это. С того времени я стала поправляться. Позднее, в 1961 году, после страшной автомобильной аварии он снова причастил меня в госпитале и исцелил».

Этими словами Анна Петровна закончила свой рассказ, добавив, что ей хочется, чтобы Владыка отпел ее, когда она умрет. И это желание ее, уже после смерти самого Владыки, и в самом деле осуществилось.

Через некоторое время после нашей встречи Анна Петровна, придя домой со Всенощного бдения под Преображение, умерла ночью, отравившись газом в своей квартире. В ту же ночь Ольга Ивановна Семенюк, близкая к Владыке по Шанхаю, увидела во сне, что Анна Петровна лежит в высоко поднятом гробу в новом соборе в Сан-Франциско, а владыка Иоанн в своей мантии обходит ее с кадилом и служит о ней заупокойную службу под ликующее пение хора. Утром все узнали о ее внезапной кончине. И тогда мы поняли, почему Господь внушил ей прийти к нам и решительно настоять на записи ее свидетельства о прозорливости и чудотворениях владыки Иоанна, который в день Преображения уже в другом, преображенном мире отслужил по ней панихиду.

*Чтец Глеб Подмошенский,
1968, декабрь*

IV. Жертва зависти

Шлю вам печальную весть: прошлой ночью в Лос-Анджелесе скончалась Ольга Ивановна Семенюк, бывшая очень близкой к архиепископу Иоанну в Шанхае. В последнее время она жила со своим сыном Б. Для меня это великая утрата. Молитесь за нее. Она часто делилась со мной воспоминаниями о шанхайских днях, в том числе рассказывала и такие вещи об архиепископе Иоанне, о которых вы, возможно, и не знаете. А именно о том, что некоторые люди пытались отравить его и почти успели в этом, ибо он уже был при смерти. Врачи сомневались, проживет ли он больше двух месяцев, и решили, как последнее средство, направить его на курорт в Циндау.

У блаженного Иоанна был обычай принимать пищу только раз в сутки, поздно ночью. Обед ему приносили в кабинет, но часто он так бывал занят и отвлечен, что забывал о нем. Однажды госпожа Ольга Ивановна Семенюк (сыновья которой, прислужники Епископа, были преданы ему и часто сопровождали его) обнаружила, что он не прикоснулся к еде. Она взяла тарелку, согрела пищу и напомнила Епископу, что пора есть. Он же опять до еды не дотронулся, будто что-то знал. Она разогревала еду несколько раз, пока не заметила, что пища стала какого-то странного, неестественного цвета. Она выбросила ее и принесла то, что осталось от ее собственного обеда, и он с

удовольствием поел. Об этом случае она вспомнила уже после действительного отравления. (Рассказанный здесь эпизод был лично сообщен издателю Ольгой Ивановной Семенюк в 1969 году.)

Епископ Иоанн не хотел ехать в Циндау и сказал: «Пусть с этого времени мне готовит Ольга Ивановна», на что она с радостью согласилась, всегда приносила еду сама и даже стояла возле него, пока он не поест. Кроме нее никто его пищи не касался. В два месяца он поправился.

Но однажды после Пасхальной литургии он не выходил долго из алтаря. Когда же вышел, был бледен, как лист бумаги, и у него началась рвота. Председательница соборного сестричества сбегала за тазиком. Его вырвало каким-то странным розового цвета веществом. Оно оказалось в той винной бутылки, из которой он ополаскивал потир после богослужения. Владыку отравил священник, который позднее жил в Латинской Америке и писал гнусные статейки в русских газетах.

Отец Петр Т. много рассказывал мне о нем. Под конец, когда он умирал от рака, архиепископ Иоанн пришел к нему в больницу разрешить его от грехов, и тот перед смертью покаялся в них. В прошлом он был школьным учителем в России и, вероятно, страдал одержимостью.

Архиепископ Иоанн имел обыкновение посещать больницы по ночам, и мальчики Семенюк сопровождали его. Его знали во всех больницах и отворяли пред ним двери. Он обычно приходил на зов больных даже без вызова по телефону или телеграфу. Записала я и некоторые другие воспоминания Ольги Семенюк. Она умерла во сне. Счастливая! Да упокоит Бог верную Свою служительницу и блаженного Иоанна.

Елена Юрьевна Концевич, 1984 год

V. Апостол Запада

В 1951 году архиепископ Иоанн был назначен правящим архиереем Западноевропейского экзархата Русской Зарубежной Церкви. Здесь его миссионерская деятельность, твердо основанная на жизни в постоянной молитве и чистоте православного учения, принесла обильные плоды.

Обобщая значение русской диаспоры, владыка Иоанн в 1938 году писал: «Наказывая русский народ, Господь в то же время показал ему путь ко спасению, сделав его проповедником Православия во всем мире» (доклад для Собора 1938 года, Югославия). Но большинство русской диаспоры «проповедует Православие» лишь самим фактом своей «православности». Тогда как Владыка пошел значительно дальше этого, став современным апостолом для стран Запада – тех

стран, которые, будучи однажды просвещены Христианской верой, потом столетиями лежали во тьме неверия и даже еще более темных его «ответвлений».

Владыка принимал участие в ряде движений за возрождение Православия на Западе. Итоги подводить еще рано. Но знаменательно уже то, что Нидерландская Православная Церковь, единственная среди Православных Церквей Запада имеющая собственного Епископа и монастыри, считает владыку Иоанна своим основателем; аутентичная Французская Православная Церковь сегодня имеет свою иерархию лишь благодаря его покровительству; единственный испанский православный священник (Мадридская миссия) был рукоположен им. Что же касается Америки – предмет особого разговора, здесь архипастырство владыки Иоанна реализуется наиболее полно, он может считаться покровителем истинного Православия в Новом Свете. Среди великих услуг, которые блаженный архиепископ Иоанн оказал западному Православию, одна из наиболее значительных связана с восстановлением почитания тех древних западных святых, чьи имена по причине позднейшего отпадения Римской Церкви никогда не включались в православные календари. Движимый любовью ко всем святым Церкви, Владыка собирал также жития и иконы (или портреты) и западных святых. Когда же он по Божественному Промыслу был назначен правящим архиереем Западной Европы, одним из первых его деяний было установление канонической основы для почитания этих святых в Православной Церкви. Тот список их (от 1952 года), что приводится ниже, следует рассматривать как предварительный и далеко не полный.

Почитание местных святых

Вот резолюция по вопросу о почитании западных святых, принятая собранием епископов Русской Зарубежной Церкви под председательством архиепископа Иоанна (Максимовича).

Вопрос о почитании местных святых был рассмотрен на конференции епископов в Женеве 16–17 сентября (по старому стилю) 1952 года под председательством архиепископа Иоанна.

На последнем Соборе епископов (всей Русской Зарубежной Церкви) в 1950 году в связи с вопросом о разрешении почитания святого Ангария, просветителя Дании и Швеции, Собор постановил, что местным епископам должно быть поручено давать разъяснения клиру и пастве в связи с каждым местным святым индивидуально. Взяв сказанное за основание, конференция и поставила этот вопрос. Архиепископ Иоанн кратко изложил житие святого Ангария, который имел кафедру в Гамбурге и Бремене, и из нее стало очевидным, что нет ни малейших причин сомневаться в святости его жизни, его

апостольских трудах и чудесах от его мощей. Если Сам Господь его прославил, то было бы дерзостным с нашей стороны не почитать его как святого. Владыка счел существенно важным подчеркнуть, что святой был действительно богоугодившим святым, прославленным Православной Церковью Запада еще до отпадения последнего от Вселенской Церкви, а потому он должен быть прославлен наряду с другими святыми, Его память празднуется 3 февраля († 865). Имя святого Ансгария должно с этого времени быть внесено в церковные календари как иерарха Церкви.

Есть много и других западных святых, которые также должны быть прославлены наряду со святыми Восточной Церкви, так как их почитание было установлено в глубокой древности. Среди этих святых следующие:

- 1.** Святой Виктор, мученик Марсельский (†304, 21 июля); святой Иоанн Кассиан возвел над его могилой монастырь в V веке;
- 2.** Святой Пофин, предшественник святого Иринея на Лионской кафедре, мученик († 177, 2 июня);
- 3.** Мученики Лионские: святые Александр (24 апреля) и Епипод (22 апреля) – друзья, принявшие мученичество вскоре после святого Пофина, их мощи долгое время хранились с мощами святого Иринея; святой Бландина и другие приняли мученичество со святым Пофином (†177);
- 4.** Святой Фелициан, епископ Фолиньо в Умбрии, Италия, принял мученичество (†252, 24 января);
- 5.** Святая Женестьева, дева, которую посвятил Христу святой Герман Оксерский, известный своими чудесами; покровительница Франции (†512, 3 января);
- 6.** Святой Герман Оксерский, епископ, скончался в Равенне, освободил Британию от пелагианской ереси, (†488, 31 июля);
- 7.** Святой Лупп Тройский, епископ и исповедник, пришел со святым Германом в Британию, где вступил в борьбу с пелагианской ересью, епископом Тройским был 52 года (†479);
- 8.** Святой Герман Парижский, вначале игумен, затем епископ Парижский (†576, 28 мая);
- 9.** Святой Клод, священник и исповедник, учредил монастырь близ Парижа (†560, 7 сентября);
- 10.** Проповедники в Ирландии, затем во Франции, Швейцарии, Италии и других странах: святой Колумбан (†615, 21 ноября), игумен, основатель многих монастырей, включая Люксе во Франции и Боббио в Италии, где и скончался; святой Фридолин, стал монахом в Пуатье, распространял почитание святого Илария, затем миссионерствовал в

Швейцарии на Верхнем Рейне (†VII в., 6 марта) и святой Галл (ученик святого Колумбана, отшельник в Швейцарии (†646, 16 октября);

11. Святая Клотильда, королева Франции, по ее молитвам ее супруг Хлодвиг, король франков, принял Христову веру (†545, 3 июня);

12. Святой Иларий из Пуатье, епископ и исповедник, повел борьбу с арианством на Западе (†368, 13 января);

13. Святой Гонорат Леринский, основатель Леринского монастыря. Затем архиепископ Арльский (†429, 16 января);

14. Святой Викентий Леринский, священник, Учитель Церкви, автор «Коммониториума» (†450, 24 мая);

15. Святой Патрик, просветитель Ирландии, епископ и исповедник, посвящен во епископа святым Германом Оксерским, первый проповедник Христа в Ирландии (†461; 17 марта).

По вопросу о почитании западных святых было принято следующее решение. Почитая память святых, Богу угодивших, и узнавая в странах нашего рассеяния о древних миссионерах и аскетах, чьи имена были нам неизвестны, мы прославляем Бога, дивного во святых Своих, и почитаем тех, кто угодил Ему, превознося их страдания и подвижнические труды и призывая их быть нашими заступниками и ходатаями пред Богом. Ввиду этого мы постановили, чтобы вышеназванные праведники почитались всей Православной Церковью, и призываем и пастырей, и пасомых почитать этих святых, обращаться к их заступничеству в молитве.

Блаженный Иоанн во Франции. Воспоминания духовной дочери Зинаиды В. Юлем

Предисловие издателей

Период жизни блаженного Иоанна во Франции был до сего времени малоизвестен, и не многие сведения о нем были доступны. Этот пробел и восполняет его преданная духовная дочь, автор этих воспоминаний Зинаида В. Юлем, представляя как бы взгляд «изнутри» и приоткрывая завесу над духовным миром самого, возможно, великого святого XX века. Конечно, пророк такого значения не мог прожить жизнь, не вызвав зависти и ненависти, как и пророки древности. Скрывать этого праведника от жаждущего взора нового поколения было бы грехом, поскольку слава Божия, открывающаяся в жизни праведников, способствует возгоранию на земле Божественного огня по желанию Господа нашего Иисуса Христа (Лк.12:49). Нижеследующий духовный портрет блаженного Иоанна написан простой, любящей его душой. Осознав, что блаженный Иоанн был в

умном общении со своим Создателем, она оказалась способной заглянуть в тайну его святости. Хотя ее рассказы представляют собой лишь отдельные впечатления о Владыке, они дают ясное свидетельство о близком присутствии другого мира (к которому Православная Церковь и приуготовляет своих чад) и о способности святых Божиих соприкоснуться с этим царством еще здесь, на земле. Это тайна и откровение, недоступные нашим очам и сокрытые в Боге. Но они открываются тем, кто, подобно блаженному Иоанну, восходил на крыльях любви к Богу и ближнему. Тем же, кому дано узнать об этом, подается обновленная надежда.

Игумен Герман

1

Начну с того, как я в первый раз встретила архиепископа Иоанна. Матушка Елена Дмитриевна Солодовникова рассказывала мне, бывало, много историй про оптинских старцев, и мне захотелось встретиться с кем-нибудь из подобных. В то время у меня было много всякого рода трудностей, и я просила Бога, чтобы он послал мне такого старца. Примерно тогда же я узнала от кого-то, что отец Феодор Бокач собирается на Афон, и обратилась к нему с просьбой спросить о архимандрита Николая, настоятеля афонского скита святого Илии, не позволит ли он мне в поисках духовного окормления написать ему. Но когда отец Феодор вернулся, он сообщил мне, что настоятель благословил меня обратиться с моей просьбой к архиепископу Иоанну (Максимовичу): «У вас есть собственный святой, блаженный Иоанн». Жена генерала Половцева, Наталья Ивановна, наш добрый друг, сказала мне, что он часто служит в Медоне и что через несколько дней будет служить и проповедовать в Париже. Мы решили отправиться туда вместе.

В ожидании Архиепископа моя мама предвкушала увидеть солидного иерарха типа тех, коих она, бывало, видела в Александро-Невской лавре в Петербурге. Когда же она услышала, что прибыл Архиепископ, а увидела низенького седого Старца в белой рясе с непокрытой головой, то в изумлении воскликнула: «Да это же Серафим Саровский!» Тогда он повернулся в нашу сторону, слегка наклонил голову и кротко улыбнулся. Матушка же Солодовникова, увидев его в первый раз несколько ранее, в Каннах, когда его облачали посреди храма перед литургией, подумала: «Какой удивительный Иерарх, и к тому же еще юродивый во Христе!» В ту же секунду он повернул голову, окинул ее взглядом и улыбнулся. Она была поражена его прозорливостью и только испугалась, не подумала ли она чего-нибудь плохого о нем.

Вскоре после этого мы с матушкой Солодовниковой поехали в Версаль, в Кадетский корпус, где остановился Владыка. Мы стояли всю Литургию и в конце подошли приложиться ко кресту. Епископ раздавал антидор сам. Матушке он сразу дал большой кусок, а для меня, как бы колеблясь, очень долго выбирал. Я начала волноваться и подумала, что он не хочет мне его дать. Мысленно я попросила Бога, чтобы он не лишил меня этого. Наконец, он выбрал кусок и дал мне. Потом благословил нас, дал попить немного святой воды, и мы ушли.

2

Вскоре я снова посетила епископа, на сей раз одна. В то время мне предложили место в детском доме в Монжероне, так как я искала работу, а также жилье, где можно было бы остановиться с племянником, которого доверили моей опеке. Мне не особенно хотелось идти работать в детский дом, но выбора у меня не было.

Кроме того, дама, на чье место я шла, уволилась. Хотя я шла к епископу только за благословением на поездку в Монжерон, но за этим стояло нечто гораздо большее. Когда я приехала в Версаль, меня проводили в его келью. Он жил в маленькой комнатке, стены которой были увешаны деревянными полками с маленькими секциями, заполненными связками писем, и на каждой такой секции был свой номер. У окна возле маленького стола стояло глубокое кресло, в котором он сидел, глядя в окно. У двери в углу стояла большая сумка с засохшими просфорами. Когда я вошла, он встал, подошел и благословил меня, и я начала ему рассказывать о себе. Я сказала: «Ваше Преосвященство, благословите меня принять место в Монжероне и поехать туда жить». Я была уверена, что он благословит, но он, немного подумав, ответил: «Нет, лучше ехать в Шалифер».

И начал что-то искать в своей записной книжке. Я раньше никогда об этом Шалифере не слышала и не обратила внимания на его слова. Во время нашего разговора он, бедный, стоял, а я даже не сообразила предложить ему сесть в кресло (только сейчас об этом вспомнила!). Он дал мне много советов и после этого не раз являлся мне во сне, говоря, что делать. И все, что он ни говорил, сбывалось, как если бы он знал все заранее. Но тогда я еще не постигала, что он имел дар прозорливости от Бога. Он сам этот дар не старался обнаружить, а мы о нем не догадывались, потому меня в то время не поразило даже следующее.

Я встретила блаженного Иоанна в 1958 году, а мой отец умер 7 мая 1957 года в Светлую Среду. Незадолго до смерти отец сказал: «Сегодня ко мне приходил какой-то монах, малого роста и в черном». Я долго думала, кто бы это мог быть, но, поскольку в то время не знала еще владыку Иоанна, не могла решить эту загадку.

Теперь у блаженного Иоанна я подумала: «Какая жалость, что я не знала его, когда отец был болен, – он вымолил бы ему здоровье!» И в этот момент он мне сказал: «Вы знаете, а я ведь навещал вашего отца в больнице». Тут он раскрыл свою маленькую записную книжку и громко прочитал имя, отчество и фамилию моего отца: «Вот, я нашел: Василий Максимович Юлем». Но ведь он не знал даже моей фамилии, как же он мог бы прочесть мои мысли, если бы не был прозорливцем?! Это означало, что отцу моему не было предназначено выздоровление.

Перед тем как уйти, я попросила у него просфору. Он стал рыться в мешке с сухими просфорами, наконец выбрал одну девятичинную и дал мне. Он также благословил меня бумажной иконкой Леснинской Богородицы (тогда я еще не знала о Леснинском монастыре). Затем он повел меня в храм. Дал испить святой воды и сказал, что должен ехать в Париж. Я обрадовалась, думая, что поеду с ним. Он пошел очень быстро, и я решила, что он, быть может, не хочет, чтобы я с ним ехала. И все же старалась особенно от него не отставать. Когда мы пришли на стоянку такси, машин там не было. Когда подошло такси, оказалось, что свободно лишь одно место. Он спросил, не тороплюсь ли я, и я, конечно, ответила, что нет. Тогда он сел в такси и долго еще благословлял меня, пока машина не скрылась из виду.

На следующий день я поехала навестить матушку Солодовникову. Она показала мне одну фотографию, сказав: «Почему бы Вам не поехать в Шалифер?» – И пояснила, что это русский детский дом под попечительством архиепископа Иоанна. По описанию мне этот дом сразу понравился. Но что мне было делать? Отказаться от предложенной работы в Монжероне, где есть вакантное место и некому заменить меня, было бы неправильным. С тяжелым сердцем пошла я в то воскресенье на встречу с дамой, которой обещала ехать в Монжерон. Я пришла, приветствовала ее, пытаюсь изобразить улыбку, и сказала: «Я принимаю Ваше предложение». Но тут же заметила, что эта дама от моих слов вовсе не в восторге, и спросила ее о причине этого. Она ответила, что женщина, которая там работала, внезапно изменила решение и захотела остаться. «Слава Богу!» – Я с радостью перекрестилась, как если бы тяжелый камень был снят с моих плеч. Так я попала в Шалифер – по слову блаженного Иоанна.

3

А вот как оказался у меня мой племянник. Еще до встречи с блаженным Иоанном я видела сон: стою в большом храме и вижу чью-то усыпальницу, зная про себя, что это саркофаг праведного Иоанна Кронштадтского. И вдруг смотрю – встает отец Иоанн из гроба. Встав, быстро уходит и скрывается за колонной. Все вокруг начинают кричать: «Где отец Иоанн?!», не зная, что он жив. А я бегу за колонну и смотрю

не него. Он спрашивает, что мне нужно, – не голосом, но как бы глазами, и я отвечаю: «Отец Иоанн, благословите меня». Он благословляет меня, и я просыпаюсь.

Я сразу вспомнила, как давно хотела, чтобы он благословил мою семью, потому что отец Иоанн когда-то благословил мою мать пойти в монастырь. Она очень хотела уйти в его монастырь на Карповке, но потом встретила моего отца, и они вскоре решили пожениться. Отец поехал в Кронштадт за благословением отца Иоанна и пробыл там три дня в надежде увидеть его, но вернулся, не увидев. Возможно, отец Иоанн не захотел благословить этот брак, так как до того благословил мать на монашество. Мама даже часто шутила, говоря: «Наша семья – неблагословленная». Это огорчало меня, и я хотела, чтобы отец Иоанн благословил мою семью. Вскоре я снова увидела во сне отца Иоанна, сидящим на софе, и себя рядом с ним. И я его прошу: «Батюшка Иоанн, благословите нашу семью». Он улыбнулся и благословляет. Тогда я решаюсь попросить благословить меня на уход в монастырь. Но тут вижу, что он не хочет этого делать и говорит (опять не словами, но глазами): «Ради этого ты должна остаться здесь», – и показывает на стену. И я вижу, как на стене постепенно вырисовывается младенец. Я начинаю плакать горькими слезами и просыпаюсь.

Вскоре жена моего брата родила мальчика и заболела туберкулезом, и мне отдали его на воспитание, когда ему еще не было и месяца. Эти сны я видела до канонизации праведного Иоанна.

Итак, я поехала в Шалифер и была очень счастлива там. То было лучшее время моей жизни. Но вскоре пришло большое искушение. Моя мать по какой-то непонятной причине стала все время звать меня домой. Она настаивала: «Возвращайся, мне очень трудно без тебя!» – И почти каждый день звонила мне. Я спросила блаженного Иоанна, что делать, и он ответил, что лучше остаться. Тогда я еще не знала, что к словам блаженного Иоанна следует относиться с абсолютным вниманием, как к словам кого-либо из оптинских старцев, которые были непосредственно восприимчивы к внушениям Божественной воли. Но поскольку я воспитывалась в полном послушании родителям, то вернулась домой. Как только приехала, мать спросила: «Зачем ты приехала?» Но было уже поздно, я не могла вернуться обратно, мое место было занято. С того времени на меня нашло такое беспокойство, что, если бы не молитвы блаженного Иоанна, я бы, конечно, этого не выдержала. Приблизительно тогда же блаженный Иоанн начал устраивать в нашем храме после службы благотворительные трапезы, которым впоследствии я себя посвятила. Он был святым, и я дорожила каждой минутой общения с ним. Временами случалось, что он спускался пить чай, и я, занятая весь день, имела тогда возможность

задать ему вопросы, накопившиеся у меня за день, но забывала, о чем хотела спросить. Тогда он, сидя со склоненной головой, тихо говорил, как бы с самими собой, отвечая на все мои незадаанные вопросы! Я стояла позади него в полном изумлении, не смея перевести дыхание. То были незабываемые моменты.

4

После первого же разговора с блаженным Иоанном я старалась делать все возможное, чтобы видеть его чаще. Всегда старалась бывать в Леснинском монастыре, когда он там служил, и ходила туда причащаться. Однажды, прочтя накануне последование перед святым Причащением, я мирно пошла спать, думая, что на следующий день приму от него Святые Тайны. Но утром, заканчивая читать молитвы, услышала внизу какое-то движение. Выяснилось, что блаженный Иоанн должен срочно ехать в Париж. От растерянности я впала в уныние, все опротивело мне. И я решила мысленно умолить блаженного Иоанна: «Возьми меня с собой, возьми меня с собой!», боясь даже спуститься, чтобы не разрыдаться перед Епископом. Вдруг слышу, кто-то говорит настоятельнице: «Зина должна срочно вернуться домой в Париж, но поезда еще так рано не ходят». Стоя в комнате за закрытой дверью и слыша это, я думала, что сердце мое разорвется от радости. Я оставалась наверху, ожидая, когда меня позовут и делая вид, что ничего не знаю. И удивительно: у меня и на минуту даже не было мысли, что дома что-то случилось! Вскоре ко мне пришли. Я сделала вид, что очень обеспокоена, и начала собираться. Спускаюсь с лестницы. Возле машины собрался весь монастырь, и все, казалось, были немного взволнованы. Подхожу к машине, а там только одно место свободное – как раз для меня. Я села и мы, сопровождаемые пением молитвы о путешествующих – «Ангел-Хранитель» – отъехали. И подумайте только, блаженный Иоанн даже не спросил меня, где я должна выйти, чтобы попасть домой! Что же до меня, то я думала только о том, как я счастлива и что еду с благословенным человеком. Мы прибыли в храм, Владыку облачили, затем началась служба, я причастилась, служба закончилась, он снял облачение.

Люди толпились вокруг него. Он сел в машину, благословил нас всех и уехал... Домой я пришла совершенно счастливая, хмельная от радости. Это то, что называют «благодать преисполняющая». Дома никто меня не ждал и даже удивились, что я вернулась так быстро. Что же мог означать мой срочный отъезд из Леснинского монастыря? Но я даже не стремилась выяснить это. Мистически я понимала, если это вообще можно назвать «понимание»: он услышал мое обращение к нему и совершил чудо.

Находясь с таким человеком, как блаженный Иоанн, я ощущала, что реальность другого мира начинает осенять меня. Я приближалась к Царству Благодати, чтобы с еще большей интенсивностью ощутить страдания и печаль.

Как-то раз я пошла в монастырь, когда блаженного Иоанна там не было. Переночевала там, испытав множество искушений. Той ночью я видела сон: стою у двери монастырской гостиницы и смотрю через открытые ворота на улицу. Блаженный Иоанн входит в монастырь. Войдя, оборачивается ко мне со словами: «Смотри! Будь внимательна». Я в оцепенении, тут же вижу на другой стороне улицы трех нечистых духов – все черные, одетые в трико: один высокий и плотный, другой высокий и очень тонкий, третий среднего роста и полноватый. Все трое держат руки в карманах, делая вид, что не обращают на меня внимания. Я проснулась.

После этого сна мои искушения усилились, и каждый раз, испытывая серьезные искушения, я слышала голос блаженного Иоанна: «Смотри! Будь внимательна». И всегда в такие страшные минуты он спасал меня.

Был и другой удивительный случай, когда блаженный Иоанн, можно сказать, спас меня от верной смерти. В тот день, собираясь на улицу, я выглянула в окно и увидела, что перед нашим входом между двумя машинами лежит какой-то странный, непонятный предмет, похожий на рулон бумаги, около тридцати сантиметров в длину и десяти сантиметров в диаметре (точнее трудно описать).

«Что за штука!» – подумала я, и любопытство меня одолело. Почему бы мне не спуститься и не потрогать этот предмет ногой, узнать, что это такое? Я начала одеваться, когда совершенно неожиданно зазвонил дверной колокольчик. Я открыла дверь и – наш дорогой Епископ! «Что бы значило это неожиданное появление?»

Блаженный Иоанн прошел через коридор в комнату, не сказав ни слова. Потом сел в кресло. Я стала хлопотать вокруг него, не зная, что сказать или сделать. Он молчал, я тоже. Так он просидел около пяти минут, затем встал, благословил меня и ушел. Я стояла ошеломленная – что, в конце концов, все это значит?! Потом мое внимание было снова привлечено к окну. К тому времени к нашей входной двери подъехал грузовик, и там уже работала группа полицейских. Несколько человек очень аккуратно подняли ту самую «штуку», которую я только что хотела потрогать, положили ее в машину и осторожно отъехали. Я вышла из дому выяснить, что происходит.

В то время в Париже было много террористических актов, и этот предмет оказался бомбой. Что бы со мной было, если бы я вышла и потрогала ее ногой, как и намеревалась сделать, и не была бы удержана необъяснимым посещением нашего дорогого блаженного Иоанна, которому мое намерение было открыто?! Несомненно, в тот день он спас мне жизнь.

7

Блаженный Иоанн жил в то время в Париже недалеко от нас. Я каждый день захаживала к нему, приносила еду, которую готовила мама. Он очень любил творожные клецки, которые по-украински зовут «вареники». Как-то мама приготовила вареники и оставила на столе, чтобы я отнесла их ему. В этот момент вошел мой дядя Алекс и посмотрел на эти вареники так, что стало ясно – ему их очень хочется. Очевидно, он подумал про себя: «Для меня они бы не сделали, а для Епископа – пожалуйста!» И то была правда, так как в то время с деньгами у нас было туго, и всю лучшую еду мама всегда предназначала для Епископа.

Я принесла ему эти вареники с радостью, думая, что и он будет рад покушать их. И что бы вы думали он сделал?!

Епископ сел за стол и неохотно начал есть другое, а к вареникам и не притронулся, И сколько я ни предлагала их ему, сколько ни упрашивала попробовать, он к ним не прикоснулся. Очевидно, он почувствовал, как сильно их захотел мой дядя Алекс.

8

В том же доме, где была резиденция блаженного Иоанна, жил и его главный священник, архимандрит Митрофан. Он был родом из Воронежа, и блаженный Иоанн постриг его в монашество с именем Митрофан – в честь покровителя города. Этот добрый Батюшка был абсолютно предан блаженному Иоанну и понимал, что Иерарх – подлинный святой, непонятый многими церковными деятелями просто потому, что они не знают, какими бывают настоящие святые (святому это доставляло много неприятностей и напрасных волнений). Владыка, однако, многое постигал интуитивно, не раскрывая этого и полагаясь на Божественное Провидение.

Однажды после службы отец Митрофан и другие служившие ненадолго задержались в храме, и отец Митрофан рассказал, что против нашего дорогого Епископа ведется целая кампания, по сути настоящее гонение, и что его хотят удалить из Парижа. Кто-то написал в Синод, чтобы архиепископа Иоанна перевели в Брюссель. Мы все страшно расстроились, не зная, что делать. Наконец, решили подписать обращение и сразу послали его в Синод. Но оно не помогло, так как несколько дней спустя появилось синодальное решение,

которым он назначался в Брюссель. Мы были очень опечалены и, по обыкновению, беспомощны и испуганы.

Мать Магдалина была возмущена и тяжело это переживала. Она решила привести все в порядок и прислала мне целый чемодан архиепископских риз, так как отвечала за этот «участок». Она очень любила Блаженного и весьма твердо заявила мне, что я должна уложить все его облачения в должном порядке в один чемодан и удостовериться, что они отправлены с Архиепископом. Она решительно подчеркнула, что облачения не должны оставаться здесь ни при каких условиях. Я сделала все, как она мне сказала. Но когда я принесла этот чемодан перед отбытием Архиепископа, Владыка взял все другие кроме него. Я настаивала на том, чтобы он взял его, потому как боялась, что мать Магдалина очень рассердится на меня. Архиепископ попытался протестовать, но, встретив мое решительное сопротивление, неохотно взял чемодан и ушел.

Вскоре вышло так, что Архиепископ вновь был переведен в Париж. Он привез обратно все чемоданы за исключением того, который дала ему я. Его потеряли и больше не нашли.

9

Матушка Солодовникова и ее сын Алеша решили поехать в Россию и пришли к блаженному Иоанну за благословением. Сначала он не обнаружил особого желания благословить их. Но потом согласился. Когда же они от него ушли, он провел всю ночь в молитве. Я узнала об этом на следующее утро от нижних соседей, жаловавшихся, что он всю ночь ходил, и слышавших, как он молился. Несколько дней спустя я была в храме и заметила, как блаженный Иоанн, совершая поминание на проскомидии, громко молился о «тяжко страждущих Елене и Алексие». Я была удивлена. На следующий же день или даже в тот же день мы получили телеграмму, из которой выяснилось, что Матушка упала в Москве с эскалатора метро, получила серьезную травму и попала в больницу, а Алеша был в отчаянии, не зная, что делать. Но наш блаженный все знал заранее, молился и, конечно, вымолил Матушку из беды. Слава Тебе, Боже!

10

Всякий раз, когда блаженный Иоанн и отец Митрофан возвращались в свой дом, что близ храма, я приходила туда готовить. Владыка, как правило, совершал свою основную ежедневную трапезу уже к полуночи, и я старалась всегда быть в это время там, чтобы разогреть для него еду. Обычно я стояла рядом, пока он не кончит есть. Часто он приходил совсем окоченевший от холода. Как сейчас помню, блаженный Иоанн спускается с лестницы, всегда босой, хотя наш пол был без линолеума – просто цементный. Я пыталась постелить

небольшой коврик под его ноги, но он всегда нарочно становился возле коврика, а не на нем. Отец Митрофан достал позже специальный маленький радиатор и пристроил его так, чтобы он находился за креслом блаженного Иоанна и обогревал ему спину.

Отец Митрофан очень любил рыбу. Всякий раз, когда разрешалось ее есть, он готовил ее сам или просил матушку поджарить. Особенно ему нравилась рыба сунгари, крупная и с сильным запахом; я же вообще никогда не любила рыбу, а эту в особенности. Но поскольку в мои обязанности входила готовка, я пользовалась привилегией разделять трапезу с Архиепископом и отцом Митрофаном.

Так мы, бывало, втроем сидели за столом перед целой грудой этой рыбы, зловеще пялившейся на меня. Я же смотрела на нее с ужасом, думая: «Боже, как мне съесть ее?!»

Меж тем отец Митрофан, улыбаясь, обращался к Иерарху: «Ваше Высокопреосвященство, положите Зине побольше». И тогда Его Высокопреосвященство щедрой рукой выбирал самую большую рыбину и клал на мою тарелку. Я чуть не плакала. Но что мне было делать? Я должна была есть! И едва-едва я, бывало, справлялась с ней, как отец Митрофан подкладывал в мою тарелку еще половину такой же рыбы. Я была в растерянности, не зная, что делать. Почти со слезами, я обыкновенно все же доканчивала и ее, думая про себя: «Батюшки! Я не смогу не только добраться до дому, но и встать из-за стола!» Но ничего подобного не происходило. Я легко, вставала из-за стола и делала все, что требуется после трапезы, прекрасно добиралась домой и спала, как младенец, не чувствуя никакой тошноты. Вот что значит благословение святого человека.

11

Очень часто я хотела о многом спросить блаженного Иоанна, но мне никак не удавалось сделать это днем, так как после Литургии он был обычно кем-нибудь занят, например, служил панихиду или ему кто-то звонил по телефону, или он просто уходил в свою келью, и мне не хотелось его беспокоить. Так, бывало, проходил весь день, а когда он возвращался ночью и было самое время задавать вопросы, я, к сожалению, забывала, о чем хотела спросить. И только подумайте! Сгорбившись над тарелкой во время трапезы и вкушая свой суп или что-нибудь еще, он имел обыкновение как бы невзначай, обращаясь вроде как бы и не ко мне, начинать беседу. Я слушала и поражалась: блаженный Иоанн спокойно отвечал на все мои вопросы, которые я хотела ему задать, но не произносила вслух, а только составляла в уме.

12

Блаженный Иоанн любил наш храм и вместе с отцом Митрофаном много вложил в него труда и заботы. Забота эта была, конечно,

духовной, «невидимой простым глазом» и казалась странной и эксцентричной *премудрым и разумным* мира сего (даже из православного клира), но была *открыта младенцам* (Мф. 11, 25). У него была великая вера в силу святой воды. Каждую ночь он имел обыкновение благословлять храм святой водой сверху донизу и снизу доверху. Помню, как мы обычно обходили весь наш квартал, дома, соседствующие с нашим храмом. Я тогда, как правило, несла воду и вместе с отцом Митрофаном пела, а блаженный Иоанн все окроплял, обычно весьма обильно. Однажды мы троекратно обошли все здания, окружавшие наш храм. Затем пересекли улицу, и он благословил почтовый ящик, в который обычно сам опускал письма, «запечатывая» его при этом крестным знаменем. Он никогда никому не позволял опускать за него письма. Днем или ночью, в дождь или снег он пересекал улицу, часто босиком, только чтобы бросить письма.

Когда мы возвращались с процессии, к нам обычно подходила какая-нибудь пожилая француженка и просила блаженного Иоанна покропить ей голову и благословить ее, что он и делал. Бывали случаи, когда люди, получавшие подобным образом благословение, приходили потом и благодарили за полученные блага. Он же, конечно, вел себя так, будто ничего не знал.

Потом, когда блаженный Иоанн уже уехал в Сан-Франциско, тот маленький почтовый ящик заменили, к сожалению, другим, и я очень горевала из-за этого. Но когда он приехал, навестить нас, то сразу сказал мне: «Зина, дай мне святой воды и кропило и иди со мной». Я сделала, как он велел. И что бы вы думали он сделал? Немедленно пошел к новому ящику, благословил его и окропил святой водой. Как замечательно, что он читал все мои мысли!

13

Я любила, когда блаженный Иоанн служил и после Литургии рассказывал жития святых, воспоминаемых в тот день. И как красочно было его повествование! Когда он говорил, вы как будто видели все происходящее. Он любил рассказывать историю святого Герасима Иорданского со львом – такую милую, детскую и бесхитростную! Так я полюбила этого святого всем сердцем. Беседы Владыки об этом святом также оказались провидческими. После того как отец Митрофан покинул нас, одним из наших священников стал иеромонах по имени Герасим, который по прибытии сделал то, что, блаженный Иоанн когда-то предсказывал об учреждении юношеского братства при нашем храме. Молодой и энергичный, отец Герасим претворил в жизнь идею этого юношеского братства – дело поистине доброе и благодетельное для многих как молодых, так и старых. Враг нашего спасения начал преследовать отца Герасима, который был истинным

аскетом (и даже в чем-то пытался подражать блаженному Иоанну), и из-за недобрых людей его здоровье разрушилось, а добрые начинания остановились. И сейчас наш храм во многих отношениях умалился, как и предсказывал блаженный Иоанн. Но об этом позже, когда буду рассказывать о том, как блаженный Иоанн покидал нас в последний раз.

14

Когда наш дорогой блаженный Иоанн уезжал от нас, чтобы приступить к управлению епархией в Сан-Франциско, мне казалось, что, хотя отец Митрофан остается с нами, я потеряю все и останусь полной сиротой. До сего дня не могу вспомнить этот момент без слез. Когда после Литургии в день своего отъезда блаженный Иоанн вышел из алтаря с посохом в руке, чтобы сказать нам несколько слов утешения, я подумала: «Господи, что я буду делать, когда не смогу видеть моего Старца, слышать его голос и чувствовать его присутствие? Куда он идет... это так далеко!» И когда он начал свою проповедь, я стала плакать горькими слезами, которые текли у меня из глаз, как две реки. Блаженный Иоанн посмотрел в мою сторону и сказал: «Люди, у которых одна цель и которые стремятся к «единому на потребу», имеют единство душ и никогда не чувствуют разделяющее их расстояние. И не имеет значения, сколь это расстояние велико: оно никогда не может быть препятствием для той духовной близости, что соединяет этих людей в единстве душ».

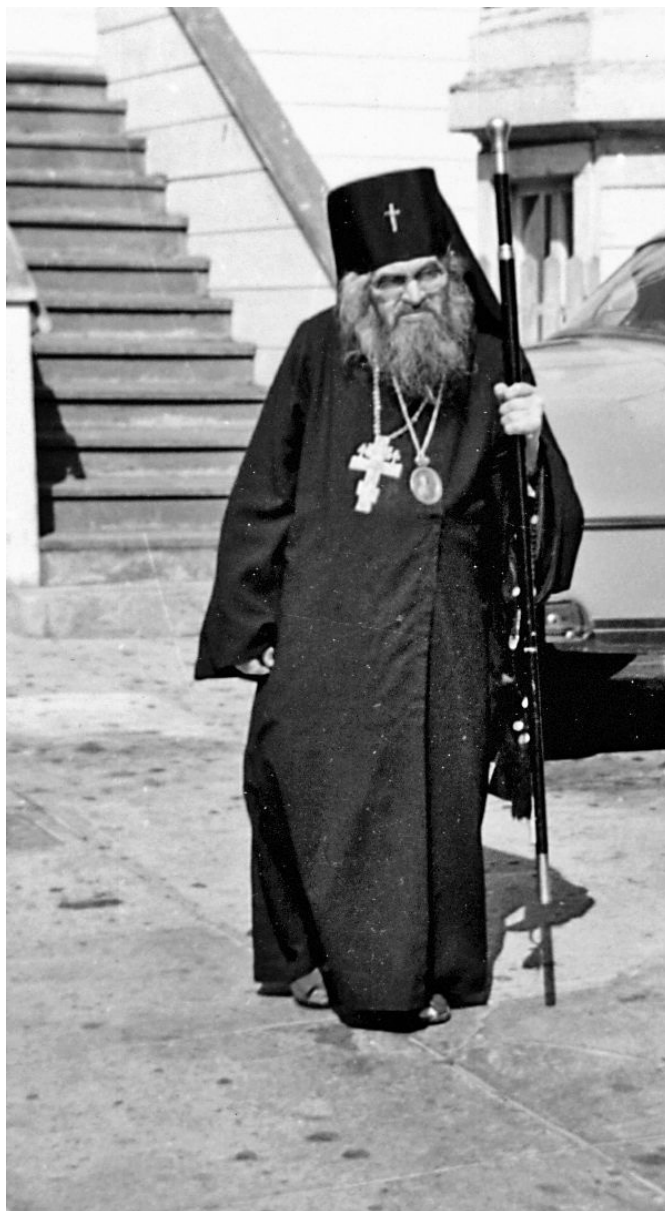
После этих слов мои слезы мгновенно высохли, и я подумала: «Как удивительно! Будто кто-то закрыл у меня кран!» И сразу на сердце стало так тепло, так приятно, так радостно (как на Пасху), что я даже забыла, что наш Блаженный покидает нас. И когда мы поехали провожать его в аэропорт, я вместо печали ощутила радость. Совершенно не ощущала, что он покидает нас навсегда.

Что же это было, что заставило мою печаль внезапно претвориться в радость? Его молитвы.

С того времени и до сих пор я чувствую, что он близко, рядом со мной и я могу говорить с ним и спрашивать обо всем, что нужно.

На следующую ночь после отъезда блаженного Иоанна я видела сон. Какой-то старый монах, с длинными посеребренными волосами до плеч входит в наш храм, благословляет его и уходит. Я хорошенько рассматриваю его. Все вокруг освещено, и я отчетливо запоминаю его черты. Чувствую, что знаю его, хотя никогда до того не видела. Кто бы это мог быть? Только много позднее увидела я его портрет и признала в нем епископа Феофана Затворника. До того сна я никогда не видела его изображения. Это посещение во сне было, я уверена, как бы приоткрыванием двери в потустороннее Царство Духовной Жизни, к

которому был так близок блаженный Иоанн. Кто знает, каких только посетителей не бывало у него во время его долгих Всенощных бдений и уединенной молитвы в нашем холодном храме. Может быть, этот запоздалый посетитель пришел попрощаться с ним или, возможно, даже на время «заместить» его? Это и были те евангельские «крохи со стола господина», которые случайно попадали и к нам. Перед нами только смутно мелькало то, что Владыка видел ясно, как днем.

Даже когда он был далеко, он не забывал нас и часто писал письма отцу Митрофану, в которых спрашивал о нас и посылал нам благословение. И вот пришла первая Пасха без него. После полуночной Пасхальной литургии, когда мы все спустились в трапезную разговляться, я вдруг услышала телефонный звонок. Побежала и – о Боже! – это он, наш любимый блаженный Иоанн! «Христос воскрес, мой дорогой Архиепископ!» – закричала я. Он поздравлял нас со

Светлым Праздником Христова Воскресения. Потом подошел к телефону отец Митрофан и долго говорил с ним. Что это было за нежданное радостное чувство, его забыть нельзя! Ясно, что таким должно быть состояние пребывания в Божией благодати – ликование духа, которое, как говорят Отцы, обычно сопровождается скорбями по зависти демонов. Они, как тени: чем больше света, тем они темнее. Вот почему так перемешаны в духовной жизни радости и печали.

В следующий приезд блаженный Иоанн показал мне свои карманные часы и сказал: «Я не переставлял часы и всегда знал точное время вашего богослужения», и улыбнулся. Что за чудная, утешительная мысль! Он молился вместе с нами, даже будучи так далеко. Поистине – единство душ!

15

Когда после переезда в Сан-Франциско блаженный Иоанн приехал в первый раз в Париж, он, конечно, остановился в своей маленькой келье при нашем храме. Вечером блаженный Иоанн попросил меня прийти и что-нибудь принести ему. Я увидела у него на столе газету, в которой была фотография Казанской иконы Божией Матери. Как-то, еще задолго до того, как мы познакомились с архиепископом Иоанном, мы с мамой прочитали в газетах, что у какого-то антиквара в Англии была древняя русская икона и все думали, будто это и есть настоящая Казанская икона. Риза на иконе была очень дорогая и, конечно, стоила бы немислимых денег, захоти кто-нибудь выкупить ее обратно для Русской Церкви, после чего она, возможно, вернулась бы на родину. Я была этим заинтригована и всегда хотела узнать, была ли то действительно сама чудотворная икона или нет.

Увидев эту газетную статью в келье блаженного Иоанна, я предвкушала, как теперь уж расспрошу его об этом. Но когда я спустилась, то была так поглощена готовкой и другими делами, что совершенно об этом забыла. После трапезы блаженный Иоанн поднялся в свою келью, а я пошла домой.

Утром я пришла в храм. После чая блаженный Иоанн позвал меня и попросил выгладить покрывало его клобука. Я вошла в его келью и увидела на столе ту же газету, но на сей раз она лежала так, что статьи видеть было нельзя, и я снова забыла спросить его о ней. Но когда я уже собиралась уйти от него, вдруг остановилась на пороге – мне показалось, что я слышу, как он что-то говорит. В этот момент он перевернул газету и как бы невзначай сказал: «Это очень красиво написанная икона и в богатой ризе, но это не оригинал, потому что размеры не соответствуют прототипу...» Я онемела от его прозорливости и вместо того, чтобы спросить об этой иконе и почему

он говорил мне о ней, я отважилась только на: «Какая жалость!» Потрясенная до глубин своего существа, я спустилась вниз.

Через несколько дней блаженный Иоанн улетел в Калифорнию, а вскоре покинул нас и отец Митрофан. И мы остались совсем одни, как сироты, без наших дорогих молитвенников.

16

Все мы жалуемся на наши горести, а блаженный Иоанн не жаловался никогда, хотя у него, бедняги, было так много треволнений, и часто даже не из-за себя. Я сама была свидетельницей тому. Однажды мне довелось прийти в храм перед началом службы. Слышу чей-то плач. Удивленная, я тихо поднялась по ступенькам храма и убедилась, что звуки исходили из алтаря. Боковая дверь была приоткрыта, и я заглянула. К моему изумлению, я увидела голые пятки блаженного Иоанна у Престола. Он стоял на коленях, склонив голову на руки, и горько плакал! Я быстро отошла. Невозможно было смотреть на это.

17

Когда еще только открылся наш храм в Париже и блаженный Иоанн был пока с нами, к нам приехал из Швейцарии пожилой человек по имени Григорий (не помню ни отчества, ни фамилии). Он хотел, чтобы блаженный Иоанн рукоположил его во пресвитеры, но Владыка не захотел и сказал, что тот должен еще много учиться. Почему он не захотел этого сделать, выяснилось позже.

Этот Григорий часто читал на клиросе (особенно он любил читать акафисты Пресвятой Богородице). Однажды он читал часы. Блаженный Иоанн совершал в алтаре проскомидию, и боковая дверь была открыта. Меня тогда в храме не было, был один Григорий. Потом он рассказал мне, что тогда произошло. Закончив читать часы, он захотел что-то спросить у блаженного Иоанна и пошел к алтарю. Подойдя же к открытой боковой двери, остолбенел. Он увидел блаженного Иоанна в нетварном лучезарном свете и стоящим не на земле, но сантиметрах в тридцати над нею. Григорий быстро отошел и не мог спрашивать его уже ни о чем, а Владыка продолжал службу, как будто ничего не произошло. Григорий не говорил об этом долгое время. Рассказав же мне, он заставил меня поклясться над Евангелием, что я никому об этом не расскажу до кончины Блаженного. Этот добрый пожилой человек не стал священником, потому что вскоре умер.

Совершенно о таком же случае рассказала мне старая монахиня из Леснинской обители. Когда она и другие сестры жили там, блаженный Иоанн часто подходил к Богородице Иверской, которую, видимо, очень любил и пред которой часто молился. Однажды, когда он так молился пред иконой, эта монахиня вошла и увидела то самое, о чем говорил

Григорий. Блаженный Иоанн был окружен лучезарным светом и стоял не на земле, но над ней!

18

Позднее мы должны были испытать много скорбей и горя. Все даже потускнело в храме. Назначили нового священника, который очевидным образом был проинструктирован не доверять блаженному Иоанну.

В один прекрасный день мы получили радостную весть от отца Митрофана. Он писал, что наш дорогой блаженный Иоанн собирается

приехать и хотел бы остановиться в своей келье, которую так любил. Я начала готовиться к его приезду, и вскоре все приготовления были закончены. Мы с волнением ожидали его посещения, пусть и недолгого. Наконец, он прибыл, и я побежала к нему за благословением. Он направился в алтарь, а я поспешила помочь принести его вещи в келью наверх. Потом он вышел из алтаря и захотел подняться к себе. Я спросила: «Ваше Высокопреосвященство, я сейчас сварю кофе. Принести его Вам?» «Нет, Зина, не беспокойся. Я спущусь и буду пить его с вами вместе. Позови меня, когда будет готово».

Через десять минут все было готово. Я поднялась по лестнице из кухни через коридор, что между лестницей и храмом, и позвала Архиепископа. Он вышел и стал спускаться. В этот момент и новоназначенный настоятель вышел из своей кельи, что наверху, и также начал спускаться, но остановился, не дойдя трех ступенек до низа. Строго посмотрев на меня, он сказал: «Его Высокопреосвященство будет пить кофе в своей келье». На это я сразу возразила, что Его Высокопреосвященство специально выразил желание пить кофе внизу. Но настоятель еще строже повторил: «Я говорю тебе, что он будет пить кофе в своей келье. Я здесь заведу, я даю распоряжения!»

Эти слова ударили в меня, как нож, я закрыла лицо руками и замерла, не способная взглянуть ни на блаженного Иоанна, ни на настоятеля. Наконец, я посмотрела на моего дорогого блаженного Иоанна. Он стоял, опустив руки и голову. Через несколько секунд начал медленно подниматься по ступенькам, вошел в свою келью и заперся. Я пошла на кухню, все приготовила, положила на поднос и принесла наверх. Поскольку я не могла войти к нему, то оставила все на столе в соседней комнате. После этого сразу помчалась домой: не могла больше этого вынести. Примерно через час вернулась в храм, отворила дверь и тут же отшатнулась: в коридоре и во всем храме было темно и холодно, как в могиле. Сердце сжалось и сразу мелькнула мысль: благодать оставила нас!

Я бросилась наверх и без стука открыла дверь кельи. Она была пуста! Со слезами я упала на пол и стала молиться, прося Бога, чтобы блаженный Иоанн вернулся. Потом стала громко рыдать: «О, мой дорогой Епископ! Зачем ты меня оставил?! Зачем ты меня оставил?! Почему мне не осталось ничего от тебя! В таком состоянии я пролежала на полу очень долго. Наконец, встала, машинально вышла из комнаты, и дойдя до лестницы, остановилась. Вдруг я услышала, как дверь внизу медленно открывается, входит блаженный Иоанн, снова с опущенной головой, как виноватый, в руке его чемоданчик. Поднимается по ступенькам и входит в свою келью. Я молча следую за ним, а он кладет

чемоданчик на пол и говорит: «Вот я принес для тебя маленький чемоданчик!»

И тут же все в душе моей просветлело! Все стало снова, как если бы он и не уезжал от нас. О Господи, вот мой дорогой! Он вернулся, узнав в духе, что я плакала, и с таким виноватым видом, будто говорил, что ему неудобно, если он кому-то причинил боль. Страшно ранить человека Божия. С его отъездом снова благодать оставила церковь. Но когда он все простил, благодать снова вернулась. Больше, правда, он у нас уже никогда не оставался и останавливался у одного священника Французской Православной Церкви, жена которого была тогда очень серьезно больна. У нее была злокачественная опухоль в голове, и блаженный Иоанн вымолил ей здоровье. Он тогда некоторое время жил в Париже, и это был его последний визит к нам, в 1965 году; в следующем, 1966 году, он оставил нас уже навсегда. Что же касается того настоятеля, то он позднее сожалел и публично каялся в том, что по внушению врага ненавидел блаженного Иоанна. Но было уже слишком поздно.

19

Во время того же приезда блаженного Иоанна из Америки икона Божией Матери Курская также навестила нас вместе с ним и посетила все храмы Парижа. Она была в Медоне, во Французской Церкви (бывшей под попечительством блаженного Иоанна) и даже в кафедральном соборе на улице Дарю.

Мой брат Георгий не мог почтить икону – лежал дома больной в постели. Я знала, что икона больше уже не посетит наш храм, так как возвращается через несколько дней в Америку и должна побывать во многих домах, где живут пожилые люди, а также у тех, кто просил об этом заранее. Я глубоко печалилась, что Георгий не сможет приложиться к иконе.

В тот день нашего настоятеля не было – он сопровождал икону, и блаженный Иоанн служил Литургию в нашем храме. Во время богослужения я думала о том, как бы позвонить брату и позвать его хотя бы получить благословение архиепископа Иоанна до того, как он уедет. Сразу и позвонила. Брат согласился, но сказал, что не может долго быть в храме, потому что на 11.00 он договорился о встрече с клиентом и это очень важно. Он пришел и стал в проходе, ожидая, когда Иерарх выйдет из алтаря, но, хотя Литургия уже кончилась, Епископ все не выходил. Видя, что Георгий начал нервничать, я ужасно расстроилась. Боковая дверь в алтарь была открыта, и я видела, как блаженный Иоанн стоял перед жертвенником, потребляя Святые Дары. Я склонилась пред иконой Пресвятой Богородицы и начала мысленно молиться: «О Пресвятая Царица Небесная! Помоги, чтобы блаженный

Иоанн вышел из алтаря и благословил Георгия, а то он сейчас уйдет. Ты знаешь, что он не мог почтить чудотворную Курскую икону. Помоги мне, Дорогая, чтобы наш дорогой блаженный быстро вышел!» Затем, мысленно обратившись уже прямо к нему, стала молить и его, чтобы он быстрее выходил, говоря: «Ты сам прекрасно знаешь, что Георгий не мог получить благословение от иконы, а теперь и ты не благословишь его – что же тогда будет?! Ты знаешь, как я буду страдать, если он не получит твое благословение». И что же вы думаете было дальше?

В тот самый момент я услышала, как распахнулась входная дверь, и несколько людей вошли, но я еще не видела их. Зато увидела, как Георгий стал пропускать их, а затем отчетливо увидела, что наш настоятель с двумя другими священниками также вошли, и один из них держит на плечах чудотворную Курскую икону. Я крикнула блаженному Иоанну: «Божия Матерь прибыла!»

Владыка быстро повернулся, вышел из алтаря и направился прямо к иконе. Священник открыл кивот и допустил первого приложиться. То был Георгий! Не могу описать вам, какой благодарностью была я преисполнена тогда.

Я видела, как блаженный Иоанн взял икону в руки, поднес к нашей местной чудотворной иконе и коснулся ее Курской иконой. Затем он поставил ее на праздничном аналое в середине храма, чтобы все могли почтить ее. Затем подошел к Георгию, благословил его, и Георгий ушел. Все так быстро, неожиданно и своевременно!

Совершенно уверена, что блаженный Иоанн молился обо всем этом и что только по его святым молитвам все так изумительно совпало. Ранее же блаженный Иоанн помог Георгию найти место, которое трудно было получить из-за его тяжелой болезни. Он до сих пор работает там и счастлив.

20

Вскоре блаженный Иоанн должен был возвратиться в Америку. Надо было пойти с ним прогуляться перед отъездом. Мы гуляли по небольшой аллее, где он обычно хаживал, когда жил в Париже. (Теперь я всегда гуляю по той узкой, дорогой для меня улочке.) И вот, когда мы прогуливались, он внезапно остановился и сказал: «Зина, я хочу что-то сказать тебе».

В тот момент я раздумывала, как мне посчастливилось, что я смогла сэкономить 100 франков и без затруднений купить все необходимое к его приезду. (Я всегда хотела делать все сама, хотя осознаю, что это эгоизм.) Блаженный Иоанн продолжал: «Скоро твои именины, и, так как я не смогу поздравить тебя лично, я хочу сделать это сейчас». И он вручил мне банкноту, оказавшуюся ровно той суммой, которую я на него истратила – 100 франков! Я вдруг подумала, что он,

возможно, прочел мои мысли и решил, будто я сожалею, что потратила на него эти деньги. Хотела вернуть их ему, но поняла, что лучше этого не делать, чтобы не обидеть дорогого мне человека. И я приняла деньги с благодарностью.

21

В день своего отъезда блаженный Иоанн пришел в наш храм, чтобы в последний раз проститься. Кроме него и меня там никого не было. Я сварила кофе. Он немного попил, а затем, прежде чем уйти, осмотрел все наши нижние помещения и сказал: «Первое, что надо сделать, это, приведя здесь все в порядок, собрать молодых людей, устроить братство и проводить лекции и встречи».

Мы поднялись в церковь. Блаженный Иоанн вошел в алтарь, открыл Царские врата и долго молился пред Престолом. Затем вышел Царскими вратами, посмотрел на меня и каким-то загадочным жестом взял свой епископский посох, стоявший у иконы Спасителя. С тем же странным жестом поставил его, глядя на меня, у иконы Пресвятой Богородицы в иконостасе. Затем вернулся в алтарь и снова долго молился. Что бы это значило? – думала я, ибо это имело определенно символический смысл. Может быть, это указание, что здесь должен быть женский монастырь? Затем он снова вышел из алтаря, взял посох, поставил его далеко в угол и закрепил маленьким кусочком проволоки

(там посох стоит и сегодня). Затем закрыл Царские врата, вышел из алтаря и, стоя посреди храма, продолжал осматривать все вокруг, говоря:

– Нет, ничего в этом храме не должно быть изменено.

– Ваше Высокопреосвященство, – сказала я тогда, – я очень люблю наш храм, но, к сожалению, он так мал.

– А скоро и этот покажется большим, – ответил блаженный Иоанн. – И вообще наш храм скоро станет таким крошечным. – Он указал на самый кончик среднего пальца и снова огляделся по сторонам. – Нет, ничего не должно быть изменено в храме.

Затем подошел к подсвечнику у иконы Пресвятой Богородицы, а я последовала за ним, желая кое-что сказать ему.

– Ваше Высокопреосвященство, – сказала я, – из-за меня здесь в храме много волнений, и я не понимаю, почему. Мне кажется, что было бы намного лучше, если бы я оставила церковные обязанности и только приходила бы тихо помолиться. Так было бы и для меня лучше, и искушений для других было бы меньше.

Вдруг он очень помрачнел – таким я его никогда не видела, – стал ударять по свещнику кулаком и выкрикивать мне: «Говорю тебе, оставайся на своем месте!» И повторил это трижды. Я окаменела и не знала, что сказать, и на том наш разговор закончился. Скоро за ним пришли, чтобы везти его в аэропорт. Я тоже захотела проводить его, что обыкновенно всегда и делала, и подошла к нему получить благословение на это. Но на сей раз он, не отвечая, направился быстрыми шагами к клиросу. Я последовала за ним. Здесь он нашел часослов, открыл его и указал пальцем на службу девятого часа, Я начала читать девятый час и не смогла проводить его не только в аэропорт, но и до двери. Я оставалась на своем «посту». И это все, что я получила тогда от моего нежно любимого блаженного Иоанна!

Один из провожавших блаженного Иоанна в аэропорт рассказал, что происходило там: «Те из нас, кто наблюдал его в течение последнего года жизни, могли ясно видеть, как он таял на глазах, как сила оставляла его, как вся энергия его была истощена преследованием. Он был в ужасном состоянии, и было видно, что значит для него это гонение. За год до смерти он стал неузнаваем. Часто становился очень серьезен. Будучи прозорливцем, он, конечно, знал, что покидает нас навсегда, но мы этого не знали. Я проводил его до аэропорта, а затем мне разрешено было сопровождать его и до самолета. Он был исключительно серьезен и не мог даже говорить. Когда я сказал ему перед посадкой: «Пожалуйста, взгляните. Ваша паства смотрит на Вас», он грустно повернулся и трижды благословил всех нас в последний раз. И больше мы его не видели. В начале того

лета один из его духовных сыновей получил от него письмо, где было сказано: «Если вы услышите, что я умер, знайте, что меня убили». И вскоре слышали печальную весть о том, что нашего дорогого Владыки не стало.

Обычно я не ложилась спать, когда блаженный Иоанн улета́л от нас, так как знала точное время, когда его самолет пролетит над нашим домом и он, как всегда, благословит наш город с неба. Так и тогда я тоже дождалась полуночи, мысленно его проводила, а затем пошла спать. И видела прекрасный сон. Видела, как блаженный Иоанн летит, но не в самолете, а просто сам по воздуху и в воздухе взмахивает своей монашеской мантией, покрывая наш храм своим молитвенным заступлением. Это была его последняя поездка к нам.

Я знала одну даму, у которой очень болели ноги. После службы она всегда сидела на нижних ступенях нашей лестницы, ожидая, когда Иерарх выйдет из храма. И однажды она сказала ему: «Ваше Высокопреосвященство, я скоро умру». Он улыбнулся и сказал: «Нет, я умру раньше Вас». Так в точности и случилось. Он умер 19 июня (2 июля) 1966 года, а она несколькими днями позже.

Перед своим отъездом блаженный Иоанн поручил моим заботам своего любимого сироту Владимира, чьим официальным опекуном он был. Еще задолго до того он сказал: «Маленький Владимир может быть спасен, если у него будет собственная семья». Больше он ничего не сказал, но я сразу поняла сердцем, что он имеет в виду: я должна принять его, как собственного сына. И с того времени это стало самым дорогим моим желанием. Перед отъездом он сказал мне, что я должна взять мальчика, а ему писать обо всех своих нуждах и трудностях, и он будет руководить мною. Но вскоре блаженный Иоанн ушел из мира сего. Для меня это было нестерпимо тяжело и потому, что кроме него мне не к кому было обратиться за помощью.

Маленького Владимира приняли в моем доме неохотно и не очень дружелюбно, так как и мама, и дядя были уже стары, и им казалось, что это не по их силам. Это, конечно, ничего хорошего не предвещало, появилась масса трудностей с самого начала. Мама считала, что им это очень тяжело, а мне причинит сильные волнения. В общем, бедный Владимир попал в трудное положение, и я, к сожалению, тоже, ибо оказалась меж двух огней и должна была осторожно балансировать, чтобы не взволновать ни одну из сторон. Это истощало мое здоровье. Я стала нервной, и мне, мягко говоря, было очень трудно. Я чувствовала, что действую по велению совести и сердца, по внушению блаженного Иоанна. Все давали мне взаимоисключающие советы, которые я не могла исполнить, и из-за этого возникали новые проблемы. В конце

концов я пришла в такое состояние, что казалось, если не поможет блаженный Иоанн, то я не смогу продолжать начатое.

Как-то я провела всю ночь в слезах и молитвах к блаженному. Наконец, сказала: «Смотри, блаженный Иоанн, если ты не придешь и не благословишь меня продолжить это дело, которое сердце мое ощущает благим, и не защитишь от всех этих советчиков, которые смущают и сбивают меня, я буду вынуждена оставить это Божие дело и не знаю, что станет тогда с бедным Владимиром».

К утру заснула и увидела сон. Звонит звонок, я бегу открывать дверь, так как думаю, что это блаженный Иоанн. Открываю – и действительно он! Проходит в коридор, из открытой кухонной двери выглядывают мама, дядя и Владимир. Но блаженный Иоанн не обращает на них ни малейшего внимания и идет прямо ко мне. Я падаю ему в ноги, и он благословляет меня. Я встаю, и он уходит.

Проснувшись от дверного звонка. Вскочила с постели и пошла открывать дверь. Почтальон принес мне посылку. Я открыла ее и увидела журнал на английском языке: «Православное слово»¹⁹. На обложке заснеженное кладбище, и среди крестов бродит блаженный Иоанн – в точности такой, каким я видела его во сне. И на обложке журнала надпись: «Зине».

Я была так этим воодушевлена, и радостная дрожь охватила меня! С этого дня я приняла решение не обращать никакого внимания на людские мнения и руководствоваться только собственным сердцем. И Бог помог мне по молитвам праведника из высшего мира.

Говоря совершенно честно, я никогда и не чувствовала его отсутствия. С тех пор, как он уехал в первый раз, сказав нам в краткой проповеди, что нет расстояния между теми, у кого есть только *единое на потребу*, а потому и единство душ. И даже после его смерти я обращаюсь к блаженному Иоанну как к живому, и он всегда дает мне знать, что он близко, слышит меня и помогает мне.

23

Работая в храме, я переносила много трудностей, но блаженный Иоанн всегда помогал мне. Отчетливо помню случай, происшедший перед его последним отъездом. Когда мы гуляли по маленькой аллее, он подарил мне деньги на именины, чтобы я потратила их на себя. Тогда же он сказал мне: «Зина, ты должна продолжать заниматься благотворительными трапезами». Мы готовили при нашем храме бесплатную пищу, которой кормили после службы всех трудившихся в алтаре, пришедших издалека, стариков, участников и, конечно, тех, кто не мог себя прокормить. Тогда он даже дал мне 10 долларов на это дело. Я продолжала по мере сил делать это дело, на которое вдохновил меня блаженный Иоанн. Но, очевидно, переусердствовала, так как

потратила все, что имела и даже больше. Я начала заниматься, но превысила на 70 долларов сумму, на которую рассчитывала.

К тому времени я регулярно получала от «Фонда Архиепископа Иоанна» 20 долларов в месяц, которые могла потратить на это дело. Но этой суммы было недостаточно, и мой долг начал, мягко говоря, давать о себе знать. Размышляя о тяжести своих долгов, я однажды ночью шла из храма по набережной, где часто хаживал блаженный Иоанн, и не только подумала, но и сказала вслух: «Блаженный Иоанн! Я преданно делаю то, что ты поручил мне делать, уже долгое время, и ты видишь, какие у меня неприятности. Помоги мне, вытаци меня из этого!» Так я поговорила с ним, пришла домой и легла спать. Утром проснулась от звонка. Почтальон вручил мне письмо из «Фонда Архиепископа Иоанна».

«Слава Богу! – подумала я про себя. Будут у меня мои 20 долларов, когда получу их по чеку, и останется только 50. Как-нибудь раздобуду их, и вот весь мой долг». Распечатываю письмо и – о, диво! – Там не 20 долларов, а все 70! Помню, я даже подпрыгнула от радости и удивления и немедленно побежала получать деньги по чеку. Так я быстро выплатила весь свой долг. Тогда же написала письмо в Фонд, в котором благодарила за такой щедрый подарок. Но они никогда не объясняли мне, почему послали мне тогда именно такую сумму. В следующем месяце я снова получила обычный двадцатидолларовый чек. До сего дня храню эту квитанцию в память о том, что эти деньги были посланы мне лично от моего дорогого блаженного Иоанна.

24

Блаженный Иоанн утешал меня, даже являясь во сне другим. Я привыкла к большим трудностям в храме, была вынуждена выслушивать множество дурных разговоров о блаженном Иоанне. Хотя я и старалась всем угодить, но не могла при этом молчать и пыталась защитить его. От всего этого я очень страдала, к тому же у меня было множество домашних и прочих проблем, и я была совершенно истощена.

Однажды пришла в храм и снова услышала что-то очень обидное о Святом, наряду с личными нападками и на меня. Не стерпев, разрыдалась. Стояла там и плакала, и мне было очень тяжело. В этот момент приходит брат Алексея, Сережа, и видит, что я плачу. Возможно, он также слышал слова, относившиеся ко мне. «Зина, – сказал он мне, – не плачь. Все это чушь! Слушай, что я видел сегодня во сне. Я видел, как блаженный Иоанн поклонился тебе в ноги».

Я остолбенела – это казалось мне неправдоподобным. И какая радость сразу вселилась в мое сердце! Я забыла все печали, мои маленькие беспокойства – ведь они были такими мелкими, и только в

воображении казались такими огромными. И блаженный Иоанн, зная, что я в таком глупом, беспокойном состоянии, захотел утешить меня через этот необычайный сон.

25

Я часто беспокою блаженного Иоанна просьбами о помощи. Случалось, я говорила: «Блаженный Иоанн! Помоги мне как-нибудь получить немного денег, но так, чтобы это было для меня лично, дабы избежать ненужных разговоров». И поверите ли? Едва проходил день, а иногда и сразу я получала письмо, в котором лежал чек с запиской или прямо на чеке могло быть указано: «Зина! Для Вас персонально». И это случалось много раз.

Его близость была удивительна даже после смерти. Вот два случая, происшедшие в один и тот же день.

1. Это было в сентябре 1966 года, в канун праздника преподобного Сергия Радонежского. У нас в храме Всенощного бдения не было, потому что не было нашего священника. Я хотела по крайней мере зажечь святому лампадки, но, увы, масла не оказалось. Случайно я взглянула на стол, где стоял портрет блаженного Иоанна, и обратилась к нему с мольбой: «О, как я хотела бы зажечь в храме все лампады в день Преподобного!» Вот все, что я сказала, и, поскольку должна была уходить, оделась и спустилась вниз. Выходя, я чуть не сбила с ног даму, моего доброго старого друга, которая шла ко мне с каким-то свертком. Увидя меня, она воскликнула: «Дорогая Зина! Несу тебе немного масла». Какое счастье! Я поблагодарила ее и побежала зажигать лампадки в храме.

2. Зажгла лампадки в храме и возвращалась, благодаря Бога и Его славного угодника. По пути я должна была пройти мимо лавки, где среди прочих старинных вещей продавалась и икона преподобного Сергия. Вот уже три года я мечтала приобрести ее, но, к сожалению, никак не могла себе этого позволить. Хотела преподнести ее в дар блаженному Иоанну к его именинам. Мне икона очень нравилась, и я часто останавливалась у лавки полюбоваться ею и помолиться пред ней. Так продолжалось год за годом. Все это время я надеялась, что владелец лавки сделает мне скидку, но он на это не шел.

И вот, в день накануне праздника преподобного Сергия я снова остановилась перед витриной этой лавки. Она была закрыта. Перекрестилась и подумала: «Что за чудесная икона: святой выглядит, как живой, как если бы он благословлял меня». Я невольно наклонилась, как бы принимая от него благословение, и пошла, сожалея, что никогда не смогу преподнести ее блаженному Иоанну. И внезапно стала молить его: «Мой дражайший блаженный Иоанн!

Соверши чудо, чтобы я получила эту икону. Я буду держать ее в твоей келье», а затем продолжила свой путь.

Десять минут спустя возвращалась этой же дорогой и заметила, что лавка открыта, хотя было очень поздно. Перешла улицу и вошла в лавку, надеясь хотя бы почтить икону. Владелец приветствовал меня улыбкой и спросил:

– Итак, Вы решили приобрести эту икону?

– Не думаю: у меня нет требуемой суммы.

– А сколько Вы могли бы за нее заплатить? – спросил он. Я назвала ровно половину цены. Он сразу, к моему удивлению, взял икону и протянул ее мне! В тот момент у меня не было даже и этих денег, но он тем не менее поверил мне. Я прижала икону к сердцу и побежала, славя Бога и святых Его.

26

Примерно год спустя я как-то поздно вечером в храме смотрела на портрет блаженного Иоанна и говорила: «Я себя чувствую такой виноватой перед тобой! Я столько видела от тебя чудесного, но до сих пор не записала ни одного случая твоих чудесных деяний и не послала в Калифорнию (через отца Митрофана Братству преподобного Германа Аляскинского). Но это не потому, что я не хотела, а потому, что не имела случая: или спешу, или когда у меня даже оказывается свободная минута, не могу этого сделать, Прости же меня». Так я посетовала о своем грехе пред ним и пошла домой.

Рано утром должна была идти в Леснинский монастырь. Приехав туда и войдя через монастырские ворота, увидела настоятельницу Феодору, выходящую из храма. Глядя на меня, она радостно воскликнула: «Зина, смотри – вот твоя история!» Она подняла руку, держа какую-то белую бумагу. Приблизившись к дорогой настоятельнице, я получила от нее благословение, и она вручила мне русскоязычный журнал, хорошо известный мне, – «Православный благовестник»²⁰, на обложке которого был портрет архиепископа Иоанна, сделанный, когда он был еще молодым епископом в Шанхае. Я подумала, что бы это могла быть за «история»? Открыла журнал и на странице 105 нашла свою историю об иконе преподобного Сергия, которую только что здесь изложила. Вот так сюрприз! Только за день до этого я просила блаженного простить меня за неспособность написать о тех чудесах, которые он все время совершает, – и на следующий день доказательство прощения уже у меня в руках. И дня не прошло, как он дал такой замечательный ответ, и притом без моего участия.

Каждый раз, когда блаженный Иоанн являет мне свои святые деяния, то для подтверждения, что они от него, это всегда

сопровождается или его фотографией, или чем-нибудь другим, напоминающим о нем. Я получала этот журнал уже много лет, но то был единственный случай после его кончины, чтобы его фотография сопровождала «мою историю». Теперь, когда я лежу в больнице и освобождена от всех забот, могу рассказать о его чудотворных деяниях. Слава Богу за все и за таких святых людей, как наш блаженный Иоанн! *(Примечание издателей. Отец Митрофан переехал в Сан-Франциско непосредственно перед кончиной блаженного Иоанна. Братство преподобного Германа, основанное праведным архиепископом Иоанном, неизменно просило отца Митрофана прислать биографические сведения о нем. Отец Митрофан в свою очередь неизменно обещал прислать их, как только получит из Парижа, но ничего от него не пришло. Однажды он получил письмо от Зинаиды Юлем, которое дал нам для публикации и которое мы напечатали на страницах нашего журнала «Православный благовестник». Поскольку весь номер был посвящен блаженному Иоанну, мы поместили на его обложке портрет Владыки. В том же номере напечатали и некоторые небезынтересные материалы из австралийского буклета архимандрита Вениамина (Гаршина), в коем уточняется история преследования блаженного Иоанна.)*

27

Однажды я лежала больная. В то время блаженный Иоанн жил недалеко от нас. В этот день знала, что он будет служить утром, а на следующий день должен ехать в Брюссель, и притом надолго. Я очень хотела причаститься, но была так больна, что не могла встать с постели. Много раз безуспешно пыталась это сделать, но была совсем слаба. Я продолжала молиться и надеяться; наконец, собрала все свои силы и с великим трудом встала, оделась и вышла. Едва смогла добраться до храма, подняться по ступеням и войти в боковой придел, ближайший к алтарю, где служил блаженный Иоанн.

Он стоял спиной к двери и уже держал чашу в руках, готовый приобщить верных. В отчаянии я подумала, что опоздала получить Святое Причастие, и стала на колени за аналоем в середине храма, который скрыл меня от взора Святителя. Блаженный Иоанн не видел меня, да никак и не мог видеть. И я начала тихо плакать, что буду лишена Святого Причастия, так как опоздала. Вдруг слышу его голос: «Зина, ты хочешь причаститься?»

Вы не можете представить себе, что я пережила в тот момент! Он снова прознал это духом! Какая благодарность была у меня к Богу и святителю Иоанну за то, что он услышал желание сердца моего в духе своем! Он меня исповедал и причастил, и я покинула храм совершенно

здоровой. Замечательно, особенно если учесть, что только что я была совершенно больна!

Другое подобное исцеление произошло в Великую Субботу, когда на ноге у меня появилось большое красное пятно и вспухли вены. Я не могла ходить, нога страшно болела. Дома мама тоже больна, а в храме перед Пасхой полно дел. Как поступить? Я сразу обратилась к блаженному Иоанну: «Пожалуйста, помоги мне». Едва дойдя до дома, легла в постель и заснула. Утром проснулась, от вздутия нет и следа. Могла ходить, боли не было. Не чудо ли было это?!

28

1. Однажды, когда блаженный Иоанн был еще с нами во Франции, мне нужно было устроиться на работу, и с его помощью я получила место в доме одной светской дамы, державшей огромную собаку. Ее мать, очень старенькая, пришла раз навестить дочь, и собака от радости прыгнула на старушку, которая упала и сломала бедро. Ее забрали в больницу, и врачи сказали, что она вряд ли поправится, потому как уж очень слаба. Тогда я побежала к блаженному Иоанну просить его молитв. Он обещал помолиться. Вскоре старушка почувствовала себя много лучше, постепенно совсем поправилась и жила еще много лет.

2. После кончины блаженного Иоанна заболела уже сама хозяйка, у которой я работала. Я быстро побежала в храм и заказала панихиду по нашему Праведнику. Ее болезнь была серьезной: в почках нашли злокачественную опухоль, и врачи высказывали весьма пессимистические прогнозы. Я тогда заказала три панихиды по блаженному Иоанну. Вскоре врачи сделали анализ и ничего не нашли. Она так же, как и ее мать, поправилась и до сего дня, благодаря Богу, в добром здравии.

3. У той же дамы была хорошая подруга, а у нее – младшая сестра. Девушка собиралась замуж, как вдруг у нее совершенно неожиданно распух средний палец на руке, затем покраснел и стал мучительно болеть. Это, конечно, нарушало ее свадебные планы. Палец очень болел, врачи испробовали все способы лечения, но ничего не помогало. Прошел год. Она обследовалась снова, и обнаружилось, что это рак. Все, естественно, очень забеспокоились и не знали, что делать. Я же побежала в храм, заказала панихиду по нашему дорогому блаженному Иоанну и просила его помочь бедной девушке. Всего заказала три панихиды. Палец начал медленно заживать и вскоре зажил окончательно. Теперь она замужем, имеет двух маленьких детей.

29

Другой замечательный случай. Елена Павлова была тогда еще молодой девушкой и очень любила блаженного Иоанна. Однажды (он тогда был еще жив) она пришла ко мне и сказали: «Тетя Зина! У меня

нарост на ступне, который можно ликвидировать только хирургическим путем, но я этого боюсь. Завтра мне назначили лечь в больницу на эту операцию. Но я не хочу, потому что мне страшно». «Почему же ты не попросила блаженного Иоанна помолиться о тебе, после чего ты могла бы спокойно лечь на операцию?» – спросила я ее. И она в детской простоте стала молиться ему. Она просила не только о том, чтобы операция прошла благополучно, но и чтобы не делать ее вовсе. Она даже не написала ему, но просто мысленно попросила о помощи. И в тот самый момент ее нарост исчез и никогда больше не появлялся. И все! Ей не нужна была никакая операция.

Блаженный Иоанн предсказал этой же самой девушке, что она станет женой священника, матушкой! Когда она была с нами в последний раз, то подошла к нему перед уходом, немного побеседовала с ним и спросила: «Можно мне выйти замуж за молодого француза, который очень мил и ухаживает за мной?» Иерарх склонил голову набок, улыбнулся своей детской улыбкой и сказал: «Ты будешь матушкой». Потом немного помолчал и добавил: «Только ты должна выйти замуж за русского». И вскоре она действительно стала женой священника.

30

Когда я служу панихиду по блаженному Иоанну, то прошу его помолиться Богу в связи с тем или иным поводом, и он слышит меня. Он всех слышит. Вспоминаю, что, когда блаженный Иоанн нас покидал, он сказал мне: «Зина, когда ты или кто-нибудь еще заболит, сразу дайте мне знать». И когда он переселился от нас в другой мир, я подумала: «Что мне делать без него и без его помощи?» Но я решила: панихиды должны служить по нему как обращения к нему и надо просить его святых молитв, как если бы он был жив. И он услышит и поможет.

Недавно в нашем храме был такой случай. Один из наших прихожан, человек глубоко верующий, пришел за помощью. Он был женат на француженке, имел троих детей. Его старшая дочь, 16 лет, недавно была в нашем храме и казалась такой цветущей, здоровой молодой девушкой. Обнаружилось, однако, что она каким-то образом повредила себе бок, и вскоре появилась большая опухоль величиной с яблоко. Ее взяли в больницу, врачи нашли опухоль злокачественной и удалили ее. Но оказалось, что уже пошли метастазы, и была затронута часть легкого. Увидя это, врачи сказали, что дело безнадежное и спасти ее может только чудо. Вот тогда-то отец прибежал в храм и просил молитв нашего священника. Когда он ушел, я попросила священника отслужить панихиду по блаженному Иоанну, и мы вместе помолились.

Спустя несколько дней отец позвонил и попросил священника навестить его дочь в больнице. Тот пришел и, вернувшись, сказал нам, что теперь врачи уже надеются на выздоровление.

Как много чудес совершается по молитвам блаженного Иоанна! Поистине среди нас был великий святой, и милостивый Бог удостоил меня, великую грешницу, быть свидетельницей этого.

Чуден Бог, Бог Израилев!

*Зинаида В. Юлем.
Париж, 1978, лето*

III. Блаженный Иоанн в Нидерландах

К сожалению, я никогда не виделся с архиепископом Иоанном (Максимовичем), потому что и саму Православную Церковь узнал только в 1975 году. И все же у меня ощущение, что знаю Владыку лично, так как наша церковь в Гааге исполнена его блаженной памяти, и его присутствие ощущается во всем: в том, как проходит богослужение, в словах нашего архиепископа Иакова и архимандрита Адриана (его духовного сына), в его иконе, что в нашем храме, в его ризах из прекрасного китайского шелка, в его четках, которыми до сих пор пользуется наш архиепископ Иаков. Но позвольте начать сначала.

Очень давно, в начале XVIII века, в Нидерландах была Православная церковь. Царь Петр Первый, который недолгое время был в Голландии, основал в 1697 году маленькую церковь в Амстердаме (от имени русских моряков). Как она выглядела и где находилась, теперь неизвестно.

В 1763 году один дом в Амстердаме, под названием «Три сокола», был превращен в храм – Русско-Греческую церковь святой Екатерины, которая просуществовала до 1865 года. Она не стала протестанткой, как вся голландская королевская семья, но держалась своей Православной веры. Сперва она посещала храм в Амстердаме, затем основала приход святой Марии Магдалины в Гааге, существующий и по сей день. Вначале он был во дворцовой часовне Рустенбург-Зорфлит, а затем, в 1911 году (после смерти королевы Анны Павловны), в доме на Базельстраат. После революции 1917 года русские беженцы влились в приход, который по прекращении дотаций очень оскудел. В 1937 году при посредстве специального Голландского комитета помощи русскому приходу была построена новая церковь, на Обрехтстраат, также посвященная святой Марии Магдалине. В то время священствовал иеромонах Дионисий (Лукин), прибывший из Парижа (юрисдикция Парижского митрополита Евлогия). В 1938 году в русский православный приход вошли первые два голландца. Вскоре появились и другие обращенные – в результате тех бесед о Святом Православии,

которые вел в нескольких городах отец Дионисий. Он также начал переводить православные богослужебные книги на голландский язык, в 1944 году официально признанный митрополитом Евлогием в качестве литургического. Приходы были основаны в Амстердаме и Хаарлеме.

В 1945 году Православная Церковь в Нидерландах стала жертвой юрисдикционных конфликтов, возникших в православной диаспоре. Иеромонах Дионисий последовал за митрополитом Евлогием, вернувшимся в Московский Патриархат. Но часть верующих не последовала за отцом Дионисием и основала другой приход в Гааге, под юрисдикцией Русской Зарубежной Церкви. «Церковь в изгнании» основала приходы в Амстердаме и в 1955 году в Арнеме. Эти приходы также привлекли новообращенных голландцев. Наконец, небольшая группа православных принадлежала к парижской юрисдикции русской западноевропейской епархии Константинопольского Патриархата, с приходами в Маастрихте, Девенкере и малым монастырем в Сент-Хюберт-Моолен.

После 1945 года Голландия приняла новую волну эмигрантов из России, которые поселились в основном в Роттердаме. Службы совершались вначале на корабле, а затем в домашней церкви.

В 1959 году эта церковь была освящена в честь иконы Божией Матери «Скоропослушница» экзархом Московского Патриархата Николаем (Клишиевским) совместно с митрополитом Антонием (Блюмом) из Лондона. В 1966 году иеромонах Дионисий был посвящен в Москве во епископа (для Роттердама) при архиепископе Василии (Брюссельском).

В 1976 году он умер. Тем временем в Московской юрисдикции шли важные изменения. В 1971 году епископ Голландской Православной Церкви Иаков возглавил приходы Московского Патриархата. Епископ Иаков (Аккевсдеке), первоначально бенедиктинский монах римокатолической церкви, был в 1940 году принят в Русскую Православную Церковь архимандритом Дионисием вместе со своим другом монахом Адрианом. В 1946 году они основали первый голландскоязычный приход, православный храм святого Иоанна Крестителя, а в 1954 году – монастырь святого Иоанна Крестителя. Основным назначением монастыря было православное миссионерство среди голландского населения, перевод на голландский язык богослужебных книг и совершение полной дневной службы на голландском языке в соответствии с Типиконом.

К несчастью, в 1950 году отец Адриан заболел туберкулезом, и его послали лечиться в Швейцарию (до 1953 года). Это время он использовал, однако, для перевода Православного богослужения на

голландский язык. Теперь Божественная литургия и службы Вечерни и Утрени (а также требы из Православных богослужебных книг), переведенные на голландский и соответствующие канонам Православия, могли удовлетворять литургические потребности голландских конгрегаций.

Эта гигантская переводческая деятельность завершилась в 1984 году, когда на голландский была переведена последняя книга, Общая Минея, так что теперь Голландская Православная Церковь располагает уже полным составом богослужебных книг на своем языке. И вот с этой-то Церковью и была связана деятельность владыки Иоанна (Максимовича).

В 1952 году владыка Иоанн, будучи архиепископом Брюссельским и Западноевропейским, по собственной инициативе посетил голландский православный монастырь. Он осмотрел весь храм и алтарь, богослужебные книги и иконы. Пробыл там час или более, казался весьма удовлетворенным миссионерскими трудами отца Иакова и отца Адриана и предложил, когда нужно, обращаться к нему за помощью.

«Он сказал, что мы можем приходить к нему всегда, когда будут затруднения, – пишет архиепископ Иаков Гаагский, – и в 1953 году мы этим воспользовались, когда наша деятельность не встретила должного понимания. Я тогда был один, так как отец Адриан находился в швейцарском санатории. Там он встретил русских детей на каникулах с монахиней из Леснинского монастыря (Франция). Они также знали архиепископа Иоанна, и мы поехали проведать его в Версаль. В декабре 1953 года мы попросили быть принятыми под его омофор, так как он был тогда архиепископом Брюссельским и Западноевропейским. Это прошение было удовлетворено в январе 1954 года.

Мы благодарны ему за все то, что он сделал для нашей Церкви. Его икона в нашем храме у канона, и мы всегда называем его нашим основателем».

Архиепископ Иоанн взял Голландскую Православную Церковь под свой омофор, установив с ней длительные и дружественные контакты, оказавшиеся весьма плодотворными и благословенными для Голландской Церкви.

Он был замечательным духовным отцом для игумена Иакова и отца Адриана, очень хорошо понимал значение миссионерских церквей в целом и как мог способствовать их деятельности. Его омофор действительно означал защиту для Голландской Церкви. Он отстаивал пользу голландского богослужебного языка и необходимость адаптации к голландским условиям. Каждый, кто знал его тогда, видел в нем святого. Он очень помогал, когда болезни, нищета и другие беды

осаждали наш незащищенный монастырь. Всякий раз, когда он посещал Нидерланды, он останавливался в монастыре, где чувствовал себя совершенно как дома. В 1962 году он постриг мать Иоанну, которая была старшей в общине. Он также принял насельниц в Леснинский монастырь Божией Матери во Франции, ставший для них родным домом. Многие мы тогда узнали о его молитвенной и аскетической жизни, которая произвела неизгладимое впечатление на Голландскую Церковь. Его указаниям и пояснениям к Типикону следуют и по настоящий день, а его любовь к людям, особенно к детям, вспоминается с самым глубоким чувством. Мы всегда будем благодарны за то, что знали его и были любимы им. И верим, что эта любовь послужит нам и теперь, когда он молится в предстательстве за нас нашему Господу и Спасителю, Чьим верным слугою он был в своей земной жизни. 19 сентября 1965 года архимандрит Иаков по настоянию архиепископа Иоанна был избран и хиротонисан митрополитом Филаретом Нью-Йоркским во епископа Гаагского и Нидерландского в Брюссельском храме святого Иова Многострадального, став первым голландским православным епископом.

После кончины владыки Иоанна (Максимовича) 2 июля 1966 года в Сиэтле Синод Русской Зарубежной Церкви обнаруживал, к сожалению, все меньшее понимание Голландской миссии. После периода тревожений Голландская Православная Церковь вернулась в 1971 году в лоно Московского Патриархата, и епископ Иаков (позднее архиепископ) стал главой Голландской епархии, последовав за епископом Дионисием. В настоящее время Церковь имеет несколько приходов и монастырь в Гааге, а также приходы в Амстердаме! Гронингене, Амерсфорте и Роттердаме.

Здесь я должен завершить свой очерк истории Православной Церкви в Нидерландах. Как вы можете видеть, Голландская Православная Церковь пережила все волнения и искушения юрисдикционных конфликтов, которые обрушились, кажется, на каждую Православную Церковь диаспоры. Надеемся, что в будущем жизнь нашей Церкви будет протекать в мире и святости, не омраченная юрисдикционными и политическими напастьями. Мы молимся за единство и независимость Православной Церкви в Европе, но, к сожалению, я думаю, это будет еще нескоро.

О почитании Владыки и любви к нему православных голландцев емко сказано в предисловии, написанном епископом Иаковым для «Жизни архиепископа Иоанна» (1966, осень): «Это издание посвящается в первую очередь памяти нашего внезапно скончавшегося архиепископа Иоанна. Мы надеемся, что символом нашей памяти о нем будет лежащая перед всеми вами фотография нашего Владыки за

совершением Божественной литургии в нашем храме. На ней он чрезвычайно похож, и каждый знавший его, сразу увидит, что это владыка Иоанн. Фотография была сделана во время Литургии в понедельник Святого Духа, когда он назначил меня настоятелем монастыря. Ему было только семьдесят, когда он умер, совершенно одиноким, каким и был всегда с тех пор, как стал епископом. Он все делал по-своему: каждый день совершал полный круг богослужения и служил Божественную литургию, где бы ни находился – в поезде, на пароходе или в больнице. А если он не мог совершать ее по болезни, то приглашал священника служить в его комнате. Его знали и высоко чтили во всем мире. В Париже диспетчер железнодорожной станции задерживал отправление поезда до прибытия «русского Архиепископа».

Во всех европейских больницах знали об этом Епископе, который мог молиться за умирающего всю ночь. Его звали к одру тяжелобольного – будь он католик, протестант, православный или кто другой, – потому что, когда он молился, Бог был милостив.

Он умер 2 июля, внезапно, во время молитвы. «У нас нет больше отца!» – этот крик был слышен во всей Церкви, во всем мире. Голландская Православная Церковь также осиротела и не имеет заступника на земле. Но он остается могучим заступником нашей малой Церкви пред Богом. Последнее, что он сделал для меня, – прислал мне свои пасхальные ризы и митру. На мое благодарственное письмо ответа не последовало. У меня нет и не будет больше духовного отца, во всяком случае, такого, как он, который звонил бы мне в полночь, чтобы сказать: «Иди теперь спать: то, о чем ты молишься, получишь».

Владыко, спасибо тебе за все и поминай нас, твою Голландскую Православную Церковь, у Престола Господня.

Отец Мартин Эрлингс

Немного личных воспоминаний.

Игумен Адриан (1966)

Архиепископ Иоанн почитается основателем Православной Церкви в Нидерландах, и первое его житие, появившееся после его кончины, было опубликовано на голландском языке в периодическом издании этой Церкви (нижеследующая статья была опубликована в том же номере). Впоследствии на голландский было переведено более полное житие Владыки и напечатано в том же издании.

Владыка Иоанн, называемый Шанхайским, был человеком, подобного которому жаждешь встретить хотя бы раз за всю жизнь. И когда такая встреча становится реальностью, помнишь о ней всегда. Он был личностью в буквальном смысле уникальной и совершенно

своеобразной, ибо множество свойств, редких и самих по себе, соединились в нем исключительным образом.

До сих пор у меня перед глазами его приезд к нам в церковь около 15 лет назад. Внешне он сильного впечатления не производил: маленькая, коренастая фигурка, неправильное лицо в обрамлении беспорядочно спутанных волос и бороды. Серьезный дефект речи очень затруднял понимание его, хотя он мог общаться на немецком, французском и английском языках. Но он был немногословен.

Очень спокойно, не обращая никакого внимания на ожидавших его людей, он осматривал весь храм. Подошел к алтарю, приложился к нему, детально рассмотрел все, что на нем. Затем стал изучать одну за другой иконы и книги (как печатные, так и рукописные).

Проведя так целый час, ушел. Познакомился с голландскими священниками и предложил обращаться к нему, если у нас будут какие-нибудь трудности.

Год спустя у нас действительно возникли серьезные неурядицы. Попытки их ликвидировать, предпринимавшиеся в течение долгого времени, не дали результатов, и мы решились обратиться к нему. Так было положено начало нашим длительным дружеским связям, благословенным и для нас лично, и для Нидерландской Церкви в целом, которую он принял тогда под свой омофор. Ведь это означало, что он действительно берет нас под свою защиту, и он великодушно

защищал нас от всех ударов, которые по злой воле были направлены на молодую и уязвимую общину.

Итак, мы получили возможность узнать его лучше и наблюдать его невероятный образ жизни. Ведь он часто навещал нас и во время посещения Русской Церкви в Нидерландах обыкновенно оставался с нами в монастыре, где чувствовал себя как дома. К тому же мы неоднократно ездили с ним во Францию, в Леснинский монастырь, или бывали у него в Русском кадетском корпусе в Версале.

Что поражало сразу, так это его неправдоподобно строгий аскетизм. Будто святой пустынный первых веков явился среди нас. Он никогда не ложился в кровать и даже не имел ее (непонятно, как во время тяжелой болезни его ухитрялись выхаживать). Он спал краткими урывками, иногда несколько минут, стоя на молитве, по ночам – несколько часов, сидя на стуле, а иногда, смущая многих, – во время неинтересного для него разговора (но и при этом он, однако, никогда не терял нить беседы). Всегда ходил босиком, даже по жесткому гравию Версальского парка. Позднее Митрополит запретил ему это – после серьезного заражения крови от пореза стеклом. Питался он только раз в сутки, ближе к полуночи, когда кто-нибудь за этим следил, когда же не следили, то мог пропустить и эту трапезу.

Но еще более впечатляющим был «живой пример» его молитвы. Божественную литургию он служил каждый день, при любом, даже самом малом числе присутствующих. Во время богослужения тратил много времени на приготовление Даров. Дискос был переполнен из-за множества поминовений. Из каждого «кармашка» он доставал записки с именами, каждый день добавлялись все новые – из писем, доставленных со всех частей света: люди просили его молить, особенно за больных. К тому же он хорошо запоминал всех, с кем ему довелось встречаться в своей деятельной жизни. Он знал и помнил их нужды, и уже это было для людей утешением. Во время Великого входа с Дарами он начинал новое поминовение по вновь полученным запискам, так что хор должен был иногда трижды повторять Херувимскую. После Божественной литургии он еще часами задерживался в храме. С исключительной тщательностью очищал чашу и дискос, жертвенник и алтарь. Одновременно потреблял несколько просфор и пил много теплоты.

Он читал вслух часы, где бы ему не случилось быть: часто в поезде или на пароходе, среди других пассажиров (он много путешествовал). Днем читал утреннюю корреспонденцию, после Божественной литургии какое-нибудь доверенное лицо распечатывало полученные им письма, чтобы узнать, нет ли каких-нибудь срочных просьб. Порой он сам рассказывал о содержании писем до их распечатывания – даже

если речь шла о делах, о которых он ничего не слышал в течение весьма длительного времени. Строго следил, чтобы в храме, и особенно в алтаре, не велись посторонние разговоры – те, что не относятся к богослужению.

В первую очередь его внимание было обращено к больным и одиноким, которых он навещал даже в самых отдаленных местах. На ремешке вокруг шеи он носил плоский кожаный ковчежец с иконой – копией чудотворной Курской иконы, привезенной эмигрантской Церковью из России. У постели больного он пел своим прерывистым голосом небольшую службу Божией Матери, а в нужный момент приносил ему и Святое Причастие.

Его любимцами были дети, которых он так охотно держал при себе. Он всегда интересовался ими, экзаменовал их, посылал им открытки и приносил подарки. Он мог смотреть им в глаза по несколько минут тем теплым лучистым взглядом, который проникал в глубину души, и это было как объятие матери для младенца. Этот взгляд был незабываем. Тело этого аскета было как высохшая кора дерева, но каждый, кто встречался с ним взглядом, ощущал себя самым любимым существом на земле.

Однако многих, знавших его только поверхностно, раздражали его «внешние проявления», но он и не стремился к внешней благовидности, оставаясь при всех обстоятельствах самим собою: монахом, думающим только о молитве и нуждах просящих. И все же больше было тех, кто любил его, даже если они и уставали от его требовательности. Известно, что он провел в Вашингтоне много дней в приемной Министерства иностранных дел, пока не «исторг» там разрешение на въезд для тысяч русских беженцев из Китая, среди которых были и больные, – до того никому подобное не удавалось. Куда бы он ни шел, везде появлялись люди, желавшие поговорить с ним. Когда он гулял по Парижу, люди со всех сторон сбегались к нему получить благословение. И тогда можно было видеть элегантно одетых дам без помады на губах, так как все знали, что он этого не любит. Поезд на Дьеп (где позднее разместился Кадетский корпус) уходил с вокзала Сен-Лазар порой с большим опозданием, потому что диспетчер уже издали видел русского господина, которого всегда «держали» какие-то люди. И все же Владыка часто пропускал поезда, поскольку время было для него понятием достаточно относительным.

Здесь много можно было бы рассказать различных «анекдотов». Вот, к примеру, бродяга из Лиона, который с энтузиазмом повествует, как владыка Иоанн ходил, бывало, по ночному Шанхаю в самые трудные годы и раздавал хлеб и деньги даже пьяницам. Этого он никогда не забудет, с каким бы скепсисом ни отзывался о других.

Как он жил, так и умер – совершенно непредсказуемо, один в своей комнате, куда зашел отдохнуть после богослужения. Это произошло во время поездки в Сиэтл – на крайний север его обширной епархии. Мы всегда будем благодарны ему за то, что знали его и были любимы им. И верим, что наша взаимная любовь будет еще долго согревать нас, особенно теперь, когда Владыка предстоит пред Господом, Чьим преданнейшим земным слугой он был.

VI. Кончина святого

«...не слышало ухо, и не приходило то на сердце человеку, что приготовил Бог, любящим Его» 1Кор. 2:9.

Та невыразимая радость и слава Царствия Небесного, которые составляют цель христианской жизни, частично отражаются уже на земле в тех, кто живет жизнью благодати в Церкви Христовой. Видение Неба ясно, а жизнь в благодати наиболее интенсивно ощущаются в Светлый Праздник Воскресения Христова, когда должным образом принимаются Святые Таины. И все же Бог временами дарует Своему народу особую милость: чудотворную ли икону Божией Матери или одного из святых Своих.

Недавнее успение и погребение Иоанна (Максимовича), архиепископа Сан-Францисского и Западно-Американского (Русской Зарубежной Церкви) тому пример, ибо присутствовавшие при этом уверенно подтверждают, что тогда открылась особая благодать.

Все, связанное с этими событиями, было необычно. Прежде всего, таковой была сама смерть. Она произошла в Сиэтле, куда Его Преосвященство поехал на несколько дней, сопровождая чудотворную Курскую икону Божией Матери, в субботу в 3.50 дня 19 июня (2 июля по новому стилю). Смерть была внезапной, но в тот день после совершения Божественной литургии Архиепископ три часа молился в алтаре, что было редко даже для такого молитвенника. Лишь только он покинул храм, чтобы несколько минут отдохнуть в своей комнате, как случился роковой приступ. Свидетели сообщают, что он скончался мгновенно, мирно и без боли. Эти обстоятельства, как и те предсказания, которые он сделал заранее (одно из них за день до поездки в Сиэтл), не оставляют сомнений в том, что о приближающейся кончине он знал и приготовился к ней, как то было с великими святыми на протяжении всей истории Христианской Церкви.

По прошествии суток тело его перевезли в собор Сан-Франциско (строительство которого завершил он сам). Его встретил соборный клир, как бывало при жизни Архиепископа, и началось бдение, должное продлиться четыре дня. Каждый день после вечерних и утренних богослужений служилась торжественная панихида, а в

течение оставшегося дня до полуночи епархиальное духовенство читало Евангелие. После полуночи наступило трогательное прощание: служители и чтецы собора читали всю ночь Псалтирь, Архиепископ был и после смерти окружен молодыми людьми, которых так любил при жизни. Все это время люди непрерывно приходили, чтобы проститься со своим любимым пастырем.

На каждой службе в проповеди, которая читалась одним из служивших архиереев перед открытым гробом, давалось духовное наставление народу. В воскресенье 3 июля епископ Нектарий Сиэтлийский, викарий правящего архиерея, призвал всех приложиться «к мощам» Архиепископа, и это слово, примененное к телу усопшего иерарха, было понято всеми как имеющее специальное значение «к телу святого», 4 июля епископ Савва Эдмонтонский назвал Архиепископа «блаженным» и, еще дерзновеннее, – «чудотворцем своей эпохи» и поведал, что молится ему уже как святому, 6 июля архиепископ Аверкий из Свято-Троицкого монастыря говорил об аскетической жизни архиепископа Иоанна и особо о его сверхъестественной «борьбе со сном», вынуждавшей его ни разу не ложиться за все сорок лет монашеской жизни, но только час-другой отдохнуть ночью в неудобном положении – сидя или склонившись на полу перед иконой: явное чудо в эпоху общего духовного спада. Архиепископ скончался сидя и еще заранее изъявил желание быть похороненным в сидячем положении (как византийские иерархи), но это осуществиться не могло. 7 июля митрополит Филарет, только что прибывший из Нью-Йорка, отметил «истинный христианский аскетизм» Архиепископа, назвав его «примером подлинной аскетической твердости и строгости», неслыханной в наши дни.

С первого же дня бдения было очевидно, что это не обычное прощание с усопшим, даже с иерархом. Было ощущение присутствия тайны – тайны святости. Пришедшие были твердо убеждены, что пришли хоронить святого.

Все эти дни происходило необычайное излияние любви. Каждый внезапно ощутил себя сиротой, так как для каждого Архиепископ был самым близким, понимающим, любящим. Закоснелые враги, а таковые у него были, приходили просить прощения по смерти у того, кто не держал на них зла при жизни.

Но кульминацией бдения было само заупокойное богослужение, начавшееся 24 июня (7 июля по новому стилю), во вторник в 17.30. Присутствовали пять иерархов (кроме вышеназванных был и архиепископ Леонтий из Сантьяго, Чили), 24 священника, многочисленные служители и более 1 500 верующих, переполнявших большой собор в течение 6 часов. Усердие присутствовавших на долгой

службе, установленной Церковью Христовой при успении ее иерархов, имело лишь немногие аналогии в этом столетии. Более всего оно напоминало усердие, являемое иногда при богослужениях Страстной седмицы и Пасхи, и ощущения были, действительно, сходными. С печалью об уходе этого Божия человека, который был любящим отцом многих тысяч в Китае, Европе и во всем мире, было смешано предчувствие радости обретения чего-то большего – небесного заступника. Все, кто молились о упокоении его души, начали молиться уже непосредственно ему: чтобы он мог продолжить, теперь уже в своей небесной обители, свое отеческое предстательство за них. Самые близкие ему опускали в гроб иконы, кресты, цветы и даже детей, а иерархи – панагии, чтобы взять их обратно после прикосновения к святому телу, которое даже на шестой день (не бальзамированное) не обнаружило никаких признаков тления. Как неслучайно, что собор, в котором он должен был закончить свое пожизненное служение Церкви Христовой и найти свое последнее обиталище, был посвящен «Всех Скорбящих Радосте»! За погребальной службой последовало последнее прощание с телом всех присутствовавших и троекратное обхождение храма. Сироты, спасенные и возрожденные Архиепископом в Шанхае, сопровождали похоронные дроги. Это было кульминацией тех дней и истинно триумфальной процессией. Казалось, что присутствуешь не на похоронах умершего иерарха, но при открытии святых мощей новопрославленного святого. Один из присутствовавших там иерархов отметил сходство с процессией Господней плащаницы в канун Великой Субботы. Тело было погребено в небольшой усыпальнице под алтарем, а последняя «вечная память» пропета уже после 1.00. В течение четырех дней – срок беспрецедентный – Совет инспекторов внес поправки в городской закон, чтобы разрешить захоронение иерархов в их соборах, и место упокоения Архиепископа оказалось, таким образом, окончательным.

Епископ Игнатий (Брянчанинов) в своих «Мыслях о смерти» писал: «Видели ли вы когда-нибудь тело праведника, душа которого оставила его? От него не исходит смрад и к нему не страшно приблизиться. Во время его похорон печаль претворяется в какую-то непостижимую радость». И это, по епископу Игнатию, есть знак того, что «усопший стяжал прощение и Божию милость». Все это и ощущали те, кто сопровождал архиепископа Иоанна к его последнему пристанищу.

Но здесь отнюдь еще не завершается история жизни архиепископа Иоанна. Он уже прославлен в сердцах и молитвах тех, кто знал его. К месту его упокоения ежедневно прибывают паломники. Верные несколько раз вспоминали в те дни о предсмертном обещании

преподобного Серафима Саровского слышать молитвы тех, кто будет приходить к его могиле и говорить ему как живому о своих нуждах и печалях. Это вдохновило их делать то же самое и у гроба архиепископа Иоанна. Не проходило и дня, чтобы кто-нибудь из духовных чад Архиепископа не пришел «поговорить с Владыкой», почитать Псалтирь, всегда раскрытую у места его упокоения, или попросить его заступничества.

И если жизнь этого праведника была истинно угодной Богу, – а мы не можем сомневаться в этом, – то и память о нем не останется только местной. Он был, как выразился один из ближайших к нему священников, «святым аскетом вселенского значения». И поистине его жизнь была феноменальной для наших дней – жизнь того, кто был на деле столпом святости в этом мире, доступным для всех и совершавшим своей молитвой чудеса.

Именно святые Божии дают пример жизни, всецело преданной Богу. В век, когда из-за холодности и беспечности даже православные христиане теряют «соль» подлинного Христианства, смерть Святителя

оказалась знамением и откровением свыше, обновляющим в нас то соприкосновение с Небесным Царством, без коего нет духовной жизни.

Евгений Роуз 1966

VII. Усыпальница

Золотая лихорадка превратила небольшой аванпост римокатолической миссии в Америке в большой город – Сан-Франциско. Дух этой страсти с тех времен не оставлял города, дух мира сего имел полную власть над ним, самым притягательным городом зла всей страны. Но после покупки Аляски Соединенными Штатами Сан-Франциско стал также первым в стране православно-церковным центром и кафедрой первой Православной миссии, чьи иерархи как истинные пастыри, сеющие слово Божие, стали наглядным подтверждением слов апостола Павла: *«А когда умножился грех, стала преизобиловать благодать...»* (Рим. 5:20).

Сегодня, столетия спустя, слова эти еще уместнее. Помимо прежних грехов в городе совершаются откровенные сатанинские служения и взращивается целое поколение их жрецов. Но и благодать Божия не посылается в таком преизбытке ни в один другой город. Ибо здесь жил истинный сосуд Святого Духа в оболочке хрупкого и невзрачного маленького человека – архиепископа Иоанна (Максимовича), мощи которого захоронены в этом же городе в усыпальнице под величественным собором, им же завершеном.

Еще при своей земной жизни архиепископ Иоанн считался святым. Многие люди со всего мира обращались с просьбой о его молитве, и многие свидетельствовали об очевидной чудесной помощи его. После смерти праведника его усыпальница стала поистине святым местом. Тысячи людей посещают ее ежегодно. Многие присылают письма с просьбой помолиться о них пред его гробом. Просят прислать остатки свечей, возжигавшихся здесь за них и капли масла с горящих лампад. Ежегодно в годовщину смерти Владыки, 19 июня (2 июля), в усыпальнице совершается Божественная литургия, а затем пред рассветом, несмотря на ранний час, усыпальница заполняется верующими, и почти все они принимают Христовы Тайны.

Сам собор с пятью золотыми куполами посвящен чудотворной иконе Божией Матери «Всех Скорбящих Радосте». Он стоит, на бульваре Гири, между 26-й и 27-й авеню и возвышается над северо-западной частью Сан-Франциско, хорошо просматриваясь из разных точек города. Заметен он и путешественникам, приближающимся с океана или по мосту «Золотые ворота». Усыпальница двумя ярусами ниже алтаря, ее стены украшены фресками, сделанными в 1967 году известным иконописцем Пименом Максимовичем Софроновым –

первым, кто принес великую иконографическую традицию в Новый Свет.

Стоит спуститься на уровень самого нижнего, цокольного, этажа, чтобы войти в довольно просторную часовню, где низкий потолок и стены покрыты фресками, а пол сверкает мрамором. В центре, в окружении множества мерцающих свечей – саркофаг, накрытый мантией архиепископа Иоанна. Во главе саркофага покоится митра Владыки, по обеим сторонам которой епископские дикирий и трикирий, а над ними рипиды. Архипастырский посох – у подножия саркофага, и в том же конце усыпальницы – аналой, где читается Псалтирь за упокой души Владыки. На аналое по другую сторону от саркофага – основная икона часовни, привезенная из Китая: икона Введения Божией Матери во храм.

Фрески, писанные Пименом Софроновым, изображают: на потолке – Господа Вседержителя, в круге над саркофагом и на стенах по сторонам саркофага – Распятие и Воскресение Христово, на южной стороне, прямо напротив входа – Покров Пресвятой Богородицы с ангелами на каждой стене, рядом на восточной стене – Ангел Господень, возвещающий Пречистой Деве и женам-мироносицам Воскресение Христово, на западной – Архангел Михаил, бывший небесным покровителем Владыки до его монашества. Между этими большими иконами – несколько икон других святых: святитель Иоанн Тобольский (небесный покровитель Владыки), святые Борис и Глафира (в память его родителей), преподобный Сергей (в память дяди) и святая Наталья (в память бабушки).

Здесь несколько ночей в течение недели местный клир служит панихиды. Непрестанно горит на саркофаге заупокойная лампада. Особенно часто посещают усыпальницу те, кто претерпевает различные беды: они приходят сюда помолиться за праведную душу их дорогого Архипастыря и попросить его предстательства пред Богом. Иные приходят с детской верой просто «пожаловаться» на свои беды и печали. И Владыка слышит их и помогает им. На Святой Руси, откуда он пришел и чьим святым «подражал», в подобных местах в специальных книгах хранились записи свидетельств о небесной помощи, получаемой от святого после молитвы с верой в него. Несколько таких свидетельств о предстательствах архиепископа Иоанна, связанных с его усыпальницей, приведены в другой части этой книги. Да укрепят они веру тех, кто находится слишком далеко, чтобы посетить это святое место!

* * *

«Наша страна», Буэнос-Айрес, № 1198, 1973, 6 февраля.

[2](#)

«Православная Русь», 1967, № 16.

[3](#)

Там же, № 6.

[4](#)

Там же, № 7.

[5](#)

Там же, № 14.

[6](#)

«Православная Русь», 1967, № 17.

[7](#)

Там же, № 19

[8](#)

Православная Русь», 1966, № 16.

[9](#)

Жизнеописание это составлено в 1966г.

[10](#)

«Православная Русь», 1966, № 14.

[11](#)

Там же, № 13.

[12](#)

Архимандрит Вениамин. «Воспоминания об архиепископе Иоанне». Стратфильд, 1966. Стр. 10, свидетельство Г. Ларина.

[13](#)

«Православная Русь», 1966, № 18.

[14](#)

Об архиепископе [Феофане \(Быстрове\)](#) можно читать в книге Ричарда Бэттса и Вячеслава Марченко «Духовник Царской Семьи. Святитель Феофан Полтавский, Новый Затворник». Изд. Братства преп. Германа Аляскинского и Российского Отделения Валаамского Общества Америки. М. 1994 и 1996 гг.

[15](#)

Сведения для этого раздела были предоставлены главным образом *архимандритом Спиридоном* (Ефимовым, † 1984), а также взяты из писем его брата Константина и сестры Марии из Венесуэлы.

[16](#)

Эти воспоминания были впервые опубликованы в сербском журнале « Православие» (1975), а их английский перевод – в журнале «Православная жизнь» (1986, июль–август).

[17](#)

Автор этих воспоминаний – первый председатель этого общества, очень любимый блаженным Иоанном.

[18](#)

Имеется в виду: «Блаженный [Иоанн Максимович](#)», Платина, Братство преподобного Германа Аляскинского, 1971.

[19](#)

Журнал «Православное слово», 1966, № 11, полностью посвященный архиепископу Иоанну.

[20](#)

«Православный благовестник», 1967, № 6

Источник: Блаженный Святитель Иоанн Чудотворец / Игумен Герман (Подмошенский), иеромонах Серафим (Роуз). - 2-е изд., испр. и доп. - Москва : Издат. дом «Русский Паломник», 2008. - 919, [8] с., [46] с. фотогр. : ил., портр.